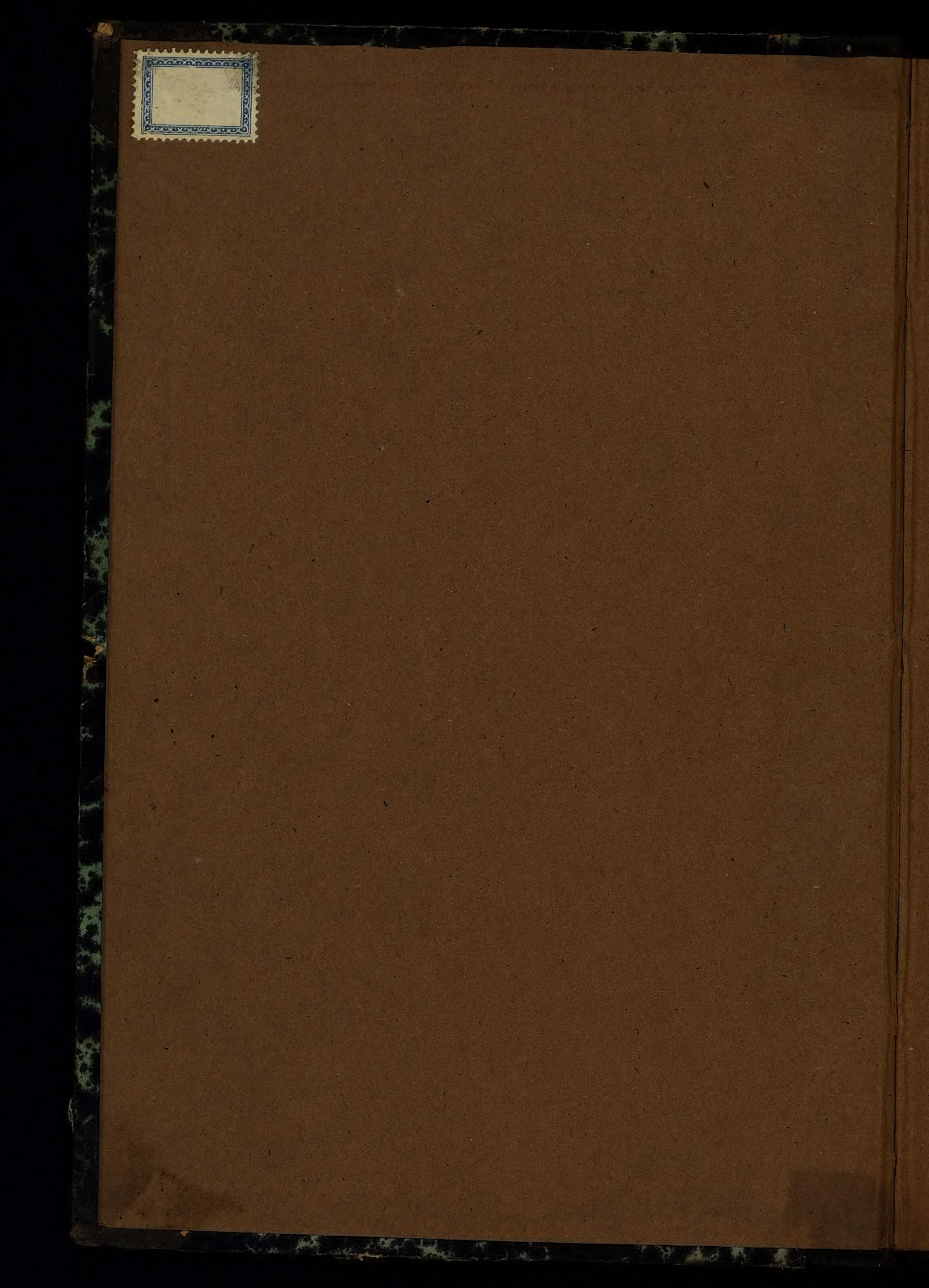

РУССКІЙ АРХИВЪ

1889

4.

Пед. Ин-т им. Герцена
Журнальный фонд
57459

Стр.

1. Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. Воспоминанія **А. В. Щепкиной** 529
2. Два письма **М. С. Щепкина** къ Н. В. Гоголю, о Московскихъ театрахъ и постановкѣ Гоголевскихъ комедій (1836 и 1842) 555
3. Къ исторіи Кавказа и Закавказья 1774. (Рескриптъ **Екатерины Великой** генералу Медему, ея граматы царямъ Карталинскому и Имеретинскому и письма къ нимъ графа **Н. И. Панина**. (Сообщены **В. С. Абакумовымъ**) 559
4. Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго**. 1826-й годъ. Персидская война. (Лагерь въ Джелалъ-оглу.—Истребленіе Нѣмецкой колоніи.—Грузинская конница.—Возвращеніе князя Меншикова изъ Персіи. — Прибытіе Паскевича и распря съ Ермоловымъ. — Невѣсты. — Стычка съ Гассанъ-ханомъ. — Давыдовъ.—Лагерь въ Гумрахъ) 571
5. Фельдмаршалъ князь Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ**. VI и VII. (Успѣхи на Восточномъ Кавказѣ.—Сношенія съ Шамилемъ.—Гунибъ и его взятіе.—Бесѣда съ Шамилемъ) 605
6. Историческое значеніе слова „кормленіе". **Д. Д. Голохвастова** 650
7. Къ біографіи Р. А. Фадѣева. Замѣтка **Н. А. Фадѣевой** 656
8. Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе**. 1853-й и 1854 годы. (Начало Крымской войны.—Въ ожиданіи должности.—Назначеніе въ Кронштадтъ)

Приложена геліогравюра, изображающая представленіе плѣннаго Шамиля князю А. И. Барятинскому (25 Августа 1859).

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1889.

Въ Москвѣ, близъ Тверской, у стараго Пимена, въ собственномъ домѣ автора, можно получать нижеслѣдующія сочиненія Дмитрія Ивановича Иловайскаго.

(Цѣны назначены съ пересылкою).

Краткіе очерки Русской Исторіи 1 руб.

Руководство ко Всеобщей Исторіи. Три отдѣльныя части—75, 60 и 65 коп. (Курсъ старшаго возраста)

Руководство ко Всеобщей Исторіи. 1 руб. Руководство къ Русской Исторіи. 40 коп. (Средній курсъ).

Сокращенное руководство ко Всеобщей и Русской Исторіи. 75 к. (Курсъ младшаго возраста).

Собраніе сочиненій Д. И. Иловайскаго. (Исторія Рязанскаго Княжества, Екатерина Романовна Дашкова и графъ Яковъ Сиверсъ). 3 р 50 к.

Мелкія сочиненія. (О преподаваніи исторіи. Путевыя замѣтки и воспоминанія. О Восточномъ вопросѣ и по внутреннимъ дѣламъ). 2 р. 60 к.

Разысканія о началѣ Руси. 3 р. 50 к.

Исторія Россіи. Томъ первый. Періоды Кіевскій и Владимирскій.

I. Русь подъ Царьградомъ.
II. Игорь, Ольга и Святославъ.
III. Владиміръ Великій и торжество христіанства.
IV. Ярославъ I и водвореніе удѣльнаго порядка.
V. Половцы и Владимиръ Мономахъ.
VI. Печерскіе подвижники.
VII. Начало книжной словесности и законодательства.
VIII. Развитіе областной самостоятельности.
IX. Дядя и племянникъ.
X. Упадокъ Кіевскаго княженія.
XI. Кіевъ, Поросье и Полѣсье.
XII. Волынь и Галичъ.
XIII. Черниговъ и Переяславль. Половецкая степь.
XIV. Смоленскъ и Полоцкъ. Литва.
XV. Ливонскій орденъ.
XVI. Финскій Сѣверъ и Новгородъ Великій.
XVII. Андрей Боголюбскій. Всеволодъ III и его сыновья.
XVIII. Земля Суздальская. Рязань и Камская Болгарія.
XIX. Строй и гражданственность древней Руси.
XX. Монголо-Татары.—Золотая Орда.
XXI. Александръ Невскій и Русь Сѣверовосточная.
XXII. Даніилъ, Миндовгъ и Русь Югозападная.

(См. на вн. сторонѣ задней обертки)

МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЩЕПКИНЪ.

Въ семьѣ и на сценѣ.

I.

Много времени прошло съ той поры, какъ сошелъ со сцены Московскаго театра нашъ дорогой Русскій артистъ М. С. Щепкинъ. Вслѣдъ за нимъ исчезло много его современниковъ, талантливыхъ, державшихся серьезной школы артистовъ, служившихъ украшеніемъ Московской сценѣ. Это была цѣлая группа артистовъ, трудолюбиво изучавшихъ свое искусство. Въ обществѣ еще и теперь вспоминаютъ игру Мочалова и Щепкина, Садовскаго и Шумскаго, и другихъ, болѣе или менѣе талантливыхъ актеровъ того времени. Можно надѣяться, что воспоминанія эти не исчезнутъ безслѣдно, что хоть немногіе изъ знавшихъ этихъ людей постараются собрать отрывочныя воспоминанія въ цѣльные очерки, которые обрисовали бы свойства и характеръ таланта артистовъ, составлявшихъ богатую, блестящую труппу, начиная съ тридцатыхъ и почти до шестидесятыхъ годовъ. Нѣсколько такихъ очерковъ появлялись въ журналахъ, спеціально посвященныхъ искусству; но они не составляли полной біографіи и мало сообщали о развитіи таланта артиста и о той средѣ, въ которой зарождался его талантъ. Самыя подробныя и интересныя воспоминанія о юношествѣ и дѣтствѣ дорогаго нашего артиста М. С. Щепкина были написаны имъ самимъ. Эти живыя и интересныя по своимъ подробностямъ записки были напечатаны и изданы отдѣльной книгою, сыномъ его, Н. М. Щепкинымъ, въ 1864 году.

Воспоминанія М. С. Щепкина оканчиваются его переѣздомъ въ Москву: онъ не успѣлъ провести ихъ далѣе, и къ сожалѣнію, въ нихъ не упоминается ничего ни о Московскомъ театрѣ, ни о жизни въ Москвѣ. Пробѣлъ этотъ старались пополнить выборкою изъ переписки его съ друзьями, изъ писемъ его къ сыну, къ Гоголю, и нѣкоторымъ артистамъ. Рядъ писемъ начинается съ 1827 г.; есть письма изъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ письмахъ этихъ можно прослѣдить, въ какихъ

пьесахъ игралъ М. С. Щепкинъ, по пріѣздѣ въ Москву, въ началѣ своего артистическаго поприща. Въ то время (начиная съ 1824 года) репертуаръ былъ не особенно богатъ; онъ состоялъ большею частью изъ переводныхъ пьесъ Ленскаго и водевилей Писарева; о тѣхъ и другихъ М. С. Щепкинъ отзывается съ большою похвалою и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ новыхъ переводовъ Ленскаго. Въ письмахъ М. С. Щепкина упоминается пьеса Загоскина: «Благородный Театръ», упоминается «Козьма Рощинъ»; затѣмъ появляются въ переводѣ пьесы Мольера и, наконецъ, «Гамлетъ» Шекспира и «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Все это составляло репертуаръ 30-хъ годовъ, и въ этихъ пьесахъ все ярче и ярче развертывался талантъ М. С. Щепкина. Въ сороковыхъ годахъ репертуаръ расширяется пьесами Гоголя, что̀ оживляетъ и возрождаетъ М. С. Щепкина, начинавшаго впадать въ хандру отъ однообразія репертуара, какъ признается онъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, и еще откровеннѣе высказывается въ письмѣ къ сыну, Н. М. Щепкину, въ 1848 году.

Записки М. С. Щепкина необыкновенно живо передаютъ его страсть къ театру, вдругъ возникшую въ немъ въ юности. Кромѣ того, въ запискахъ своихъ онъ много говоритъ о провинціальныхъ театрахъ и о нравахъ общества того времени. Прочитывая эти интересныя записки, нельзя не пожалѣть, что онъ не продолжалъ ихъ далѣе. Такъ, многія любопытныя подробности объ его игрѣ на Московской сценѣ и его знакомствахъ въ Москвѣ не переданы имъ самимъ, тогда какъ разсказъ его придалъ бы всѣмъ этимъ подробностямъ много живости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезнаго значенія. Въ запискахъ его мы ничего не находимъ также о его семейной жизни и объ отношеніяхъ къ обществу. Всѣ знали Щепкина, какъ талантливаго артиста; но далеко не всѣ могли знать его, какъ семейнаго человѣка, и не всѣмъ извѣстны его отношенія ко многимъ кружкамъ Москвы, общественнымъ и литературнымъ. Между тѣмъ, только зная его въ семьѣ и въ обществѣ, можно было вполнѣ оцѣнить всѣ рѣдкія свойства его разнообразно-одаренной натуры и понять его высокое умственное и нравственное развитіе, при всей простотѣ и патріархальности привычекъ его и образа жизни. Въ 40-хъ годахъ, въ Москвѣ, его, извѣстнаго уже артиста и всѣми уважаемаго человѣка, окружала большая семья: жена, отличавшаяся замѣчательной добротою, какъ и самъ М. С. Щепкинъ, взрослые сыновья, дочери и воспитанники.

Домъ М. С. Щепкина часто наполнялся его старыми и молодыми знакомыми и друзьями; но онъ и всегда былъ полонъ его собственною семьей, его родными, жившими у него, и разными старушками, которымъ давалъ онъ у себя пріютъ, ради ихъ старости. Это было что-

то въ родѣ домашней богадѣльни, порученной заботливости жены его и одной, немолодой дѣвушки, которая воспиталась у нихъ въ домѣ.

Таковъ былъ составъ семьи М. С. Щепкина, и всѣ въ ней дѣятельно суетились, шумѣли и о комъ-нибудь заботились, и все въ ней было полно жизни, въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. По комнатамъ двигались дряхлыя старушки въ большихъ чепцахъ; тутъ-же расхаживали между ними молодые студенты, сыновья М. С. Щепкина, и ихъ товарищи. Часто среди нихъ появлялись молодыя артистки, вмѣстѣ съ нимъ игравшія на Московской сценѣ, и подходили къ хозяину съ поцѣлуями. Поцѣловать М. С. Щепкина считалось необходимымъ. Его обыкновенно цѣловали всѣ—молодыя и пожилыя дамы, и знакомыя, и въ первый разъ его видѣвшія: это вошло въ обычай. «За то вѣдь—говорилъ М. С. Щепкинъ—я и старухъ всѣхъ цѣлую!» Онъ пояснялъ этими словами, какую дань онъ платитъ за поцѣлуй молодыхъ дамъ.

Въ центрѣ этой разнообразной семьи и посѣтителей вы видѣли самого М. С. Щепкина, его полную, круглую фигуру, небольшаго роста и съ добродушнымъ лицомъ. Голова его была большая, какою изображена она на бюстѣ его, работы художника Рамазанова. Большой лобъ казался еще открытѣе отъ потери волосъ. Вокругъ всей головы сохранившіеся еще свѣтлорусые волосы спускались на шею, слегка завиваясь на концахъ. Его пріятныя черты лица и сѣрые съ поволокою глаза были проникнуты живостью и умомъ. Онъ много говорилъ; голосъ его звучалъ громко и мягко, полныя губы быстро шевелились; глаза раскрывались при этомъ шире, и умный взглядъ сопровождался энергичнымъ движеніемъ руки, обыкновенно сжимавшейся въ кулакъ, когда сильныя слова вылетали изъ устъ его энергично и нѣсколько протяжно. Таковъ былъ онъ, когда съ негодованіемъ разсказывалъ о старинѣ и о безправности тогдашняго общества. Такимъ же энергичнымъ, въ движеніяхъ и рѣчахъ, знала его и на сценѣ Московская публика. Такимъ бывалъ онъ при горячихъ спорахъ съ знакомыми или съ молодыми своими сыновьями. Въ спорахъ онъ иногда вскрикивалъ и напиралъ на спорившаго съ нимъ, все заставляя отступать противника; онъ буквально прижималъ его къ стѣнѣ, не переставая сыпать доказательства въ защиту своей мысли. Такимъ бурнымъ видали его въ минуты возбужденнаго чувства и мысли.

Но совершенно другимъ бывалъ М. С. Щепкинъ въ свои тихія минуты домашней жизни. Когда онъ оставался дома по вечерамъ или послѣ обѣда, онъ надѣвалъ свой темный, коричневый халатъ. Около полной шеи его виднѣлся мягкій воротникъ бѣлья; короткія, полныя руки складывалъ онъ обыкновенно за спиною, и лѣниво, и мед-

ленно расхаживалъ по комнатамъ молча. Только изрѣдка обращался онъ въ такія минуты къ домашнимъ съ шуткою, пословицею, или отрывкомъ Малороссійской пѣсни, вставляя ихъ иногда въ шедшій тутъ разговоръ. «Ну да,—произносилъ онъ спокойно,—ажъ на тынъ взлѣзла, та усихъ перелаяла!» Или: «просты мене, моя мила, що ты мене била»... и снова шелъ дальше молча. Это расхаживанье вдоль всѣхъ комнатъ было его отдыхомъ, если онъ не ложился заснуть часокъ въ своемъ кабинетѣ. Часа черезъ два вы видѣли его уже снявшимъ халатъ и одѣтымъ. И освѣженный отдыхомъ, снова живой, вечеромъ онъ отправлялся въ театръ и выходилъ на сцену.

Играть М. С. Щепкину приходилось очень часто, почти ежедневно. Онъ никогда не отказывался отъ предложенныхъ ему ролей. Но маленькія и безсодержательныя роли тяготили его. За-то какъ одушевлялся онъ каждою хорошею, характерною и богатою содержаніемъ ролью. Такое одушевленіе легко передавалось и слушавшей его публикѣ; его осмысленная, живая игра, казалось, электризовала ее. При выходѣ на сцену, онъ сразу приковывалъ къ себѣ вниманіе зрителей, и они глядѣли на него въ нетерпѣливомъ ожиданіи тѣхъ впечатлѣній, которыя уже не разъ испытывали отъ его игры. Съ какимъ напряженіемъ всѣ вслушивались въ его слова! Полная тишина наступала въ театрѣ, когда знали, что сейчасъ прозвучатъ тѣ слова пьесы, которыя М. С. Щепкинъ произносилъ особенно хорошо. Извѣстны уже были пьесы, въ которыхъ были монологи или куплеты, всегда одинаково хорошо произносимые М. С. Щепкинымъ и никогда не терявшіе вліянія на его слушателей, сколько бы разъ они не слышали ихъ. Такой эффектъ производило всегда его чтеніе прощальнаго куплета въ роли Матроса [1]), когда, приблизясь къ авансценѣ, онъ произносилъ задумчиво и полушепотомъ слова:

Безумецъ!... Ты забылъ, что время,
Какъ шквалъ, рветъ жизни паруса и т. д.

Слова эти относитъ къ себѣ старый матросъ, послѣ двадцатилѣтняго отсутствія посѣтившій родину, на которой все измѣнилось для него. Такая же тишина воцарялась, бывало, въ театрѣ, когда М. С. Щепкинъ читалъ куплетъ въ роли Жокарда [2]), начинавшійся словами:

„Хвала мозолистымъ рукамъ“...

---

[1]) Въ пьесѣ „Матросъ“, перев. съ Французскаго.
[2]) Изъ пьесы „Жокардовъ Станокъ, также перев. съ Французскаго.

При этомъ патетическомъ чтеніи раздавались такіе задушевные звуки голоса въ глубоко-прочувствованныхъ словахъ, слезы слышались въ этихъ звукахъ, и часто въ ложахъ, въ эту минуту также мелькали бѣлые платки, поднесенные къ глазамъ, и потомъ театръ наполнялся взрывомъ аплодисментовъ, внезапно прерывавшихъ тишину.

То были тѣ замѣчательные звуки голоса и та интонація, за которыми исчезали и малый ростъ, и полнота небольшаго корпуса артиста, не совсѣмъ подходившіе къ драматическимъ ролямъ,—и слышались только страданіе человѣка или благородное негодованіе противъ несправедливости. Въ такія минуты вполнѣ выступало художественное чувство высокаго таланта и игра, полная огня и смысла.

Игралъ свои роли М. С. Щепкинъ всегда одинаково хорошо, потому что игра его основывалась на глубокомъ изученіи роли и на обдуманной интонаціи въ произношеніи ея. Онъ не полагался на одно только вдохновеніе,—онъ былъ великій труженикъ. Въ словахъ этихъ нѣтъ преувеличенія для тѣхъ, кто хорошо зналъ привычки нашего дорогаго артиста. Лѣтомъ, когда М. С. Щепкину случалось проводить нѣсколько времени у кого-нибудь на дачѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе вставать и выходить утромъ на прогулку въ 6 часовъ утра. Медленно и тихими шагами расхаживалъ онъ по аллеямъ сада или парка, молча и задумавшись.

— Вы рано встали сегодня? спрашивали его, когда всѣ собирались уже къ утреннему чаю.

— Да, ходилъ по аллеѣ, отвѣчалъ онъ отрывисто. Сто разъ про себя роль прочелъ! прибавлялъ онъ съ нѣкоторой досадой.

Онъ начиналъ сознавать упадокъ памяти; она становилась не такъ воспріимчива, какъ была прежде, и это заставляло его сильнѣе работать, даже въ часы лѣтнихъ утреннихъ прогулокъ. Къ изученію ролей и къ репетиціямъ М. С. относился очень добросовѣстно и строго; невнимательное отношеніе къ нимъ у другихъ артистовъ огорчало и оскорбляло его.

И въ комическихъ роляхъ, въ комедіяхъ, талантъ его увлекалъ публику также сильно, какъ и въ драмахъ. Также внимательно слушали его монологи въ роли Фамусова въ «Горѣ отъ ума» и слѣдили за игрой его лица, за тонкой улыбкой или неожиданно-вырывавшимся жестомъ руки. Интонація его чрезвычайно вѣрно согласовалась у него съ значеніемъ словъ, и роль выдержана была съ начала и до конца съ одинаковою силою. Передъ значительнымъ мѣстомъ въ своей роли онъ быстро одушевлялся и, дѣлая нѣсколько мѣрныхъ шаговъ впередъ (что̀ выходило у него совершенно естественно), не спѣша начиналъ онъ свою вдохновенную рѣчь... «Моя судьба еще-ли не

плачевна?»... раздавалось на сценѣ,—и все притихало, чтобы не проронить ни одного сказаннаго слова.

Въ «Ревизорѣ», въ роли Городничаго, живая, но не суетливая игра М. С. рисовала вамъ человѣка, глубоко увѣреннаго въ себѣ и своей смышленности, опытнаго и спокойнаго, привыкшаго властвовать въ своемъ мірочкѣ. Въ концѣ пьесы вы видите его обманутымъ, но не разбитымъ: онъ снова является старшимъ въ семьѣ и, презрительно упоминая о случайной ошибкѣ, о пустомъ фанфаронѣ, смѣется только надъ легкомысліемъ женщинъ. Все это ясно выражалось въ походкѣ, въ движеніяхъ и интонаціи М. С. въ этой роли. Въ пьесахъ Мольера онъ сохранялъ такую же серьезность и вызывалъ между тѣмъ взрывы хохота у своихъ зрителей одной выразительностью словъ и жестовъ. Онъ то застывалъ на мѣстѣ, то бросался и ходилъ съ необычайной стремительностью и силой, то выразительно искажалось вдругъ лицо его страстью; такимъ былъ онъ въ Скапенѣ, напримѣръ, когда онъ и вынималъ, и вмѣстѣ задерживалъ въ карманѣ кошелекъ съ деньгами.

Но какъ бы ни были живы воспоминанія объ игрѣ артиста, нѣтъ возможности передать ихъ вполнѣ; въ игрѣ актера многое не поддается описаніямъ. Мы постараемся припомнить игру М. С. Щепкина въ нѣкоторыхъ пьесахъ Гоголя и Мольера. Въ «Женитьбѣ» напр., играя роль Кочкарева, онъ поражалъ живостью и бѣготней и какимъ-то энергичнымъ проявленіемъ того спокойнаго легкомыслія, съ которымъ Кочкаревъ впутывался въ чужія дѣла и съ увлеченьемъ принималъ горячо успѣхъ или неудачу своихъ заботъ о женитьбѣ пріятеля. Эти свойства Кочкарева проглядывали въ стремительной ходьбѣ, въ скороговоркѣ и ободряющихъ взглядахъ, устремленныхъ на робкаго пріятеля, котораго онъ взялся пристроить. И все идетъ ровно и плавно, пока неожиданно не обрывается вдругъ эта энергія при вѣсти о бѣгствѣ его жертвы; на мгновеніе стоитъ онъ растерявшись (переходъ этотъ былъ замѣчательно хорошъ у М. С. Щепкина), и вдругъ стремительно убѣгаетъ отыскивать Подколесина, съ новымъ приливомъ энергіи.

При ясномъ умѣ М. С. Щепкина, при его знаніи жизни, ему не трудно было схватить характеръ лица въ пьесѣ: онъ видѣлъ тотчасъ, къ какому разряду людей принадлежитъ изображаемое имъ лицо. И съ тактомъ художника угадывалъ онъ тонъ его рѣчей, его движенія, взглядъ и игру лица и воплощалъ этотъ образъ, являвшійся уже цѣльнымъ передъ глазами зрителей.

Несмотря на полноту свою, М. С. Щепкинъ былъ эластиченъ въ движеньяхъ, силенъ и неутомимъ. Свойства эти сохранилъ онъ до

глубокой старости; большинство ролей своихъ онъ игралъ еще на послѣднемъ году жизни, когда ему было уже болѣе 70 лѣтъ. Онъ, конечно, уставалъ по окончаніи игры; но страсть приковывала его къ театру, который онъ изъ году въ годъ намѣревался оставить.

Изучая роль, М. С. Щепкинъ усвоивалъ больше внутреннія движенія души человѣка. Въ игрѣ его не было подражанія внѣшнимъ привычкамъ, голосу и ухваткамъ различныхъ сословій: онъ никогда никого не копировалъ. У него былъ талантъ—схватить сущность лица и передать это по-своему. Въ его умномъ взглядѣ вы читали мысли изображаемаго имъ человѣка, а тонъ рѣчи и движенья подходили къ характеру роли. При художественномъ пониманіи внутренняго человѣка, М. С. Щепкину не трудно было создать роли и не изъ Русскаго быта; роли изъ комедій Мольера удавались ему какъ нельзя лучше. Такъ, въ комедіяхъ «Мнимый Больной» (*Malade imaginaire*) и «Докторъ по неволѣ» (*Le médecin malgré lui*), въ игрѣ М. С. Щепкина вы видѣли живыми чудаковъ, созданныхъ въ воображеніи Мольера и являвшихся передъ вами въ лицѣ М. С. Щепкина, который оставался всегда немного самимъ собою по внѣшности. Но вы видѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрно переданный характеръ и забывали иногда о томъ, какой націи и какого слоя общества былъ этотъ чудакъ, выходки котораго заставляли васъ смѣяться до слезъ.

М. С. Щепкинъ всегда оставался немного самимъ собою, сказали мы; но какъ велика была разница между представленнымъ имъ чудакомъ Мольеровской комедіи и между образомъ сыграннаго имъ Полонія въ «Гамлетѣ». Какъ ярко отличались у него серьезный тонъ и заискивающее выраженіе лица смышленнаго придворнаго отъ простодушныхъ чудаковъ Мольера. И до конца Полоній выдерживаетъ серьезность тона и важность движеній, и настоятельно даетъ онъ совѣты опытнаго придворнаго сыну своему Лаэрту. Какъ хорошъ бывалъ Полоній въ игрѣ М. С. Щепкина въ сценѣ его съ принцемъ Гамлетомъ, угодливо отвѣчающій на его замѣчанія объ измѣнчивости облачка на небѣ; а также въ сценѣ съ королемъ, когда онъ сообщаетъ ему о сумасшествіи принца Гамлета. Какъ онъ кланяется и отступаетъ на нѣсколько шаговъ назадъ, со страхомъ передавая королю свои наблюденія и сообщая ему осторожно объ отношеніяхъ Гамлета къ Офеліи.

Въ игрѣ М. С. Щепкина бывало очень много оттѣнковъ и для различныхъ лицъ, и для одного и того же лица въ разныхъ сценахъ пьесы. Такъ, Фамусовъ у себя, въ своей пріемной, сохраняетъ всю важность стариннаго барина-хлѣбосола, съ медленными и солидными движеніями; и тотъ же Фамусовъ подкрадывается къ Лизѣ уже совсѣмъ

другою походкою, ступая на кончикахъ носковъ, чтобы не выдать себя шумомъ шаговъ и утаить свои проказы. Въ послѣдней сценѣ, разразившись надъ дочерью за ея мнимое, заподозрѣнное имъ свиданіе съ Чацкимъ, онъ грознымъ крикомъ обѣщаетъ увезти ее въ глушь, въ Саратовъ; но къ Лизѣ обращается онъ гораздо снисходительнѣе, съ словами: «ты, черноглазая,—все отъ твоихъ проказъ!» И потомъ, отходя въ сторону, онъ произноситъ уже съ оттѣнкомъ отчаянія:

Ахъ, Боже мой! Что̀ станетъ говорить
Княгиня Марья Алексѣевна!

Репертуаръ М. С. Щепкина былъ очень разнообразенъ; талантъ его не ограничивался комическими ролями, но захватывалъ и драму. Вотъ какъ говорилъ о его талантѣ С. Т. Аксаковъ въ своей прекрасной рѣчи по поводу пятидесятилѣтняго юбилея артиста: «Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, и я думаю, что въ этомъ отношеніи драма была по преимуществу призваніемъ Щепкина; но его живость, умная веселость, юморъ, его фигура и голосъ, слабый для ролей драматическихъ (ибо крикъ—не голосъ), навели его на роли комическихъ стариковъ,—и слава Богу!» Немного драматическихъ ролей оставалось за М. С. Щепкинымъ.

Онъ знако̀мъ былъ съ Малороссіей, потому что долго былъ на сценѣ въ Полтавѣ и въ Харьковѣ, и неподражаемо игралъ Малороссовъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» и въ «Москалѣ Чаривникѣ». Въ то время никто не могъ сравняться съ нимъ въ этихъ пьесахъ, исключая развѣ извѣстнаго тогда въ Харьковѣ актера Саленика, который приводилъ въ восхищеніе самого М. С. Щепкина. Это была еще одна почтенная черта Щепкина: онъ всегда радовался чужому таланту и никогда не желалъ уменьшить его достоинства. Когда съ нимъ говорили о какомъ-нибудь артистѣ и спрашивали его мнѣнія, онъ дѣлалъ оцѣнку таланта такъ вѣрно и съ такой точностью и удовольствіемъ, будто говорилъ о стоимости дорогихъ монетъ, въ тоже время любуясь ими.

И, не смотря на такое искреннее отношеніе къ чужому таланту, окружавшіе его артисты питали недовѣріе къ его совѣтамъ. Артистки, напротивъ, вѣрили въ его участіе и желаніе быть имъ полезнымъ. Онѣ охотно слушали и его совѣты, и объясненія ролей. Нѣсколько замѣчательныхъ женскихъ талантовъ развивались подъ его вліяніемъ и пользовались постояннымъ его вниманіемъ. И ихъ всегда можно было встрѣтить въ его семьѣ, въ числѣ другихъ друзей и знакомыхъ. Многія изъ знавшихъ его артистокъ навсегда сохранили о немъ са-

мое теплое воспоминаніе. М. С. Щепкинъ въ молодости такъ одиноко проходилъ дорогу труда, что хорошо понималъ, какую пользу могли принести поддержка и совѣтъ каждому начинающему свое поприще. А какъ художникъ, любившій искусство, онъ принималъ участіе въ молодыхъ талантахъ. Онъ и вообще тепло относился къ людямъ и всегда готовъ былъ оказать помощь каждому новому знакомому, если цѣнилъ въ немъ умъ, талантъ или добрую натуру.

Самъ М. С. Щепкинъ развивался одиноко; лишь позднѣе, въ Москвѣ, встрѣтилъ онъ кругъ знакомыхъ, разнообразное развитіе которыхъ, конечно, имѣло вліяніе и на его дальнѣйшее развитіе. Такъ, знакомство съ Н. В. Гоголемъ и появленіе его пьесъ въ Русскомъ репертуарѣ значительно оживило и воскресило М. С. Щепкина, начинавшаго хандрить отъ однообразія своихъ ролей. Вотъ что̀ онъ писалъ артисту Сосницкому по этому поводу: «Благодаря театру, я приходилъ уже въ какое-то не спящее, но дремлющее состояніе. Бездѣйствіе совершенно меня убиваетъ. Я сдѣлался какою-то ходячею машиною или вѣчнымъ дядею; я давно забылъ, что̀ такое комическая роль,—и вдругъ письмо твое дало новыя надежды, и я живу новою жизнью». Онъ писалъ это, услышавъ о постановкѣ «Ревизора» на Петербургской сценѣ. Дѣйствительно, если онъ нѣсколько дней сряду игралъ пустыя роли и въ пустыхъ пьесахъ, то впадалъ въ совершенную апатію и мрачно, и молча ходилъ по комнатамъ. Но хорошая пьеса и хорошая роль могли преобразить М. С. Щепкина. Онъ оживлялся и начиналъ много говорить о новой пьесѣ, о трудныхъ мѣстахъ своей роли, но они одушевляли его. Такъ радовался онъ пьесамъ Тургенева, такъ одушевлялся пьесами Гоголя.

Щепкинъ очень любилъ пьесы Гоголя и самого автора, съ которымъ хорошо былъ знакомъ; Гоголь, съ своей стороны, былъ очень расположенъ къ нему. Оба они знали и любили Малороссію и охотно толковали о ней, сидя въ дальнемъ углу гостинной въ домѣ М. С. Щепкина. Они перебирали и обычаи, и одежду Малороссіянъ, и, наконецъ, ихъ кухню. Прислушиваясь къ ихъ разговору, вы могли слышать подъ конецъ: вареники, голубцы, паленицы,—и лица ихъ сіяли улыбкою. Изъ разсказовъ М. С. Щепкина Гоголь почерпалъ иногда новыя черты для лицъ въ своихъ разсказахъ, а иногда цѣликомъ вставлялъ цѣлый разсказъ его въ свою повѣсть. Это дѣлалось по просьбѣ М. С. Щепкина, который желалъ, чтобы характерныя выраженія или происшествія не пропали безслѣдно и сохранились въ разсказахъ Гоголя. Такъ М. С. Щепкинъ передалъ ему разсказъ о городничемъ, которому нашлось мѣсто въ тѣсной толпѣ и о сравненіи его съ лакомымъ кускомъ, попадающимъ въ полный желудокъ. Такъ слова

исправника: «полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ» — были переданы Гоголю М. С. Щепкинымъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ М. С. Щепкинъ сообщаетъ Сосницкому, что Гоголь, будучи въ Москвѣ, показывалъ ему начатую пьесу: «Женитьба». «И я совѣтовалъ Н. В. (Гоголю) кой-что измѣнить, и передалъ ему еще многое о купеческихъ обычаяхъ при свадьбахъ», прибавляетъ онъ. Нельзя утверждать, чтобы Гоголь всегда охотно принималъ совѣты, но М. С. Щепкинъ всегда заявлялъ свое мнѣніе искренно и безъ утайки. Замѣчательно письмо его къ Гоголю въ 1847 году, послѣ прибавленной Гоголемъ «Развязки Ревизора»; по тону письма видно, насколько М. С. Щепкинъ огорченъ и раздраженъ передѣлкою лицъ въ «Ревизорѣ». «Я вамъ ихъ не дамъ; не дамъ, пока существую, писалъ онъ. Послѣ меня передѣлывайте, хоть въ козловъ, а до тѣхъ поръ я не уступлю вамъ Держиморду, потому что и онъ мнѣ дорогъ». Такъ сильно привязывался М. С. Щепкинъ къ любимымъ пьесамъ и стоялъ за ихъ достоинства. Письмо его къ Гоголю приложено къ его «Запискамъ».

Также сильно увлекали его пьесы Тургенева; при постановкѣ ихъ на сцену, М. С. Щепкинъ съ большимъ удовольствіемъ игралъ въ его пьесахъ. Когда И. С. Тургеневъ пріѣзжалъ въ Москву, то всегда бывалъ въ домѣ М. С. Щепкина, и иногда самъ читалъ ему свою пьесу. И М. С. Щепкинъ любилъ анализировать всѣ характеры его пьесы, въ присутствіи самого Тургенева и вмѣстѣ съ нимъ. И. С. Тургеневъ относился къ М. С. Щепкину съ чрезвычайною мягкостью и добродушіемъ, что̀ было вообще свойственно его характеру. Изъ пьесъ Тургенева М. С. Щепкинъ любилъ «Провинціалку», въ которой онъ игралъ стряпчаго. Но особенно нравилась ему пьеса «Нахлѣбникъ» и роль самого Нахлѣбника. Когда пьесу эту задержали, и она долго не появлялась на сценѣ, то М. С. Щепкинъ пробовалъ ставить ее на домашнемъ спектаклѣ у своихъ знакомыхъ, и разучивалъ роль Нахлѣбника съ величайшимъ удовольствіемъ и одушевленіемъ. Роль эта занимала его въ продолженіе цѣлой зимы, хотя, къ сожалѣнію, спектакль не состоялся.

II.

Знакомства М. С. Щепкина были самыя разнобразныя. Его одинаково радушно принимали во всѣхъ слояхъ Московскаго общества; онъ оживлялъ компанію множествомъ разсказовъ изъ прошлаго и передавалъ всѣ замѣчательныя происшествія, сохранившіяся въ его памяти. Разсказы его бывали всегда характерны; онъ живо рисовалъ провинціальные нравы и вспоминалъ о безправіи и самоуправствѣ,

царившихъ въ двадцатыхъ годахъ. Говоря о привычкахъ и обычаяхъ того времени, онъ утверждалъ всегда, что все замѣтно улучшается на его глазахъ, и эта мысль объ улучшеніи нравовъ постоянно радовала его. На ней онъ основывалъ надежду на улучшеніе многаго въ Россіи. Серьезное и забавное перемѣшивалось въ разсказахъ М. С. Щепкина. Такъ онъ разсказывалъ иногда о самоуправствѣ одного вліятельнаго лица, построившаго шлагъ-баумъ на проѣзжей дорогѣ, чтобы никто не смѣлъ проѣхать мимо его имѣнія, не явившись къ нему; такія остановки на пути, конечно, вели къ столкновеніямъ, а иногда и оскорбленіямъ, очень безцеремоннымъ со стороны этого вліятельнаго лица. Разсказывая о лѣнивой жизни помѣщиковъ, проводившихъ время за ѣдой и отдыхомъ послѣ ѣды, М. С. Щепкинъ вспоминалъ объ одномъ замѣчательномъ по этой части помѣщикѣ. Помѣщикъ этотъ разросся, наконецъ, до такой толщины, что не могъ сидѣть за обѣденнымъ столомъ, благодаря своей необъятной фигурѣ, и приборъ для него помѣщали всегда на его собственномъ, выдавшемся впередъ обширномъ животѣ. Такихъ разсказовъ и анекдотовъ у М. С. Щепкина былъ неистощимый запасъ. Память его сохранилась до конца его жизни совершенно ясною. Часто въ своей семьѣ, или гдѣ-нибудь въ обществѣ, онъ начиналъ читать наизусть, безъ всякаго приготовленія, куплеты изъ старинныхъ водевилей, монологи изъ пьесъ и цѣлыя сцены, составленныя для одного лица. Въ одной изъ такихъ сценъ представлялся охотникъ, разсказывающій о выбѣжавшихъ зайцахъ и о подвигахъ своихъ собакъ; одушевясь, охотникъ разсказываетъ, какъ онъ травилъ, улюлюкалъ, упрашивалъ своего Полканушку поймать звѣря. Вся живость и горячность охотника передавалась М. С. Щепкинымъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ и замѣчательной игрой лица. Другой разсказъ, также вѣроятно слышанный многими, былъ о «Нѣмцѣ», зажигавшемъ потѣшные огни; разсказъ этотъ шелъ съ такою же живостью, и вся эта живость, вся работа памяти являлась еще въ послѣдніе годы жизни М. С. Щепкина, когда ему было уже болѣе 70-ти лѣтъ.

Несмотря на такую память, М. С. Щепкинъ постоянно прочитывалъ даже хорошо знакомыя роли и вновь обдумывалъ, какой тонъ придать рѣчамъ какого нибудь лица. Характеры лицъ и значеніе пьесы опредѣлялъ онъ очень быстро. Какъ интересно бывало слышать его опредѣленія, изложенныя всегда ясно и просто. Случилось однажды, что кто-то изъ молодыхъ людей его семьи спросилъ у него:

— Какъ вамъ кажется, М. С., не правда ли, что въ характерѣ Чацкаго есть большое сходство съ Мизантропомъ Мольера?

М. С. Щепкинъ тотчасъ же живо возразилъ на этотъ вопросъ и, одушевляясь мало по малу, началъ объяснять съ жаромъ разницу между значеніемъ характеровъ этихъ двухъ лицъ. «Чацкій—говорилъ онъ—дѣйствительно переросъ наше Русское общество того времени. Раздраженъ Чацкій потому, что онъ видитъ вокругъ себя устарѣлые нравы и дѣйствительно смѣшныя слабости и пороки общества; пороки эти отразились на его судьбѣ, сдѣлали его несчастнымъ. А у Мольера—Мизантропъ его самъ виноватъ въ томъ, что не любитъ людей; въ немъ самомъ была избалованность, требовательность и нетерпимость. Эти собственные недостатки его и мѣшали ему любить общество.»

М. С. Щепкинъ съ дѣтства былъ одаренъ большою любознательностью, и все затрогивало его живой умъ. Къ математикѣ была у него большая способность; онъ учился и рисовать планы, и измѣрять землю. Будучи еще въ Курскомъ четырехъ-классномъ училищѣ, онъ получилъ одинъ разъ практическія занятія по этой части и выполнилъ ихъ очень успѣшно. Случайность помѣшала М. С. выучиться иностраннымъ языкамъ, преподававшимся въ старшихъ классахъ; но онъ много читалъ Русскихъ книгъ еще мальчикомъ; доставалъ онъ это чтеніе у книгопродавцевъ въ Курскѣ. Въ запискахъ своихъ онъ упоминаетъ, что жившій въ Курскѣ поэтъ Богдановичъ предложилъ М. С. Щепкину пользоваться его библіотекой, и онъ получалъ отъ него книги историческія и сочиненія литераторовъ того времени. И позднѣе, живя въ Москвѣ, онъ не переставалъ заботиться о расширеніи своихъ знаній; и книга, и живое слово плодотворно отзывались въ его умѣ: онъ ничего не пропускалъ безъ вниманія, а въ обширномъ кругу его знакомыхъ бесѣды шли самыя разнообразныя.

Между многими знакомыми ему семьями Москвы, особенно близко и дружески знакомъ онъ былъ съ профессоромъ Перевощиковымъ; М. С. Щепкинъ былъ почитателемъ ума и таланта этого извѣстнаго ученаго, астронома и математика. Очень многочисленная семья профессора была коротко знакома съ семьею М. С. Щепкина; сыновья ихъ, дружные съ дѣтства, встрѣтились и въ университетѣ. Лѣтомъ молодые люди вмѣстѣ проводили время на дачахъ подъ Москвою. Такое же близкое отношеніе было у М. С. Щепкина къ С. Т. Аксакову, автору «Семейной Хроники»; знакомство это несомнѣнно имѣло хорошее вліяніе на дальнѣйшее развитіе таланта М. С. Щепкина; въ обществѣ С. Т. Аксакова, въ семьѣ его, М. С. находилъ полное удовлетвореніе своимъ умственнымъ интересамъ. И въ послѣдніе годы жизни М. С. Щепкинъ всегда оживлялся при воспоминаніи о немъ и тепло говорилъ объ Аксаковыхъ. Оба семейства были также знакомы между собою; сыновья Щепкина съ дѣтства знали сыновей С. Т. Аксакова,

которые въ домѣ ихъ принимали иногда участіе въ домашнихъ спектакляхъ. Въ числѣ его короткихъ знакомыхъ былъ также М. П. Погодинъ. Упоминая объ интимныхъ знакомыхъ М. С. Щепкина, нельзя не упомянуть объ Н. Х. Кетчерѣ, извѣстномъ переводчикѣ Шекспира, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ и частыхъ его посѣтителей; и при его пониманіи сценическаго искусства, онъ могъ, конечно, облегчать М. С. Щепкину затруднительные вопросы по поводу его ролей, особенно если вопросы эти возникали о пьесахъ Шекспира. Любитель и хорошій цѣнитель театра, Кетчеръ былъ коротко знакомъ съ лучшими артистами, и всѣ они во многомъ руководились его мнѣніями и совѣтами.

Такой кругъ знакомыхъ все болѣе развивалъ у М. С. Щепкина интересъ къ литературѣ; въ семьѣ его слѣдили за всѣмъ вновь выходящимъ, сколько нибудь замѣчательномъ, и съ радостію встрѣчали появлявшіеся таланты. Искусство во всѣхъ его проявленіяхъ интересовало М. С. Щепкина: онъ любилъ живопись и не чуждъ былъ музыкѣ. Хотя самъ М. С. Щепкинъ мало учился музыкѣ, но въ дѣтствѣ его учили играть на гусляхъ; инструментъ этотъ часто встрѣчался тогда и замѣнялъ маленькое фортепіано, появившееся позднѣе въ домашней жизни въ провинціи. Игра на гусляхъ познакомила М. С. Щепкина съ начальными основаніями музыки. На театрѣ въ Полтавѣ ему по неволѣ приходилось пѣть въ операхъ: труппа была невелика, и каждый актеръ долженъ былъ участвовать во всевозможныхъ пьесахъ. Но у М. С. Щепкина былъ пріятный голосъ и очень хорошій слухъ; партіи же свои онъ разучивалъ съ помощью музыканта, игравшаго ему на скрипкѣ.

Вообще М. С. Щепкинъ понималъ музыку настолько, что ему доступны были не одни лишь народные, Малороссійскіе напѣвы, которые онъ любилъ и подчасъ пѣвалъ у себя дома; онъ понималъ и любилъ также вѣчныя произведенія великихъ музыкантовъ и хорошо различалъ серьезный и глубокій характеръ музыки Бетховена и Моцарта. Онъ часто говорилъ о свѣтлыхъ мотивахъ Моцарта, послѣ какого нибудь слышаннаго концерта. Въ Москвѣ М. С. Щепкинъ былъ окруженъ артистами-музыкантами. Хотя въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ не было ни консерваторіи, ни музыкальныхъ обществъ, но было много хорошихъ музыкантовъ въ оркестрѣ при Императорскомъ театрѣ. Всѣ концерты устраивались съ ихъ помощью и подъ управленіемъ капельмейстера Іоганнеса, основательнаго музыканта. Іоганнеса нерѣдко можно было встрѣтить въ домѣ М. С. Щепкина, и случалось слышать при этомъ, что оба они по долгу бесѣдовали о музыкѣ, помѣстясь въ дальнемъ углу комнаты.

Еще чаще бывалъ въ домѣ Щепкиныхъ другой прекрасный музыкантъ-піанистъ Рудольфъ, дававшій уроки музыки въ Москвѣ. О немъ М. С. Щепкинъ говорилъ обыкновенно: «Рудольфъ теперь состарѣлся, но онъ былъ замѣчательнымъ піанистомъ; пріѣхавши въ Москву, я засталъ его молодымъ; онъ былъ въ большомъ почетѣ, какъ учитель. Въ игрѣ его много души и теперь,—и какая была мягкость туша!» Отзывъ этотъ былъ, вѣроятно, справедливъ; мы встрѣчали Рудольфа въ домѣ М. С. Щепкина уже больнымъ старикомъ, но при всемъ этомъ онъ сохранилъ мягкость туша и чистоту игры. Всѣ Листовскія переложенія пѣсенъ Шуберта онъ помнилъ наизустъ; онъ любилъ и глубоко чувствовалъ музыку, хотя ему было уже не менѣе шестидесяти лѣтъ. Рудольфъ блаженствовалъ, когда садился за рояль; онъ фантазировалъ и оглядывался на слушателей, сладко улыбаясь. Прекрасная и одушевленная игра его часто раздавалась въ домѣ М. С. Щепкина.

Въ домѣ М. С. Щепкина, въ его радушной семьѣ, можно было видѣть домашнюю жизнь людей развитыхъ и готовыхъ охотно раздѣлить свои интересы съ посѣтителями. Домъ М. С. Щепкина принадлежалъ къ тѣмъ домамъ старинной Москвы, въ которыхъ находило пріютъ искусство; а простые и добрые обычаи семьи отрадно дѣйствовали на посѣщавшую ихъ молодежь. И пожилые люди находили тутъ отдыхъ отъ другихъ кружковъ, стѣснительныхъ своею натянутостью, своими претензіями на образованность, при полномъ отсутствіи присущихъ образованности интересовъ. Съ тѣхъ поръ жизнь измѣнила свои формы, и такія семьи становятся уже рѣдкостью. И также рѣдко встрѣчается уже та любовь къ искусству и осмысленное служеніе ему на сценѣ въ соединеніи съ упорнымъ трудомъ. Духъ наживы, стремленіе къ беззаботному веселью и блестящей обстановкѣ,—вотъ что̀ чаще влечетъ на сцену, безъ особой любви и призванья къ ней. Все рѣже встрѣчаются Русскіе таланты, доходящіе до полнаго развитія, не пренебрегающіе трудомъ и заботой о самообразованіи.

Рѣдко, конечно, выпадаетъ на долю одного человѣка такой сильный и полный талантъ, какимъ одарила природа М. С. Щепкина, поставивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ въ благопріятную обстановку для развитія этихъ даровъ. Онъ выступилъ на сцену по склонности къ театру, но какъ бы случайно. На немъ не было ярлычка, обозначавшаго для публики молодаго человѣка многообѣщающаго. Онъ не былъ забалованъ незаслуженно, за нимъ не гонялись ради его красивой наружности. Его приглашаютъ на сцену—работать, и онъ начинаетъ свою работу съ низшихъ ступеней, и работаетъ въ простотѣ сердца,

но съ вѣрою въ свое призваніе; а главное—проникнутый уваженіемъ къ искусству. Въ его собственныхъ «запискахъ» можно прослѣдить развитіе его таланта. Онъ былъ ребенкомъ, когда впервыя въ жизни получилъ понятіе о томъ, что такое театръ. Это было на домашнемъ спектаклѣ въ домѣ графа Волькенштейна. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ затѣваетъ спектакль въ деревенской школѣ, и отъ души наслаждается своимъ первымъ успѣхомъ. Лѣтъ 15-ти онъ видитъ игру князя Мещерскаго въ роли Скупаго, на домашнемъ спектаклѣ. Вокругъ себя онъ слышитъ похвалы этой игрѣ за ея естественность, и слышитъ, что въ этомъ признаютъ особый талантъ. Вокругъ него говорятъ объ этой игрѣ, какъ объ искусствѣ, котораго рѣдко кому удается достигнуть. Затѣмъ, никто около него не толкуетъ ни о жалованьи актера, ни о бенефисахъ, никто не поощряетъ его трудиться ради этихъ цѣлей. Около него нѣтъ кутежей или загородныхъ катаній въ увеселительныя мѣстности, нѣтъ искушеній: онъ живетъ простыми, здравыми интересами. Только близкіе друзья видятъ въ немъ ту теплую искру, которой постепенно суждено было развиться до такого яркаго свѣта. Однимъ изъ такихъ друзей былъ Барсовъ, ангажировавшій его на театръ въ Полтаву. М. С. Щепкинъ начинаетъ работать надъ собою, чтобы достичь той естественности, которая удивила его въ игрѣ князя Мещерскаго; онъ твердитъ роли и слушаетъ, и провѣряетъ себя. Его страсть къ театру уже соединяется тутъ съ стремленіемъ къ болѣе высшему искусству, чѣмъ тѣ представленія, которыя онъ видитъ вокругъ себя въ Курскѣ, Харьковѣ и Полтавѣ. У него есть свой идеалъ искусства.

Образованіе М. С. Щепкина также не остановилось по выходѣ его изъ школы. Онъ много читаетъ. М. С. Щепкинъ въ «запискахъ» своихъ замѣчаетъ, что «судьба баловала его отъ рожденія». Но подъ этимъ баловствомъ онъ не подразумѣваетъ, чтобы она осыпала его деньгами или удобствами жизни; нѣтъ, судьба давала только возможность развиться его уму и таланту; она даетъ ему случай удовлетворить его страсти къ сценѣ и удовлетворить любознательности его ума. Затѣмъ сила таланта и сила его натуры ведутъ его впередъ, все дальше и дальше.

Наконецъ, онъ появляется въ Москвѣ и также благопріятно сразу попадаетъ въ лучшую обстановку для своего таланта, хотя въ денежномъ отношеніи положеніе его еще долго не улучшается, и какъ семейный человѣкъ онъ долго еще чувствуетъ себя въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь надо сказать о томъ счастливомъ условіи, которое такъ хорошо поставило его въ Москвѣ: это было родственное и хорошее отношеніе къ П. С. Щепкину, профессору матема-

тики при Московскомъ университетѣ. Профессоръ П. С. Щепкинъ происходилъ отъ другой линіи Щепкиныхъ, родоначальникъ которой былъ священникомъ въ Калугѣ. М. С. Щепкинъ нашелъ радушный пріемъ у своего родственника и у него познакомился со многими профессорами университета. Это счастливое обстоятельство сразу поставило его въ близкое отношеніе къ образованнымъ кружкамъ Москвы.

Такимъ образомъ начались знакомства М. С. Щепкина съ кружками литературными и людьми развитыми, среди которыхъ онъ нашелъ умственное и душевное удовлетвореніе. То было вообще время болѣе благопріятное для искусства и для артистовъ, и М. С. Щепкинъ, при первомъ появленіи въ Москвѣ, быстро находитъ доступъ ко всему, что было наиболѣе развитаго въ кружкахъ Москвы, и среди нихъ онъ ищетъ и находитъ отвѣтъ на всѣ неясные ему еще вопросы объ искусствѣ. Ему сразу отворяются дома образованныхъ людей, а публика сосредоточиваетъ на немъ свое вниманіе на Московской сценѣ. Это вниманіе скоро переходитъ въ горячее сочувствіе къ таланту и къ высокому нравственному строю живаго ума, который всегда проглядывалъ въ игрѣ М. С. Щепкина.

Рѣже появляются теперь сильные Русскіе таланты, быть можетъ потому, что и среда уже измѣнилась и не такъ благопріятна для ихъ развитія. Появляясь, они не находятъ того вниманія и участія со стороны общества; имъ трудно проникнуть въ среду развитыхъ людей, которые могли бы раздѣлить съ ними свои взгляды и свое уваженіе къ искусству. Быть можетъ публика, привыкнувъ забавляться веселыми оперетками, не скоро увлеклась бы серьезнымъ артистомъ, избѣгая глубокихъ впечатлѣній, пробуждающихъ мысль и чувство. И въ многочисленныхъ массахъ, наплывающихъ въ наши театры, много ли найдется слушателей, овладѣвъ вниманіемъ которыхъ, артистъ могъ бы, по словамъ С. Т. Аксакова, заставить ихъ: «одно съ нимъ чувствовать, одному радоваться, одно съ нимъ ненавидѣть и объ одномъ скорбѣть!» *)

III.

Личное знакомство наше съ Михаиломъ Семеновичемъ Щепкинымъ началось съ Мая 1845 года, когда мы встрѣтились въ Москвѣ. До того времени мнѣ случалось видѣть Михаила Семеновича Щепкина только на сценѣ, въ пьесахъ Шекспира и комедіяхъ Гоголя, и цѣнить въ немъ его привлекательный талантъ артиста; но часто я слышала и о томъ, что онъ не менѣе привлекателенъ въ обществѣ, и

*) До этого мѣста статья эта появилась въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1887 г. П. Б.

представляетъ замѣчательный образецъ человѣка семейнаго. Много наслышалась я о немъ отъ сына его Николая Михаиловича, котораго судьба забросила случайно въ Воронежскую губернію, гдѣ онъ познакомился со всей нашей семьей. Михаилъ Семеновичъ далъ сыну своему письмо къ Ал. Вл. Ст—чу, съ которымъ былъ знакомъ, случайно встрѣтившись съ нимъ въ Одессѣ. Изъ разсказовъ Ал. Вл. Ст—ча мы знали много подробностей о жизни Щепкина, съ которымъ они часто и много бесѣдовали вдвоемъ, и купались въ морѣ. При купаньѣ Михаилъ Семеновичъ уплывалъ такъ далеко въ открытое море, что совершенно скрывался изъ виду. Онъ былъ замѣчательнымъ пловцемъ, и упоминаетъ въ своихъ «запискахъ», что самый организмъ его былъ такъ устроенъ, что онъ могъ спокойно лежать на водѣ и не тонулъ. Благодаря этой способности, онъ смѣло бросался въ воду, завидѣвъ утопающаго, и спасъ нѣсколько человѣкъ въ продолженіе своей жизни.

Когда, наконецъ, мнѣ случилось лично встрѣтиться съ М. Семеновичемъ, то его добродушная физіономія, привѣтливое, полное теплой ласки обращеніе, и умный, задумчивый взглядъ, удовлетворили всѣмъ моимъ ожиданіямъ. Съ первой встрѣчи былъ онъ симпатиченъ, и чувство это не уменьшилось со временемъ. Первая встрѣча наша была въ Москвѣ, въ гостинницѣ Дрезденъ, куда М. С. Щепкинъ зашелъ посѣтить насъ, и былъ хорошо настроенъ при этой встрѣчѣ. Спокойно расположившись въ креслѣ, съ сигарой въ небольшой и полной рукѣ, онъ тихо улыбался, прихлебывая изъ стакана чай (который всегда былъ его любимымъ напиткомъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ велъ одушевленную бесѣду. Онъ разсказывалъ о театрѣ и о постановкѣ нѣкоторыхъ новыхъ пьесъ, по случаю пріѣзда въ Москву артиста Мартынова изъ Петербурга. Онъ припоминалъ тутъ, о чемъ всегда любилъ вспоминать, какъ на глазахъ его подвинулось впередъ театральное искусство.

«Я помню, что уже въ мое время, сообщалъ онъ, считалось невозможнымъ говорить на сценѣ просто и непринужденно, какъ говорятъ въ жизни: это считалось неприличнымъ для сцены. Роль необходимымъ считалось декламировать, а особенно въ драмѣ, да еще написанной въ стихахъ! А, уходя со сцены, необходимымъ считалось поднять одну руку и идти такъ до самаго выхода со сцены». При этихъ словахъ М. С. Щепкинъ всталъ съ кресла, поднявъ одну руку вверхъ, и мѣрными шагами прошелъ чрезъ всю комнату, не опуская руки, что выходило у него очень комично. Эти воспоминанія о старинныхъ пріемахъ на сценѣ часто случалось слышать отъ Мих. Семеновича и послѣ. Онъ объяснялъ, что декламація и чтеніе на распѣвъ зародились у насъ, какъ подражаніе искусственной игрѣ въ клас-

сическихъ драмахъ Расина и Корнеля на Французской сценѣ. Онъ удивлялся, что неестественность такихъ пріемовъ никого не удивляла и никому не бросалась въ глаза, и даже удовлетворяла зрителей. Разговоръ М. Семеновича перешелъ потомъ къ пьесамъ Гоголя, которыми онъ тогда сильно одушевлялся. Онъ разговорился о Русскихъ артистахъ того времени, многихъ очень хвалилъ, о другихъ полагалъ, что имъ надо бы больше работать, чтобъ не остановиться на одномъ мѣстѣ. Тутъ же Михаилъ Семеновичъ пригласилъ насъ посѣтить его семью, и мнѣ представилась возможность увидѣть его въ его домашней обстановкѣ среди разнообразнаго окруженія, которое онъ понемногу собралъ около себя.

Михаилъ Семеновичъ жилъ въ то время въ собственномъ домѣ, въ Спасскомъ переулкѣ, на Садовой, недалеко отъ Цвѣтнаго бульвара. Въ этомъ домѣ выростали всѣ его дѣти, и воспоминаніе объ этомъ домѣ и о радушныхъ его обитателяхъ, вѣроятно сохранилось еще у многихъ изъ старыхъ знакомыхъ, которые посѣщали тогда семью Щепкиныхъ. Михаилъ Семеновичъ рѣшился призанять денегъ и купить этотъ домъ еще въ 1830 году, и жилъ въ немъ до конца сороковыхъ годовъ. При домѣ былъ большой садъ съ фруктовыми деревьями, съ клумбами для цвѣтовъ около небольшой террасы, на которую выходила дверь изъ гостинной дома. Въ домѣ и въ жизни семьи Михаила Семеновича сохранился тотъ бытъ, къ которому онъ привыкъ изстари въ провинціи, когда живалъ въ Курской и Полтавской губерніи. Вся обстановка была проста и нероскошна. Но стоявшій въ залѣ рояль, ноты и книги, давали тотчасъ понятіе о вкусахъ и занятіяхъ семьи. Въ домѣ радушно принимала всѣхъ жена М. С., которая составляла самое пріятное дополненіе къ его собственному добродушію. Ея привѣтливая улыбка и лицо, красивое и въ старости, освѣщались еще прекрасными темными глазами; съ ея кроткимъ и ровнымъ характеромъ, она была вполнѣ способна заботиться о томъ домашнемъ пріютѣ для стариковъ и сиротъ, который Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ устраивалъ въ своемъ домѣ, по свойственному ему сочувствію къ осиротѣлымъ и бездомнымъ. «Жалко эту старуху», говорилъ онъ: «она совсѣмъ одинока! Я просилъ ее переѣхать ко мнѣ на житье»... И послѣ этого, въ домѣ поселялось новое лицо. Такъ, получивши мѣсто при Московскомъ Императорскомъ театрѣ, М. С. Щепкинъ перевезъ къ себѣ всю семью своего престарѣлаго отца: двухъ или трехъ пожилыхъ сестеръ своихъ, мать и брата. Въ сороковыхъ годахъ отца его не было уже въ живыхъ, но мать была жива. Она прожила болѣе девяноста лѣтъ, и подъ конецъ потеряла счетъ годамъ своимъ.

Скоро послѣ переселенія М. С. Щепкина на Московскую сцену, въ Харьковѣ скончался его старинный другъ Петръ Егоровичъ Барсовъ. Они вмѣстѣ начали свою артистическую карьеру въ Курскѣ, гдѣ г-нъ Барсовъ содержалъ театръ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Изъ «записокъ» М. С. видны ихъ старыя хорошія отношенія. П. Е. Барсовъ первый подалъ Михаилу Семеновичу мысль поступить на службу при театрѣ въ Полтавѣ, куда и самъ Барсовъ переходилъ въ то время. Въ Полтавѣ оба они сблизились еще больше и провели нѣсколько лѣтъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда до Михаила Семеновича дошла въ Москву вѣсть о томъ, что П. Е. Барсовъ скончался, оставивъ большую семью свою на рукахъ жены, М. С. тотчасъ рѣшилъ, что онъ долженъ взять къ себѣ это осиротѣвшее семейство. Такимъ образомъ дѣти обоихъ друзей воспитывались вмѣстѣ, и всю жизнь потомъ ихъ связывала братская дружба и общія воспоминанія о пребываніи въ гимназіи и въ университетѣ. Позднѣе ихъ соединило и родственное отношеніе, когда въ сороковыхъ годахъ одинъ изъ Барсовыхъ женился на дочери Михаила Семеновича. Такъ незамѣтно составлялась и росла семья Михаила Семеновича, и въ 1831 году семья эта включала въ себѣ 24 человѣка! Въ своихъ «запискахъ» М. С. упоминаетъ объ этомъ времени и говоритъ о томъ, какъ порадовали его, когда поручили ему преподавать въ Театральной Школѣ, потому что это увеличило средства его.

Тутъ кстати будетъ упомянуть о томъ, какъ М. С. Щепкинъ постоянно заботился о томъ, чтобы доставить хорошее образованіе своимъ дѣтямъ. Самъ онъ всегда сожалѣлъ, что въ его время онъ долженъ былъ ограничиться при своемъ воспитаніи курсомъ городскаго училища въ Курскѣ, въ которомъ, какъ онъ вспоминалъ, преподаватели не отличались ни особымъ знаніемъ, ни добросовѣстностію. Программа была необширна: новые языки преподавались очень слабо, изъ древнихъ преподавали только одинъ Латинскій языкъ. Основательно проходили только одну математику и давали нѣкоторыя свѣдѣнія изъ физики и механики. Чувствуя всегда недостаточность такого обученія, М. С. Щепкинъ желалъ доставить болѣе полныя знанія своимъ сыновьямъ и пріемнымъ дѣтямъ. Онъ часто повторялъ, что «образованіе дѣйствуетъ не только на развитіе ума, но и на нравственныя качества человѣка». Послѣ домашняго обученія, М. С. помѣстилъ дѣтей своихъ въ гимназію. Изъ гимназіи онъ взялъ дѣтей до окончанія гимназическаго курса, и дома приготовлялись они къ университету. Все это было бы трудно выполнить, еслибы онъ не нашелъ себѣ поддержки и помощи въ кругу знакомыхъ профессоровъ; они указали ему надежныхъ преподавателей. Профессоръ Крюковъ

предложилъ даже взять на себя лично преподаванiе древнихъ языковъ. Всѣ сыновья и прiемныя дѣти Щепкина поступили въ университетъ, и относительно меньшаго изъ нихъ, въ выборѣ книгъ и преподавателей руководилъ Михаила Семеновича своими совѣтами профессоръ Московскаго университета Т. Н. Грановскiй. Вся семья Щепкиныхъ всегда тепло вспоминала о добромъ участiи въ ихъ воспитанiи обоихъ профессоровъ, и сохранила память о слишкомъ рано умершемъ Крюковѣ.

Въ это же время поселился въ семьѣ М. С. Щепкина Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ, только что прiѣхавшiй въ Москву, чтобы вступить въ университетъ; на Бабста указалъ Грановскiй, какъ на хорошаго преподавателя древнихъ языковъ. Бабстъ былъ тогда юнымъ студентомъ, и въ немъ всѣ видѣли уже человѣка даровитаго. Самъ Бабстъ весело разсказывалъ о томъ, какъ онъ въ первый разъ появился въ Москву, какъ часть дороги долженъ былъ свершить при обозѣ съ лимонами, и затѣмъ, появиться въ большомъ городѣ, гдѣ у него не было ни одной души знакомой. И по счастью, онъ нашелъ какъ бы родной домъ у Михаила Семеновича.

Въ сороковыхъ годахъ семья Михаила Семеновича Щепкина нѣсколько уменьшилась; многiе выбыли изъ нея; одни, чтобы жить самостоятельно и своимъ трудомъ, а другихъ не было уже въ живыхъ. Но семья все еще состояла изъ четырнадцати человѣкъ, не считая молодыхъ людей, временно принятыхъ въ домъ и находившихся подъ покровительствомъ Михаила Семеновича. Такъ пробылъ нѣсколько времени въ семьѣ его С. В. Шумскiй, передъ тѣмъ вышедшiй изъ Театральной Школы и скоро потомъ сдѣлавшiйся любимымъ актеромъ Московской публики. Кружокъ молодыхъ студентовъ и друзей ихъ все увеличивался и наполнялъ тогда такъ называемый «студенческiй» флигель при домѣ М. С. Щепкина. Самъ М. С. относился очень добродушно къ этой молодой компанiи и любилъ слушать ихъ разговоры и споры. Нерѣдко можно было найти всю молодежь въ комнатѣ жены М. С., и даже когда она бывала нездорова: она любила слушать ихъ веселый говоръ и смѣхъ, и одинаково радушно относилась къ сыновьямъ и къ друзьямъ ихъ, вникая въ ихъ нужды, если могла помочь имъ. Съ общительностiю М. С. Щепкина не трудно было собрать около себя молодежь. И лѣтомъ, когда семья М С. переѣзжала на дачу, общество молодыхъ людей не уменьшалось. Хотя М. С. и продолжалъ лѣтомъ свою игру на сценѣ, но онъ часто посѣщалъ своихъ на дачѣ, и любилъ сельскую жизнь и дальнiя прогулки съ самоваромъ и съѣстными припасами. Всей семьей предпринимались также иногда путешествiя пѣшкомъ къ Троицѣ.

Въ семьѣ Щепкиныхъ, между молодежью, долго сохранялись воспоминанія о всѣхъ этихъ лѣтнихъ экскурсіяхъ. Но особенно живо вспоминали всѣ о пребываніи лѣтомъ въ Апухтинѣ, гдѣ М. С. нанялъ домъ давно необитаемый и запущенный. Въ домѣ этомъ была и домашняя церковь, теперь запертая, и только случайно молодежь отыскала входъ въ нее изъ нижняго подвальнаго этажа. Скоро въ этомъ таинственномъ переходѣ начали появляться привидѣнія, конечно представляемыя кѣмъ-нибудь изъ молодежи. Быть можетъ, Апухтино осталось особенно ярко въ воспоминаніяхъ семьи Щепкиныхъ и благодаря новымъ знакомствамъ, которыя пріобрѣли они въ его окрестностяхъ. На одной изъ сосѣднихъ дачъ познакомились Щепкины съ семействомъ Кн—въ, которымъ суждено было сильно подѣйствовать потомъ на судьбу одного изъ сыновей М. С. Щепкина. Тутъ же, въ Соколовѣ встрѣчалъ М. С. Щепкинъ нашего славнаго поэта Пушкина, который бывалъ тамъ у П. В. Нащокина. Позднѣе Пушкинъ посѣтилъ нѣсколько разъ и домъ М. С. Щепкина, чтобы видѣться у него съ В. Г. Бѣлинскимъ, котораго приглашали тогда принять работу для журнала, въ изданіи котораго участвовалъ Пушкинъ въ Москвѣ. Все это было далеко до переѣзда В. Г. Бѣлинскаго въ Петербургъ; въ Москвѣ В. Г. Бѣлинскій былъ очень близокъ съ домомъ Щепкиныхъ, и часто бывалъ у нихъ на дачѣ. Въ такомъ окруженіи М. С. конечно оживалъ, и вносилъ и самъ оживленія въ этотъ кружокъ своими разсказами, а иногда и чтеніемъ. М. С. Щепкину отрадно было отдыхать въ своей семьѣ. Отношенія молодежи къ отцу были открытыя и дружескія. Сыновья съ дѣтства видѣли въ отцѣ образецъ честнаго и добраго труда; отъ него передались имъ уваженіе къ труду и къ долгу. Самъ М. С. Щепкинъ работалъ до глубокой старости. Онъ до конца жизни не покидалъ сцены, столько же по страсти къ ней, сколько и для того, чтобъ имѣть средства и поддерживать тѣхъ изъ сыновей своихъ, которые не могли еще жить личнымъ трудомъ. И уже семейныхъ сыновей онъ долго еще не отпускалъ отъ себя ради того, по словамъ М. С., чтобы «они были болѣе обезпечены и легко проходили мимо искушеній жизни». Здѣсь нельзя не упомянуть подробнѣе о женѣ М. С. Щепкина, Еленѣ Дмитріевнѣ, которая такъ поддерживала всѣ его добрыя намѣренія.

М. С. Щепкинъ не даромъ сказалъ о себѣ въ своихъ «запискахъ», что «судьба его постоянно баловала». Судьба и тутъ была къ нему благосклонна, когда послала ему такую подругу. Съ ней онъ могъ быть увѣренъ, что найдетъ всегда отдыхъ дома; а отдыхъ бывалъ ему необходимъ и послѣ трудовъ, и послѣ столкновеній, которыя встрѣчаются каждому артисту при театрѣ. Встрѣча его съ Еленой Дмитріев-

ной была счастливой случайностію. Онъ увидалъ свою будущую подругу у родныхъ своихъ въ Курской губерніи, куда судьба ея привела ее очень издалёка. Женился онъ, вѣроятно, скоро послѣ 1812 года: въ «запискахъ» своихъ М. С. Щепкинъ упоминаетъ, что, уѣзжая изъ Курска въ Харьковъ для того, чтобы опредѣлиться къ тамошнему театру, онъ «перецѣловалъ жену и дѣтей», а переѣхалъ онъ въ Харьковъ въ 1816 году. Изъ разсказовъ М. С. Щепкина и жены его, было хорошо извѣстно всѣмъ, что Елена Дмитріевна воспитывалась въ домѣ генерала Чаликова, а въ домъ Чаликова попала она по особенной случайности. Это было во время войны съ Турціею. Послѣ взятія крѣпости Анапы, Русскіе солдаты нашли брошеннаго ребенка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. То была маленькая дѣвочка, бережно закутанная въ одѣяла. Солдаты пожалѣли ребенка и взяли его съ собою, въ надеждѣ пристроить въ первой деревнѣ, которая попадется имъ по дорогѣ. Изъ жалости-ли, или потому, что ребенокъ былъ привлекателенъ, но дѣвочку не бросили, и генералъ Чаликовъ предложилъ взять найденнаго ребенка на воспитаніе. Онъ былъ воспріемнымъ отцомъ ребенка, когда его окрестили въ христіанскую вѣру; при крещеніи дѣвочкѣ дали имя Елены. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Елена Дмитріевна вошла въ семью Чаликовыхъ и воспиталась подъ надзоромъ жены его и вмѣстѣ съ его дочерями. О семьѣ Чаликовыхъ Елена Дмитріевна сохранила самыя пріятныя воспоминанія, говорила о нихъ съ большою теплотою и пробыла въ домѣ ихъ до 17 лѣтъ. Все, что передавала Елена Дмитріевна о своемъ происхожденіи, слышала она отъ самого Чаликова. Лицомъ Елена Дмитріевна напоминала типъ Грузинокъ. Черты лица ея, довольно правильныя, были не крупны и мягки, а темный цвѣтъ лица, черные волосы и черные глаза напоминали южный и даже восточный типъ; но Елена Дмитріевна сама полагала, по разсказамъ нашедшихъ ее, что она была Турчанка. До нея доходили также слухи, когда она была уже замужемъ и жила въ Москвѣ, что въ Петербургъ пріѣзжала семья одного Турецкаго паши и отыскивала дочь, пропавшую у нихъ маленькой дѣвочкой при взятіи Анапы. Жена паши обѣщала большое вознагражденіе тому, кто укажетъ, гдѣ могла находиться дочь ея въ Россіи, такъ какъ по слухамъ, дошедшимъ до нея, дочь ея была взята Русскими солдатами. По всѣмъ объявленнымъ примѣтамъ и по описанію одежды, оставленной на дѣвочкѣ, Елена Дмитріевна полагала, что отыскивали именно ее.

М. С. Щепкинъ, какъ разсказывала часто жена его, понравился ей при первой встрѣчѣ съ нимъ. А онъ совершенно увлекся привлекательной красавицею, но не рѣшился сказать ей тотчасъ, что онъ

находился въ крѣпостной зависимости у графа Волькенштейна, и долго скрывалъ отъ нея это несчастное обстоятельство. Не легко было такое положеніе человѣку съ его умомъ и душою. Но, разъ согласившись отдать М. С. Щепкину свою руку, Елена Дмитріевна не измѣнила своего намѣренія, не смотря на всю невыгоду положенія М. С., въ которое и попалъ онъ совершенно несправедливо. Дѣдъ его былъ свободнымъ человѣкомъ и принадлежалъ къ духовному сословію: онъ былъ сыномъ священника; но, когда графу Волькенштейну понравился голосъ дѣда М. С. Щепкина, то графъ не задумался прибѣгнуть къ хитрости и приписалъ его къ своей землѣ, чтобъ навсегда оставить за собою пѣвца. Родной братъ дѣда М. С. оставался въ тоже время священникомъ въ одномъ изъ селъ Калужской губерніи. «Въ тѣ времена все было возможно сильному человѣку», съ грустію въ голосѣ говаривалъ М. С. Щепкинъ, припоминая это тяжелое обстоятельство.

Мы говорили не разъ уже о томъ, что при общительности М. С. Щепкина, при его потребности окружать себя людьми, ему и женѣ его нужна была помощь, чтобы справляться съ хозяйственной и экономической стороною жизни. Такую помощь нашли они въ лицѣ Татьяны Михайловны Араловой, дѣвушки воспитавшейся въ ихъ домѣ и подъ ихъ вліяніемъ. Когда, по пріѣздѣ въ Москву, М. С. нанялъ для семьи своей большой домъ за Москвой-рѣкою, то старшая дочь хозяина дома, дѣвочка лѣтъ 12, посѣщала дочерей М. С. Щепкина, и подружилась съ ними. Отецъ ея былъ человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, и семья жила въ полномъ довольствѣ. Но постепенно дѣла Араловыхъ пришли въ упадокъ и кончились совершеннымъ разореніемъ: домъ и все имущество проданы были для удовлетворенія должниковъ. Уѣзжая съ своей квартиры, М. С. предложилъ хозяину передать на воспитаніе въ семью его старшую дочь ихъ, подружившуюся съ дочерьми М. С., и Татьяна Михайловна сь тѣхъ поръ перешла въ семью ихъ. Она усвоила себѣ ихъ привычку постоянно заботиться о лицахъ принадлежавшихъ къ семьѣ, и съ замѣчательнымъ терпѣніемъ и добротою ухаживала за больными; безъ устали проводила она дни и ночи около нихъ: ванны, лѣкарства,—все поручалось ей. И она исполняла все такъ охотно, какъ будто это было ея потребностью и призваніемъ. Многіе изъ членовъ семьи М. С. жили и умерли на рукахъ ея. Въ семьѣ Щепкиныхъ всѣ были привязаны къ ней и любили ее какъ родную.

До глубокой старости сохранилъ М. С. Щепкинъ свой общительный и добродушный характеръ. Его появленіе въ знакомомъ кружкѣ, или у родныхъ, всегда встрѣчалось привѣтливыми восклицаніями «а! вотъ и Михаилъ Семеновичъ!» Восклицавшіе будто предвидѣли, что

онъ внесетъ свой теплый элементъ и новый интересъ въ ихъ бесѣды. Съ дѣтьми Щепкинъ былъ всегда терпѣливъ и ровенъ; при его появленіи внуки его обыкновенно бѣжали къ нему на встрѣчу. Ихъ шумныя игры не тяготили его; обыкновенно онъ просилъ не стѣснять дѣтей и вступался за нихъ, когда ихъ останавливали.

Свободные вечера М. С. любилъ проводить за картами дома, или въ Англійскомъ клубѣ, котораго онъ былъ членомъ въ послѣдніе годы жизни. Выигрывать случалось ему рѣже нежели проигрывать, но никогда не проигрывалъ онъ большихъ суммъ. Въ клубъ онъ ѣхалъ охотно и потому, что любилъ побесѣдовать съ лицами, которыхъ тамъ встрѣчалъ. Эти бесѣды не обходились однако иногда и безъ столкновеній. Случалось, что его гуманное отношеніе къ утѣсненымъ, его нескрываемая радость во времена реформъ, вызывали жесткія замѣчанія у лицъ, неуспѣвшихъ примириться съ быстро наступившими перемѣнами шестидесятыхъ годовъ. Но, не смотря на эти замѣчанія, Михаилъ Семеновичъ не переставалъ радоваться; онъ купилъ себѣ очень миніатюрный бокалъ, потому что далъ обѣщаніе выпить большое число бокаловъ вина на радости, когда объявлено будетъ о готовившейся уже реформѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. И онъ дѣйствительно праздновалъ это событіе, собравши у себя близкихъ знакомыхъ и родныхъ. Но такъ какъ въ старости М. С. боялся выпить лишній бокалъ Шампанскаго, то передъ нимъ стоялъ маленькій хрустальный бокалъ, изъ котораго онъ и выпилъ назначенное имъ по обѣщанію число бокаловъ въ честь этого дорого для него дня!

Въ послѣдніе годы М. С. Щепкинъ нанималъ квартиру въ Третьей Мѣщанской. Это былъ просторный, старинный домъ съ садомъ. Въ этомъ домѣ принималъ онъ у себя Ольриджа, которому, казалось, нравился патріархальный бытъ семьи; и самъ Ольриджъ подходилъ къ этому быту простотой своихъ пріемовъ. Онъ поймалъ за руку маленькую внучку М. Семеновича и бесѣдовалъ съ ней на Англійскомъ языкѣ, въ то время, какъ удивленная дѣвочка, не понимая его, улыбаясь, глядѣла на его оригинальное и ласковое лице, чистаго Негритянскаго типа. Въ этомъ же домѣ собирались у М. С. по Воскресеньямъ его молодые знакомые и шумно проводили время въ его саду. Михаилъ Семеновичъ все еще игралъ на сценѣ, но сознавалъ, что силы его слабѣютъ, и иногда грустно говорилъ о томъ, что конецъ его близокъ... Быть можетъ, на эти мысли наводила его потеря любимой жены его, умершей за нѣсколько лѣтъ прежде его. Но въ памяти многихъ сохранились его грустныя предчувствія. Въ это же время онъ пригласилъ къ себѣ гостить свою старую знакомую и

пріятельницу, бывшую трагическую актрису, тогда уже одинокую старушку лѣтъ около шестидесяти. То была родная сестра знаменитаго Мочалова, и она носила на сценѣ имя: Мочаловой-Франціевой. Это была личность въ высшей степени симпатичная и очень красивая въ молодости *). Въ разговорахъ съ нею, М. С. часто называлъ ее просто: «моя милая трагедія!» Шутя они вмѣстѣ иногда подражали стариннымъ драматическимъ пріемамъ, читая монологи изъ Эдипа въ Аѳинахъ. «Постой, дочь нѣжная преступнаго отца», начиналъ М. Сем. иногда неожиданно, и М. С. Франціева тотчасъ входила въ его тонъ, и отвѣчала ему монологомъ Антигоны, съ декламаціей стараго времени и съ поднятой къ верху рукою. Вмѣстѣ съ «милой, старой трагедіей», М. С. Щепкинъ, весной кормилъ воробьевъ на своей террасѣ въ саду, искрашивая имъ бѣлый хлѣбъ на устроенной для этого деревянной полочкѣ у террасы. Однажды онъ сказалъ при этомъ М. С. Мочаловой: «Помни, трагедія! Ты видишь эти развернувшіеся листья? Прежде чѣмъ они упадутъ на землю,—меня уже не будетъ!» И словамъ этимъ суждено было сбыться, можетъ быть по несчастной случайности.

Лѣтомъ М. С. Щепкинъ часто предпринималъ поѣздки на провинціальныя сцены. Игра въ провинціи привлекала М. С. не потому только, что онъ пріобрѣталъ этимъ новыя денежныя средства для семьи своей: она доставляла ему новыя артистическія наслажденія. Какъ гость, онъ пользовался особыми льготами на провинціальныхъ или на Петербургской сценахъ. Онъ выступалъ въ новыхъ пьесахъ, или бралъ новую, напередъ разученную имъ роль, которая не входила въ репертуаръ его въ Москвѣ. Такъ манила его одна роль въ пьесѣ Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ пьесѣ этой, авторомъ ея, было создано лице, подъ вліяніемъ разсказа М. Семеновича объ одномъ старикѣ, жившемъ у него въ домѣ и очень преданномъ ему и семьѣ его, старинномъ парикмахерѣ, Пантелеѣ Ивановичѣ. Въ пьесѣ «Бѣдность не порокъ», личность, и судьба, и положеніе Любима Торцова сходны нѣсколько съ службою и положеніемъ старика, знакомаго Щепкину. Хотя лице созданное Островскимъ не вполнѣ удовлетворяло тогда Михаила Семеновича, какъ онъ высказывалъ, тѣмъ не менѣе и пьеса и роль нравились ему, и онъ рѣшился ѣхать въ Нижній-Новгородъ, чтобъ тамъ играть эту роль. По свойственной ему деликатности, онъ не хлопоталъ получить эту роль въ Москвѣ, не желая отнимать ее у Пр. Мих. Садовскаго, которому принадлежала

*) Прекрасный портретъ ея, работы художника Тропинина, находится въ галереѣ П. М. Третьякова.

большая часть ролей въ комедіяхъ Островскаго. Въ Нижнемъ Михаилъ Семеновичъ сыгралъ роль Любима Торцова съ большимъ успѣхомъ. Игра его была тонко обдумана и выполнена прекрасно. Такое мнѣніе объ игрѣ его въ роли Любима Торцова высказывали съ восхищеніемъ П. Вас. Анненковъ и В. Петр. Боткинъ, оба извѣстные своимъ эстетическимъ чувствомъ и пониманіемъ сценическаго искусства.

Въ 1863 году, лѣтомъ, Михаилъ Семеновичъ предпринялъ поѣздку въ Крымъ съ артистическими цѣлями. Онъ думалъ также, что южный воздухъ укрѣпитъ его силы. Въ первое время своего путешествія онъ сообщалъ семьѣ своей въ Москву, что доволенъ поѣздкою, и въ силахъ былъ играть на одномъ изъ провинціальныхъ театровъ по дорогѣ въ Крымъ. Изъ Крыма писалъ онъ, что «читаетъ вслухъ пьесы Гоголя безъ особой усталости». Къ несчастію, при одномъ изъ такихъ чтеній вечеромъ, на открытомъ воздухѣ, Михаилъ Семеновичъ простудился, и къ безпокоившей его одышкѣ присоединился кашель, на который онъ жаловался въ письмахъ въ Іюлѣ. Болѣзнь его скоро приняла опасный оборотъ и быстро шла къ печальной развязкѣ. 12 Августа Михаила Семеновича не стало...

Тѣло усопшаго было привезено въ Москву, гдѣ оно покоится на Пятницкомъ кладбищѣ, рядомъ со многими близкими ему. На его памятникѣ, изъ большаго дикаго камня, начертана слѣдующая надпись:

«Михаилу Семеновичу Щепкину»,
«Артисту и человѣку».

И эта краткая надпись включаетъ въ себѣ вполнѣ значеніе Михаила Семеновича при его жизни.

А. Щепкина.

ДВА ПИСЬМА М. С. ЩЕПКИНА КЪ Н. В. ГОГОЛЮ.

1.

Милостивый государь Николай Васильевичъ.

Письмо и «Ревизора» нѣсколько экземпляровъ получилъ и по назначенію всѣ роздалъ, кромѣ Кирѣевскаго, который въ деревнѣ, и потому я отдамъ его экземпляръ С. П. Шевыреву для доставленія. Благодарю васъ отъ души за «Ревизора», не какъ за книгу, а какъ за комедію, которая, такъ сказать, осуществила всѣ мои надежды, и я совершенно ожилъ. Давно уже я не чувствовалъ такой радости; ибо, къ несчастію, мои всѣ радости сосредоточены въ одной сценѣ. Знаю, что это почти сумашествіе; но что же дѣлать? Я, право, не виноватъ. Порядочные люди смѣются надо мной и почитаютъ глупостью; но я за усовершенствованіе этой глупости отдалъ бы остатокъ моей жизни.— Ну все это въ сторону, а теперь просто объ «Ревизорѣ». Не грѣхъ ли вамъ оставлять его на произволъ судьбы, и гдѣ же? Въ Москвѣ, которая такъ радушно ждетъ васъ, *такъ отъ души смѣется въ «Горѣ отъ Ума»* *), и вы оставите ее отъ нѣкоторыхъ непріятностей, которыя доставилъ вамъ «Ревизоръ!» Во первыхъ, по театру такихъ непріятностей не можетъ быть; ибо М. Н. Загоскинъ, благодаря васъ за экземпляръ, сказалъ, что будетъ писать къ вамъ и поручилъ еще мнѣ увѣдомить васъ, что для него весьма пріятно бы было, если бы вы пріѣхали, дабы онъ могъ совершенно съ вашимъ желаніемъ сдѣлать все, что нужно для поставки піесы. Со стороны же публики чѣмъ болѣе будутъ на васъ злиться, тѣмъ болѣе я буду радоваться; ибо это будетъ значить, что она раздѣляетъ мое мнѣніе о комедіи, и вы достигли своей цѣли. Вы сами лучше всѣхъ знаете, что ваша піеса болѣе всякой другой требуетъ, чтобы вы прочли ее *нашему начальству* и дѣйствующимъ; вы это знаете и не хотите пріѣхать. Богъ съ вами! Пусть они вамъ надоѣли, но вы должны это сдѣлать для комедіи. Вы должны это сдѣлать по совѣсти; вы должны это сдѣлать для Москвы, для людей васъ любящихъ и принимающихъ живое участіе въ «Ревизорѣ»; однимъ словомъ, вы твердо знаете, что вы намъ нужны и не хотите пріѣхать.

*) Въ подлинникѣ напечатанныя курсивомъ слова подчеркнуты. П. Б.

Воля ваша это—эгоизмъ; простите меня, что я такъ вольно выражаюсь, но здѣсь дѣло идетъ о комедіи; и потому я не могу быть хладнокровнымъ; видите, я даже не лѣнивъ теперь. Вы, пожалуй, не ставьте ее у насъ, только прочтите два раза, а тамъ... Ну полно, я вамъ надоѣлъ. Спасибо вамъ за подарокъ піесы для бенефиса; вѣрьте, что такое одолженіе никогда не выйдетъ изъ моей старой головы, въ которой теперь одно желаніе—видѣть васъ; чтобы это исполнить, я привелъ бы всю Москву въ движеніе. Прощайте. Простите, что оканчиваю безъ чиновъ. Вашъ М. Щепкинъ.

Прилагаю письмо Погодина. Если вы рѣшитесь ѣхать къ намъ, то скорѣе; ибо недѣли черезъ три, а можетъ быть и ранѣе, она будетъ готова, къ ней пишутъ новую декорацію.

2.

Москва, отъ 24-го Октября 1842 года.

Милостивый государь Николай Васильевичъ.

По словамъ Сергѣя Тимоѳѣевича вы теперь уже въ Римѣ, куда я и адресовалъ это письмо, и дай Богъ, чтобы оно нашло васъ здоровыхъ и бодрыхъ; а о себѣ скажу, что я упадаю духомъ. Поприще мое и при новомъ управленіи безъ дѣйствія, а душа требуетъ дѣятельности, потому что репертуаръ нисколько не измѣнился, а все тоже, мерзость и мерзость, и вотъ чѣмъ на старости я долженъ упитывать мою драматическую жажду. Знаете, это такое страданіе, на которое нѣтъ словъ. Намъ дали все, то есть артистамъ *Русскимъ*, деньги, права, пансіоны, и только не дали свободы дѣйствовать, и изъ артистовъ сдѣлались мы поденщиками. Нѣтъ хуже: поденщикъ свободенъ выбирать *себѣ работу*; а артистъ—играй, играй все, что̀ повелитъ мудрое начальство.

Ну я наскучилъ вамъ болтаньемъ о себѣ. Но что̀ дѣлать, надо же кому нибудь высказаться. Право какъ-то легче, а кому же я выскажусь, какъ не вамъ? Кто такъ пойметъ мои страданія, какъ не вы, мой добрый Николай Васильевичъ? Даже, знаете, я думаю, никто не приметъ въ нихъ такого участія, какъ вы же. Вы всегда меня любили, всегда дарили меня своимъ вниманіемъ: а я.... Но довольно!

Пользуясь вашимъ позволеніемъ, я заявилъ на свой бенефисъ вашу комедію «Женитьба»; ибо все изданіе ваше, какъ извѣстно, выдетъ въ Декабрѣ, а мой бенефисъ Февраля 5-го. Но я просилъ Бѣлинскаго заранѣе отдать ее въ театральную цензуру, дабы больше имѣть времени ознакомиться съ дѣйствующими, носящими человѣческій образъ. Я просилъ, тоже съ вашего позволенія, отдать нѣкоторыя сце-

ны въ цензуру, а равно и вновь присланную комедію «Игроки», которую я тоже попросилъ бы у васъ сыграть на бенефисъ. Это бы сильно подкрѣпило оной. А бенефисы Русскихъ артистовъ сильно пострадали отъ Нѣмецкой оперы, которую Гедеоновъ перевезъ изъ Петербурга въ Москву на всю зиму. Но безъ письменнаго вашего позволенія я не рѣшусь давать оной; хотя вы и говорили о прочихъ сценахъ, но я не помню, была ли рѣчь о ней. И такъ я заранѣе только просилъ подать ее въ цензуру, и естьли не помедлите нашимъ отвѣтомъ и позволите, то не худо, естьли бы вы изложили, какъ бы вы желали въ разсужденіи костюмовъ дѣйствующихъ въ комедіяхъ «Женитьба» и «Игроки». Времени еще слишкомъ три мѣсяца, а вашъ отвѣтъ успѣетъ придти заблаговременно. Естьли же я не получу отъ васъ никакого отвѣта въ это время, то, разумѣется, я «Игроковъ» уже не дамъ, а только «Женитьбу» и какую-нибудь изъ сценъ.

Вотъ люди: что̀ письмо, то и просьба, и Сбитенщикъ правду сказалъ: «Всѣ люди Степаны». Что́ еще сказать вамъ? Да, о »Мертвыхъ Душахъ» все идутъ толки, прѣнія. Они разбудили Русь; она теперь какъ будто живетъ. Толковъ объ нихъ несчетное число. Можно бы исписать томы, естьли бы изложить всѣ ихъ на бумагѣ, и меня это радуетъ. Это значитъ: толкни насъ хорошенько, и мы зашевелимся, и тѣмъ доказываемъ, что мы живыя существа. Въ этомъ пробужденіи проглядываетъ мысль, ясно говорящая, что мы на ряду со всѣми народами не лишены человѣческаго достоинства. Но грустно то, что насъ непремѣнно надо толкнуть; а безъ того мы сами мертвыя души. Прощайте. Обнимаю васъ. Ожидаю отвѣта скораго. Остаюсь вѣчно любящій васъ и пребывающій вашимъ покорнымъ слугою Михайла Щепкинъ.

P. S. Мое семейство отъ мала до велика всѣ вамъ кланяются. Аксаковыхъ семейство все, слава Богу, здорово, кромѣ самого С. Тимоѳеевича, который (между нами) ветшаетъ, хотя, разумѣется, и скрываетъ это. Болѣзнь прежняя въ немъ опять отозвалась. Со всѣмъ тѣмъ у нихъ теперь весело, ибо братья С. Тимоѳеевича теперь въ Москвѣ съ семействами, и они часто вмѣстѣ, и преферансъ въ дѣйствіи. Да, чтобы не забыть разсказать вамъ анекдотъ. Въ Курскѣ, года три тому назадъ, было землетрясеніе, и на другой день полицмейстеръ доноситъ губернатору рапортомъ, что вчерашняго числа во столько-то часовъ было сильное землетрясеніе, но принятыми-де мѣрами заблаговременно полиціей никакого несчастія въ городѣ не послѣдовало. Не могу точно передать фразы, но очень ловко выражено. Губернаторъ прочелъ и говоритъ ему: Я очень доволенъ вами по части устройства города, чистоты, пожарной команды и проч.; но

нехорошо, что вы подписываете бумаги не читавъ. На что полицмейстеръ съ клятвой утверждалъ, что это клевета и что злодѣи обносятъ его у начальства. Но вотъ, говоритъ губернаторъ, этотъ рапортъ, вѣроятно, не читали.—Помилуйте, ваше превосходительство, самъ начерно сочинялъ. Губернаторъ тутъ пожалъ плечами, и все пошло по старому.

(Сообщено съ подлинниковъ В. И. Шенрокомъ).

Въ письмѣ отъ 29 Апрѣля 1836 года Гоголь первый подалъ мысль Щепкину о прочтеніи „Ревизора“ въ кружкѣ Московскихъ артистовъ, „дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія“; но недовольный интригами дирекціи въ Петербургѣ противъ Сосницкаго и Дюра, онъ тотчасъ же прибавляетъ: „я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на Московскомъ театрѣ, въ силахъ удержать поѣздку въ Москву“. (Соч. Гог., изд. Кул., V, 254). Отвѣтомъ на это и послужило первое изъ напечатанныхъ выше писемъ, относящееся, несомнѣнно, къ самому началу Мая 1836 года.

Щепкинъ употребилъ со своей стороны все, чтобы побудить Гоголя исполнить отмѣненное намѣреніе: онъ дѣйствовалъ между прочимъ черезъ Пушкина (см. соч. Пушк., изд. Лит. Фонда, VII, 401) и Погодина. Какъ сильно онъ хотѣлъ залучить Гоголя въ Москву, видно особенно изъ письма Пушкина къ женѣ отъ 6 Мая того же года: *Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа проситъ его пріѣхать въ Москву прочесть „Ревизора“*. Безъ него актерамъ не спѣться“. Старанія Щепкина не имѣли успѣха. В. Ш.

КЪ ИСТОРІИ КАВКАЗА И ЗАКАВКАЗЬЯ.

1774.

1.

№ 48. Получено 20 Сентября 1774 года. Секретная.

Канцелярская цыдула изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ его превосходительству господину генералъ-маіору, кавалеру и Астраханскому губернатору Петру Никитичу Кречетникову.

Каковъ отправленъ нынѣ высочайшій рескриптъ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ отъ 5 Сентября сего 1774 года къ господину генералу порутчику Де-Медему, по случаю состоявшагося съ Портою Оттоманскою мира и по всѣмъ Кизлярской стороны настоящимъ обстоятельствамъ, съ онаго (какъ и со всѣхъ принадлежащихъ къ тому приложеній) посылаются при семъ копіи, какъ для извѣстія вашему превосходительству, такъ и для могущаго быть употребленія по встрѣчающимся и для васъ случаямъ и дѣламъ, при чемъ ваше превосходительство, усмотря изъ содержанія сего высочайшаго рескрипта нужду въ храненіи онаго въ секретѣ, безъ сумнѣнія и все служащее къ тому распоряженіе учинить не оставите.

Статскій совѣтникъ Петръ Бакунинъ.

Въ Санктпетербургѣ.
6 Сентября 1774 года, № 35.

2.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и протчая, и протчая, и протчая.

Нашему генералу порутчику Медему.

Благополучное возстановленіе мира между нашею имперіею и Портою Оттоманскою долженствуетъ натуральнымъ образомъ пресѣчь дѣйствія злонамѣренности варварскихъ народовъ сосѣдства Кизлярскаго и освободить васъ отъ заботы защищенія состоящихъ подъ вашею стражею мѣстъ, непрестанными ополченіями. Но для сего при самомъ первомъ случаѣ надобно и нужно, чтобъ сколько возможно больше распространилось между всѣми горскими народами достовѣрное свѣдѣніе о учиненныхъ между обѣими имперіями взаимныхъ постановленіяхъ въ разсужденіи Крымскаго полуострова и всѣхъ Та-

таръ безъ изъятія, которымъ по большой части они въ своемъ поведеніи сображались поныне и оказывались нашей стороне непріязненными.

Вы найдете здѣсь въ приложеніи копію на Русскомъ и Турецкомъ языкѣ съ артикула изъ мирнаго трактата, коимъ всѣ Татарскіе народы, Крымскіе, Буджацкіе, Кубанскіе, Эдисанцы, Жамбуйлуки и Эдичкулы признаны вольными и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти, но пребывающими подъ самодержавною властію хана Крымскаго, слѣдовательно въ состояніи, требующемъ отъ нихъ и одинакихъ уже уваженій, какъ къ нашей имперіи, такъ и къ Портѣ Оттоманской. А къ тому еще дается вамъ знать, что и въ самомъ Крымскомъ полуостровѣ, по содержанію мирнаго жъ трактата, двѣ крѣпости Яниколь и Керчь навсегда въ нашемъ владѣніи остаются, и сверхъ того намъ же уступлена и Кинбурнская крѣпость, на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ Очакова лежащая, такъ какъ и Азовъ равнымъ образомъ признанъ къ нашей имперіи принадлежащимъ. И о семъ о всемъ и разгласите вы во всѣхъ вашего мѣста окрестностяхъ, сообщая Кумыцкимъ и Кабардинскимъ владѣльцамъ точныя копіи помянутаго изъ мирнаго трактата артикула, жребій Крыма и народовъ Татарскихъ по нашему соизволенію опредѣлившаго, дабы такимъ образомъ сіи варварскіе предводители, а отъ нихъ и другіе имъ подобные удостовѣриться могли, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, всякое ихъ противное при нашихъ границахъ покушеніе не можетъ уже касаться въ пользу и услугу Крыму, того меньше Портѣ Оттоманской, но что вмѣсто того сами по себѣ единственно будутъ уже они нашей сторонѣ отвѣтстовать за свое поведеніе.

Послѣ сего сказать вамъ надобно еще и то, что и Кабардинцы, разумѣя жителей Большой и Малой Кабарды, въ нашемъ же подданствѣ остаться имѣютъ. Основанія же къ тому слѣдующія. Въ заключенномъ нынѣ съ Портою Оттоманскою трактатѣ, именно же въ 21-мъ онаго артикулѣ, говорится о нихъ такъ: «Обѣ Кабарды, то есть Большая и Малая по сосѣдству съ Татарами большую связь имѣютъ съ ханами Крымскими, для чего принадлежность ихъ Императорскому Россійскому двору должна предоставлена быть на волю хана Крымскаго съ совѣтомъ его и съ старшинами»; ханъ же Крымской предъ симъ заключеннымъ съ нашимъ полномочнымъ генераломъ порутчикомъ Щербининымъ Ноября 1 дня 1772 года трактатомъ союза и дружбы (въ которомъ сверхъ хана участвовали повѣренные отъ Крымскаго и Ногайскаго обществъ) дѣйствительно уже призналъ принадлежность Кабардинцовъ нашему скипетру, сказавъ въ 3-мъ артикулѣ того заключеннаго съ областію Татарскою трактата имянно и точно: «что быв-

шіе до войны подъ властію его хана всѣ Татарскіе и Черкескіе народы, Таманцы и Некрасовцы, имѣютъ быть и впредъ во власти его жъ ханской, но что напротивъ того Большая и Малая Кабарды состоятъ въ подданствѣ Россійской Имперіи».

Владѣльцы Кабардинскіе (какъ изъ всѣхъ ихъ края начальниковъ заботливѣйшіе о сохраненіи во всемъ пространствѣ вольности, въ какой они родились и понынѣ пребывали) безъ сумнѣнія и навѣдываются уже теперь о собственной своей участи, въ какомъ оная отношеніи къ нашей имперіи быть можетъ; но чтобъ не были они предупреждены развратными внушеніями, или же, по безразсудности своей и осторожности излишней, не воспріяли и сами ложныхъ и опасныхъ о нашей сторонѣ мыслей, будучи влекомы къ Турецкой, или же по малой мѣрѣ къ Крымской, доброжелательствомъ отъ единства закона, образа жизни, а нѣкоторымъ образомъ и самой природы происходящимъ, а отъ нашей всегда находившись въ отвращеніи, во время же бывшей войны неоднажды и явными противниками оказавшись: для того, сообщая вы имъ (какъ выше сказано) артикулъ изъ мирнаго трактата о Татарахъ вообще, въ уничтоженіе ихъ Кабардинцовъ надѣянія на Крымцовъ и протчія орды, учините имъ также извѣстнымъ содержаніе и вышеприведенныхъ двухъ артикуловъ, 21-го изъ мирнаго трактата нынѣ съ Портою Оттоманскою заключеннаго, и 3-го предъ симъ учиненнаго съ вольною Татарскою областію, изъ коихъ однимъ Порта отреклась входить въ разсмотрѣніе до Кабардинцовъ касающееся, а другимъ предъявляется уже цѣлымъ Татарскимъ обществомъ совершенно утвержденною принадлежность ихъ къ нашей имперіи, руководствуя такимъ образомъ имъ Кабардинцамъ и къ необходимой рѣшимости подвергнуться своей судьбѣ съ покорностію, нежели сопротивленіемъ своимъ не ко времени и не кстати быть въ опасности наказанія. Съ сихъ же обоихъ артикуловъ, дабы Кабардинскіе владѣльцы могли ихъ читать точными словами въ трактатахъ употребленными, получите вы также при семъ и копіи на Русскомъ и Турецкомъ языкахъ.

Но Кабардинцы, увидя себя отданныхъ въ здѣшнюю власть, могутъ еще не безъ основанія сумнѣваться, въ разсужденіи оказанныхъ ими при здѣшнихъ границахъ въ продолженіе войны разныхъ злодѣйствъ, чтобъ нынѣ не учинено было имъ за то возмездія, а въ разсужденіи пріобрѣтеннаго надъ ними права, образомъ толь торжественнымъ, чтобъ они время отъ времяни больше стѣснены не были въ своей вольности. Напротивъ чего, вы нынѣ же и дадите имъ знать нашимъ именемъ и повелѣніемъ, что хотя мы и имѣли многія причины быть ими недовольными, и они по справедливости гнѣвъ нашъ заслуживали, но по обстоятельству воспослѣдовавшаго мира оставляемъ безъ взысканія,

изъ природнаго намъ великодушія, въ томъ особливо надѣяніи, что они будущимъ своимъ спокойнымъ поведеніемъ удовлетворятъ за проступки прошедшіе, сохраняя должную къ намъ вѣрность по силѣ присяги, при началѣ войны минувшей учиненной, въ какомъ случаѣ и впредь ползоваться могутъ всею свободностію въ своемъ обращеніи и ни малѣйшаго въ томъ утѣсненія не опасаться: ибо въ протчемъ и намѣреніе наше, что до нихъ Кабардинцовъ касается, единственно въ томъ состоитъ, чтобъ ихъ (какъ издревле еще къ нашей имперіи присвоившихся предковъ своихъ добровольною приверженностію) и нынѣ въ числѣ нашихъ поданныхъ имѣть, безъ предосужденія однакожъ ихъ образу жизни, развѣ сами они, презря когда либо къ несчастію своему высочайшую нашу милость, принудятъ употребить противъ себя строгость намъ несвойственную.

По тѣхъ же поръ пока Кабардинцы и другіе окрестные Кизлярскаго края народы, успокоившись нынѣ, находиться будутъ въ такомъ расположеніи своихъ мыслей, въ какомъ они какъ варвары и послѣдователи магометанскаго закона могутъ быть съ нашей стороны терпимы, мы соизволяемъ и наиточнѣйше повелѣваемъ поступать съ ними и въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ случаяхъ со всею возможною умѣренностію, снисхожденіемъ и справедливостію, и стараться чрезъ то пріобрѣсть ихъ надѣяніе, дабы наконецъ они не только по нуждѣ и необходимости были въ обязанности признавать нашу власть надъ собою, но, собственнымъ подвигомъ и охотою къ тому влекомы, и сущую для себя пользу находить могли въ такомъ своемъ состояніи.

Всякое и малѣйшее сего нашего повелѣнія упущеніе, кольми же паче нарушеніе умышленное, не найдетъ никакого извиненія, но будетъ строго взыскано, какъ сугубо вредное по существу своему и послѣдствіямъ неудовольствія и разврата въ народахъ, кои и въ мирное время производить въ состояніи разныя на границахъ затруднительства.

Между тѣмъ къ сожалѣнію усмотрѣно здѣсь изъ послѣдняго рапорта Кизлярскаго коменданта полковника Штендера отъ 5-го Августа о приключившейся смерти задержанному Хайдатскимъ владѣльцемъ Уцміемъ здѣшней Академіи Наукъ профессору Гмелину, и что тѣмъ горскимъ народамъ, особливо же заграничнымъ, и при настоящемъ общихъ нашихъ дѣлъ положеніи съ Портою и Крымомъ, поданъ соблазнъ о продолжающейся для нихъ и при томъ удобности къ собственной управѣ безопаснымъ образомъ.

Но дабы сей злодѣйствующій владѣлецъ въ раскаяніе приведенъ и покрайней мѣрѣ для будущаго времени успокоиться могъ, имѣете вы отписать съ жалобою къ сосѣднимъ ему горскимъ изъ сильнѣйшихъ

владѣльцовъ, какъ къ шамкалу Тарковскому и Аварскому владѣльцу и къ другимъ, коихъ по собственному вашему усмотрѣнію признаете къ сему намѣренію способными, а равнымъ образомъ и къ ближнимъ Персидскимъ начальникамъ, то есть къ Дербентскому и Кубинскому ханамъ, и изъяснить всѣмъ имъ непристойность и дерзость Уцміева поведенія, разсказывая для того, что онъ помянутаго профессора задержалъ съ нарушеніемъ не только должнаго уваженія къ нашему высочайшему двору, но между самими горскими народами святѣйшимъ почитаемаго права гощенія и страннопріимства, взявъ его въ неволю не на дорогѣ, но въ собственномъ своемъ жилищѣ, и куда профессоръ пріѣхалъ безъ всякой опасности, а въ надѣяніи найти еще и всякое пособіе. Насильство же такое толь еще чувствительнѣе и толь досаднѣе, что со здѣшней напротивъ того стороны ему Хайдатскому владѣльцу никогда и причины подано не было къ какому либо неудовольствію. Почему, поползнувшись онъ сперва, какъ видно, изъ легкомыслія, на дѣло одному разбойнику приличное, силился и прикрыть оное потомъ предлогомъ, изъ котораго еще и паче оказалось его сумазбродство и безразсудность крайняя; ибо затѣялъ при семъ случаѣ требовать, чтобъ Кумыцкіе владѣльцы принуждены были къ возвращенію ему Жидовъ и такъ называемыхъ Теременскихъ Татаръ, перешедшихъ изъ его вѣдомства еще въ давныхъ годахъ въ Кумыцкія жилища, и къ чему однакоже сіи переселенцы по обыкновенію горскихъ народовъ и всю волю имѣть могли; да и онъ Уцмій предъ симъ никогда ихъ обратно отъ владѣльцовъ Кумыцкихъ не требовалъ, будучи ему сверхъ того совершенно извѣстно, что сіи владѣльцы хотя и почитаются въ нашемъ подданствѣ, однакоже во внутреннихъ своихъ распоряженіяхъ всю свободность имѣютъ, и что слѣдовательно и предоставлялось ему непосредственно съ ними разобраться. Но онъ, не смотря на то, къ грубости присовокупилъ напослѣди и нахальство, отозвавшись къ Кизлярскому коменданту, чтобъ ему заплачено было тритцать тысячъ рублевъ, когда нѣтъ намѣренія принуждать Кумыкъ къ удовлетворенію требованія его прихотливаго, пребывши же такимъ образомъ упорнымъ и доведя до преждевременной смерти человѣка, который для общей пользы странствовалъ, трудившись въ обрѣтеніи и собраніи травъ лекарственныхъ, донынѣ еще неизвѣстныхъ, и потому достойнымъ былъ и призрѣнія всякаго, хотябъ и безъ нашего покровительства такое производилъ предпріятіе.

Описавъ вы симъ порядкомъ основанія и силу вашей жалобы на Уцмія, будете отъ вышеупомянутыхъ владѣльцовъ и хановъ съ пристойностію требовать, чтобъ они, находясь въ сосѣдствѣ съ нашими границами и всѣ причитаясь къ Персіи (державѣ намъ дружественной)

употребили добрыя средства къ вразумленію сего упрямца и грубіана и къ исторженію изъ похитительскихъ его рукъ оставшихся послѣ профессора всѣхъ вещей безъ изьятія, равно какъ и тѣхъ, кои принадлежали бывшимъ при немъ людямъ, но по смерти его отъ Уцмія отпущеннымъ съ удержаніемъ всего, что̀ они при себѣ ни имѣли, и чтобъ оные владѣльцы и ханы внушили ему Уцмію изъ доброжелательства и о возможности также со здѣшней стороны возмездія и вооруженною рукою при истощаемомъ терпѣніи.

А какъ и подлинно заслуживаетъ онъ по справедливости наказанія за свою продерзость, то, естьли, при настоящемъ нынѣ для васъ досугѣ отъ Кабардинцовъ и Кубанцовъ, найдетесь вы въ состояніи сдѣлать надъ нимъ воинской поискъ и въ чемъ чаятельно многіе и изъ горскихъ владѣльцовъ и начальниковъ (пользуясь подающеюся имъ удобностію къ отмщенію за свои собственныя дѣла и неудовольствія, въ какихъ они всегда одни противъ другихъ, какъ извѣстно, находятся) обще съ вами противъ его дѣйствовать не оставятъ: скорѣе всего тѣмъ и востановлено быть моглобъ во всѣхъ горскихъ жителяхъ почтительное къ нашей сторонѣ мнѣніе. А ежелибъ однакоже по неблизкому жилища Уцміева отъ нашихъ границъ разстоянію и по другимъ уваженіямъ, кои здѣсь предвидимы быть не могутъ, настояли въ томъ и непреодолимыя препятства, мы оставляемъ ближайшему вашему разсмотрѣнію, и одни оказательства и въ наружности чинимыя приготовленія иногда не устрашатъ ли сего продерзкаго владѣльца и нетолько его сосѣдей, но и самыхъ подчиненныхъ не заставлятъ ли интересоваться въ предупрежденіе угрожаемаго бѣдствія, чтобъ онъ просилъ у васъ прощенія съ обѣщаніемъ впредъ воздержаться отъ всякихъ противныхъ покушеній? Почему употребите вы и сей послѣдній способъ съ приданіемъ ему однакоже вѣроятности въ самой высшей степени, дабы прежде времени отнюдь никто проникнуть не могъ прямаго вашего намѣренія. Доколѣ же не будетъ удостовѣренось, въ какомъ расположеніи мыслей останется Уцмій, конечно отъ всякихъ мимо его жилища отправленій въ дѣлахъ нашихъ нарочныхъ надобно будетъ удержаться, равно какъ и для купечества сухимъ путемъ изъ Кизляра въ Персію никого не отпускать, кромѣ тѣхъ изъ иновѣрцовъ тамошнихъ, которые на свой страхъ предпринимать станутъ такія поѣздки. Почему, ежелибъ когда и неоходимость потребовала нарочнаго отправить въ Персидскія мѣста, несмотря ни накакія уваженія, лутче однакожъ къ тому употреблять изъ магометанъ въ службѣ находящихся, а не христіянъ, чтобъ сіи послѣдніе подвержены не были хищничеству варварскому, имѣя напротивъ того первые больше тамъ знакомства и больше за се-

бя и предстательства по единовѣрію, какъ то извѣстно изъ прежнихъ многихъ примѣровъ.

Нехудо также былобъ, ежелибъ и Кумыцкіе владѣльцы безъ огорченія подвигнуты быть могли раздѣлаться съ Уцміемъ судебнымъ ли по ихъ обыкновенію порядкомъ или же и взаимнымъ между собою соглашеніемъ въ разсужденіи его требованія, дабы изьятъ былъ изъ среды поданной отъ нихъ Уцмію поводъ злодѣйствовать, а толь еще и паче въ томъ же на будущее время утвердиться, когда напротивъ того всѣ вышеозначенныя мѣры останутся не дѣйствительными къ его усмиренію.

Имѣвъ участіе въ минувшей войнѣ, и Грузинскіе владѣтели Ираклій Карталинскій и Соломонъ Имеретійскій, извѣщаются прилагаемыми здѣсь же граматами нашими о воспослѣдовавшемъ мирѣ и положенныхъ въ разсужденіи ихъ владѣній условіяхъ, которыя вы и отправите съ нарочнымъ способнымъ человѣкомъ, приказавъ ему вручить оныя для доставленія помянутымъ владѣльцамъ находящемуся въ Грузіи нашему повѣренному въ дѣлахъ капитану гвардіи Львову; а ежелибъ онъ въ сіе время уже выѣхалъ оттуда, къ такомъ случаѣ и самому отправляемому отъ васъ сему нарочному тѣ граматы онымъ владѣтелямъ подать, примѣчая при всемъ томъ, сколько будетъ можно по краткости времени, въ какомъ состояніи, мысляхъ и упражненіяхъ Грузинцы вообще и оба ихъ владѣтели и другіе начальники находиться будутъ.

Въ протчемъ по представленію вашему въ реляціи отъ 11 Іюня о недостаткѣ у васъ денегъ на чрезвычайныя по вашему мѣсту расходы, мы нынѣ же дали повелѣніе отпустить къ вамъ на то и въ замѣнъ издержекъ учиненныхъ вами изъ взятыхъ заимообразно изъ комисаріятскаго вѣдомства пять тысячъ рублевъ изъ Астрахани, изъ тамошнихъ доходовъ; а для васъ притомъ примѣчаемъ, что хотя для приласканія и нужныхъ развѣдываній въ народахъ горскихъ и всегда неможно будетъ обойтись безъ издержекъ, но нынѣ по заключенному миру вся уже настаетъ и удобность размѣривать каждое денегъ употребленіе съ его видомъ и пользою, дабы инако не подводить варваровъ и маловажныя свои услуги цѣнить очень дорого. И пребываемъ къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Санктпетербургѣ 5-го Сентября 1774 года.

Подлинной подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

III.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Свѣтлѣйшему Карталинскому и Кахетскому царю Ираклію.

По благополучномъ окончаніи продолжавшейся съ немалаго времени между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою войны, и со всѣмъ тѣмъ, что ваша свѣтлость могли уже быть увѣдомлены о семъ важномъ происшествіи, мы однакоже, въ знакъ и въ засвидѣтельствованіе особливаго нашего къ вашей свѣтлости уваженія, всемилостивѣйше соизволяемъ чрезъ сію нашу Императорскую грамату и непосредственное подавать вамъ извѣстіе не только о дѣйствительно состоявшемся и заключенномъ мирѣ, но что при постановленіи артикуловъ онаго не оставлено, вслѣдствіе данныхъ съ стороны нашей обнадеживаній, о пользѣ вашего владѣнія и всей Грузіи вообще употребить всего надлежащаго старанія.

Мы повелѣли приложить здѣсь копію съ того пункта, которымъ Порта Оттоманская наиточнѣйше обязалась оставить Грузинской народъ въ покоѣ и безъ всякаго возмездія за приниманное онымъ въ минувшей войнѣ участіе, отказавшись и съ тѣхъ, кои издавна ея подданными считаются, не только требовать дани отроками и отроковицами, какъ предъ симъ введено было въ обыкновеніе, но равнымъ образомъ ни другихъ податей, какого-бы ни были оныя рода.

Послѣ толикаго оказаннаго отъ насъ всему Грузинскому народу благодѣянія, и въ обстоятельствахъ толь нужныхъ для ихъ будущей безопасности и благоденствія, съ основаніемъ ожидать можно, что ваша свѣтлость и протчіе владѣтели Грузинскіе всегда останетесь благодарными къ нашему Императорскому престолу и жребіемъ своимъ обрадованными и довольными.

Между тѣмъ отдаемъ мы вашей свѣтлости совершенную справедливость за подъятые вами подвиги во время военнаго безпокойства во исполненіе нашей воли и въ пользу собственнаго вашего отечества.

Всевышній да благословитъ васъ впредъ тишиною совершенною и всѣмъ что можетъ служить къ благосостоянію области вашей, а мы всегда пребудемъ къ вашей свѣтлости нашею Императорскою милостію благосклонны. Екатерина. Дана въ столичномъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, Сентября 5 дня отъ Рождества Христова 1774 года, а государствованія нашего третьягонадесять лѣта.

Контрасигнировалъ кн. Александръ Голицынъ.

IV.

Свѣтлѣйшій царь, мой почтенный пріятель.

Ея Императорскому Величеству, Самодержицѣ Всероссійской, моей Всемилостивѣйшей Государынѣ, угодно было по благополучномъ совершеніи вѣчнаго мира съ Портою Оттоманскою, чтобъ о семъ важномъ происшествіи, коимъ и безопасность Грузинскаго народа наилутчимъ образомъ утверждается на будущее время, вы, свѣтлѣйшій царь, извѣстились собственною Ея Императорскаго Величества монаршею граматою, которую я симъ препроводить честь имѣю.

Ваша свѣтлость изволите сами усмотрѣть изъ оной о подробностяхъ данныхъ съ стороны Порты Оттоманской въ пользу Грузіи обязательствъ; и слѣдовательно, по извѣстному вашему проницанію, заключить уже свойственно будетъ вамъ, коликое по соизволенію Великой Монархини и тщаніе прилагалось, съ стороны Высочайшаго Ея Императорскаго Величества двора, обезпечить жребій Грузіи по всѣмъ уваженіямъ и обстоятельствамъ.

Сіе есть слѣдствіе усердія вашего и преданности къ Ея Императорскому Величеству и къ Россійскому престолу.

Я, искренно поздравляя вашу свѣтлость съ наставшимъ спокойствомъ, полезными своими дѣйствіями и до Грузіи простершимся въ возможной степени по настоящему сей области состоянію и поставляющемъ васъ въ тожъ время и внѣ всякой опасности, въ разсужденіи принятаго въ войнѣ участія, оканчиваю удостовѣреніемъ о имѣющемъ и впредъ всегда быть моемъ къ вамъ доброжелательствѣ и готовности къ оказанію вамъ угодныхъ услугъ.

Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ

гр. Н. Панинъ.

Въ Сенктпетербургѣ, 5 Септября 1774 года.

V.

Божіею милостію мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и протчая, и протчая, и протчая.

Свѣтлѣйшему Имеретійскому царю Саломону.

Хотя ваша свѣтлость и могли уже увѣдомлены быть о благополучномъ окончаніи продолжавшейся между нашею Имперіею и Портою Оттоманскою войны, но мы однакоже, въ показаніе къ вамъ особливаго нашего благонамѣренія, за благо признали, сею нашею Императорскою граматою, и непосредственное подать вамъ возвѣ-

щеніе о толь важномъ происшествіи и коимъ образомъ теперь ваша свѣтлость съ областію вашею, по употребленному съ нашей стороны при заключеніи мира старанію, находитесь приведенными въ наилутчее положеніе, какого только въ разсужденія вашихъ обстоятельствъ желать было можно.

Прилагаемая копія съ артикула изъ мирнаго трактата, до Грузинскаго народа касающагося, содержитъ торжественное Порты обязательство оставить всѣхъ въ покоѣ и безъ всякаго возмездія за прошедшее поведеніе, не требовать дани отроками и отроковицами и всякаго рода другихъ податей, не притѣснять вѣру, монастыри и церкви и не препятствовать поправленію старыхъ и созданію новыхъ, а наконецъ и удовольствоваться тѣми только крѣпостями, кои издревле или съ давнаго времени были подъ ея владѣніемъ, протчіе же всѣ замки и укрѣпленныя мѣста оставить паки подъ собственною Грузинскою стражею и правленіемъ.

Ваша свѣтлость воспротивились требованію Порты въ разсужденіи вышепомянутой дани христіянству и Имеретіи предосудительной, по достохвальной ревности къ православному христіанскому закону и къ пользѣ вашего отечества, еще прежде нежели началась война съ нашею Имперіею; но видя теперь, что Порта формально уже отъ оной отказалась, съ дозволеніемъ сверхъ того многихъ еще вообще Грузинскому народу выгодъ, какія особливо для области вашей наипристойнѣйшія, а съ предоставленіемъ себѣ единственно того почти только и права, чтобъ почитать и нынѣ изъ сего народа своими подданными тѣхъ, которые издревле ей принадлежали, слѣдовательно пріобрѣтая вы совершенно больше нежели въ началѣ и во все продолженіе вашего подвига, учиненнаго для оного предмета, ожидать и надѣяться могли, и воспріимете безъ сумнѣнія со всею должною благодарностію и во всей достойной цѣнѣ толикое наше объ васъ попеченіе, и впредь поступать будете, относительно и къ Турецкой сторонѣ, такимъ образомъ, чтобъ Порта никогда уже не возъимѣла справедливой причины быть вами недовольною, но чтобъ доставленная вамъ и области вашей, заключеннымъ миромъ, безопасность и спокойство всегда въ нерушимости остались, къ истинному ея благоденствію и къ собственной вашей похвалѣ.

Сего мы ожидаемъ отъ вашей свѣтлости, съ надѣяніемъ по извѣстному вашему благоразумію достаточному представить вамъ разность одного времени отъ другаго, и пристойныя въ обоихъ для владѣтеля упражненія и обязательства, и въ протчемъ, поручая васъ и съ областію вашею въ сохраненіе Божіе, пребудемъ всегда къ вамъ нашею Императорскою милостію благосклонны. Екатерина. Дана въ столич-

номъ нашемъ городѣ Санктъ-Петербургѣ, Сентября 5-го дня отъ Рождества Христова 1774-го года, а государствованія нашего третьяго на десять лѣта. Контрасигнировалъ кн. Александръ Голицынъ.

VI.

Свѣтлѣйшій царь, мой почтенный пріятель.

Ея Императорское Величество, Самодержица Всероссійская, моя Всемилостивѣйшая Государыня соизволяетъ увѣдомлять васъ, свѣтлѣйшій царь, собственною своею Высочайшею симъ мною препровождаемою граматою, о благополучно заключенномъ съ Портою Оттоманскою мирѣ и о доставленныхъ при томъ для области вашей свѣтлости наилутчихъ по ея состоянію выгодностяхъ, съ совершенною для всего будущаго времени безопасностію.

Я, не входя здѣсь въ подробное оныхъ описаніе, чтобъ не повторять содержанія Императорской граматы, довольствуюсь примѣтить вашей свѣтлости, что все подъятыми понынѣ подвигами вашими ищемое, все по обстоятельствамъ вашимъ и области вашей возможное, и все наконецъ существенную пользу вамъ, области вашей и всей Грузіи приносящее, приобрѣтается нынѣ дѣйствительно и въ совершенствѣ изъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества къ Грузинскому народу милости.

Я поздравляю вашу свѣтлость отъ всего моего сердца толикимъ неоцѣненнымъ счастіемъ. Осталось только желать, чтобъ ваша свѣтлость какъ во время защищенія вашего отечества отъ утѣсненія оказали себя мужествомъ и твердостію владѣтелемъ достойнымъ, такъ чтобъ и при наставшемъ теперь спокойномъ времени не меньше вы себя прославили пристойнымъ управленіемъ и предупрежденіемъ всего, что̀ моглобъ Портѣ Оттоманской подать причину быть вами недовольною, не имѣя ваша свѣтлость при настоящемъ положеніи дѣлъ и коль долго она свои обѣщанія исполнять будетъ, ничего по всей вѣроятности такого, что̀ бъ по справедливости предпочтено быть могло той опасности, какая при случаѣ новой вашей съ сею сильною державою остуды постигнуть васъ можетъ.

Въ протчемъ я и впредь всегда пребуду вашей свѣтлости ко услугамъ готовый Ея Императорскаго Величества первенствующій министръ гр. Н. Панинъ.

Въ Санктъ-Петербургѣ, 5 Сентября 1774 года.

VII.

Копія съ двадцать третьяго артикула изъ мирнаго трактата между Имперіями Всероссійскою и Портою Оттоманскою заключеннаго при деревнѣ Кучукъ-Канаирджи, въ четырехъ часахъ отъ города Силистріи, Іюля 10-го дня 1774 года.

Артикулъ двадцать третій.

Въ части Грузіи и Мингреліи находящіяся крѣпости: Багдадчикъ, Кутаисъ и Шегербанъ, Россійскимъ оружіемъ завоеванныя, будутъ Россіею признаны принадлежащими тѣмъ, кому они издревле принадлежали, такъ что ежели подлинно оные города издревле, или съ давнаго времени были подъ владѣніемъ блистательной Порты, то будутъ признаны ей принадлежащими; а по размѣнѣ настоящаго трактата во условленное время Россійскія войска выйдутъ изъ помянутыхъ провинцій Грузіи и Мингреліи. Блистательная же Порта съ своей стороны обязывается, въ сходственность съ содержаніемъ перваго артикула, дозволить совершенную амнистію всѣмъ тѣмъ, которые въ томъ краю въ теченіе настоящей войны какимъ ни есть образомъ ее оскорбили. Торжественно и навсегда отказывается она требовать дани отроками и отроковицами, и всякаго рода другихъ податей, обязывается не почитать между ими никого за своихъ подданныхъ кромѣ тѣхъ, которыя издревле ей принадлежали; всѣ замки и укрѣпленныя мѣста бывшія у Грузинцовъ и Мингрельцовъ во владѣніи оставить паки подъ собственною ихъ стражею и правленіемъ, такъ какъ и не притѣснять никоимъ образомъ вѣру, монастыри и церкви и не препятствовать поправленію старыхъ, созиданію новыхъ; и да не будутъ притѣсняемы какими-либо требованіями отъ губернатора Силдирскаго, и отъ протчихъ начальниковъ и офицеровъ къ лишенію ихъ имѣніи. Но какъ помянутые народы находятся подданными блистательной Порты, то Россійская Имперія не имѣетъ совсѣмъ впредъ въ оныя вмѣшиваться, ниже притѣснять ихъ.

(Сообщено въ спискѣ съ подлинниковъ В. С. Абакумовымъ).

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1826 годъ *).

Персидская война.

По переходѣ Безобдала, не было уже болѣе надобности оставаться всему отряду въ Гергерахъ; должно было, напротивъ того, перейти съ главными силами въ Джелалъ-Оглу, дабы усилить работы укрѣпленія и оставить въ Гергерахъ только самое необходимое число войскъ для защиты находившагося тамъ полковаго, Тифлискаго полка, хозяйства, и для наблюденія какъ равнины Гергерской, такъ и дороги черезъ Безобдалъ. Я внушалъ сіе князю Севарземидзеву, но онъ съ трудомъ рѣшался оставить Гергеры въ надеждѣ снять съ полей хлѣбъ. Видя, что князь медлилъ перейти въ Джелалъ-Оглу, я рѣшился идти со своими тремя ротами и предварилъ его о семъ. Взявъ съ собою 2 орудія 2-й и 3 орудія 3-ей легкихъ ротъ и 40 казаковъ, я отправился въ Джелалъ-Оглу, въ надеждѣ (въ чемъ и не ошибся), что князь скоро самъ за мною послѣдуетъ. Я выступилъ 12-го числа и черезъ нѣсколько часовъ прибылъ въ Джелалъ-Оглу, гдѣ, присоединивъ къ себѣ свою 9-ю егерскую роту, назначилъ маіорамъ Кашутину и Хомутскому каждому по двѣ роты въ команду, и занялъ лагерь.

Непріятельскіе пикеты заняли вершины Безобдала.

Въ ночи съ 12-го на 13-е Августа около Джелалъ-Оглу, на лѣвомъ берегу рѣки Каменки, противъ самаго лагеря моего, сдѣлался необыкновенный шумъ. Вскорѣ послѣдовалъ ружейный выстрѣлъ, тамъ другой, наконецъ до 15-ти выстрѣловъ вдругъ, такъ что нельзя было усумниться въ томъ, что непріятель сдѣлалъ внезапное нападеніе на расположенныя и собравшіяся тутъ въ кучу обывательскія кочевья. Немедленно ударили тревогу въ лагерѣ. Въ мигъ двѣ роты моего полка вооружились, и я повелъ ихъ бѣгомъ на лѣвый берегъ, приказавъ мимоходомъ и 2-й гренадерской ротѣ Тифлискаго полка за мною слѣдовать. Трудные спускъ и подъемъ при скалистыхъ берегахъ глубокаго оврага, въ коемъ течетъ рѣка Каменка, были причиною,

*) См. выше, стр. 177-я.

что мы не могли такъ скоро перейти на ту сторону; но какъ бы то ни было, мы хотя шли въ темнотѣ, перелетѣли, такъ сказать, сіи затрудненія. Подымаясь еще отъ моста, я былъ встрѣченъ однимъ коннымъ Армяниномъ, который, для большей осторожности, подъѣзжалъ къ намъ со свистомъ, дабы по немъ не выстрѣлили, и объявилъ мнѣ, что тревога сія пустая и что все спокойно. Проѣхавъ еще нѣсколько шаговъ, я встрѣтилъ Гумрійскаго Армянина Мартироса, ѣхавшаго съ 20 или 30 конными Армянами и также взявшаго предосторожность свистать, когда сталъ сближаться къ намъ. Человѣкъ сей имѣлъ порученіе отъ князя держать разъѣзды по ночамъ на лѣвомъ берегу рѣки; онъ также сказалъ мнѣ, что все спокойно, и тревожиться не для чего. По робости, съ коей онъ объявилъ мнѣ сіе, я могъ замѣтить, что онъ былъ виновникъ сей пустой тревоги; я, желая пояснить дѣло, рѣшился изслѣдовать оное, не взирая на увѣренія его *).

Вышедши на равнину, я пошелъ вправо къ кочевью, около котораго слышны и видны были выстрѣлы, оставивъ одну роту на томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ яра выходила на степь. Мартиросъ все увѣрялъ меня, что никого нѣтъ; говорилъ даже, что не было и выстрѣловъ никакихъ, какъ будто всему лагерю показалось видѣніе; но сіе тѣмъ болѣе возродило во мнѣ любопытство узнать настоящее, и я велѣлъ осмотрѣть ружья провожавшихъ меня Армянъ. Они всѣ были чисты, и ни изъ одного не было выстрѣлено. Наконецъ, пришедъ къ кочевью, я нашелъ только однихъ женъ и дѣтей, которыя бранили мужей своихъ, что они бѣжали отъ нихъ при первомъ подозрѣніи о предстоящей опасности и укрылись въ скалахъ крутаго берега Каменки, оставя ихъ безъ защиты на жертву показавшихся имъ Персіянъ. Достойный поступокъ Армянъ! Отъ сихъ женщинъ узналъ я, что тревога произошла отъ того, что нѣсколько всадниковъ, коихъ ночью нельзя было различить, наѣхали на самое кочевье и перепугали жителей онаго, и что мужья ихъ, выстрѣливши ружья свои по симъ всадникамъ, сами скрылись. Болѣе ничего не могли мнѣ сказать сіи женщины; но голосъ вышедшій изъ конной толпы, меня окружавшей, сталъ объяснять сіе дѣло. Я немедленно обратился къ Армянину, проговорившемуся противъ желанія Мартироса, и вывѣдалъ изъ него, что по дорогѣ къ Тифлису ѣхало два человѣка, которые, казалось ему, были казаки, что Армяне (коихъ было до 40 человѣкъ) почли ихъ за Персіянъ и бѣжали тѣмъ болѣе, что и казаки отъ нихъ поскакали и даже, кажется, выстрѣлили по нимъ. Уклоняясь такимъ

*) Писано въ Тифлисѣ въ Мартѣ 1828 г., слѣдовательно чрезъ полтора года послѣ событій. П. Б.

образомъ отъ мнимаго непріятеля, Армяне наткнулись на кочевье земляковъ своихъ, которые сочли ихъ за Персіянъ, выстрѣлили по нимъ и бѣжали, такъ какъ и самые караульные ускакали, и, одумавшись, поѣхали ко мнѣ на встрѣчу, тѣмъ болѣе, что они услышали барабаны, подавшіе тревогу по всему лагерю. Болѣе сего я ничего узнать не могъ. Казаки точно были посланы съ летучею картою на постъ, что̀ по дорогѣ къ Тифлису, и сіе объясненіе было, кажется, основательно. Я возвратился, разругалъ прежде обробѣвшаго начальника караульныхъ, извѣстнаго Мартироса, не скажу робкаго (потому что человѣкъ сей во многихъ случаяхъ показался истинно смѣлымъ и отважнымъ; онъ нынѣ произведенъ въ офицеры и продолжаетъ служить со всѣмъ усердіемъ).

Женатая рота Тифлискаго полка прибыла въ Джелалъ-Оглу 27-го числа въ самомъ несчастномъ видѣ: безконечный рядъ повозокъ съ женщинами и дѣтьми, на коихъ находились и солдаты, тянулся долгое время мимо лагеря нашего, не имѣя нисколько вида военнаго шествія; та́буны скота тутъ же гнались, и все сіе переправилось черезъ Каменную рѣку, куда князь Севарземидзевъ ѣздилъ утѣшать ихъ и отправилъ ихъ 28-го числа подъ прикрытіемъ двухъ ротъ своего полка съ двумя орудіями. Женатая рота была тогда поручена въ командованіе кап. Брестовскаго, человѣка совершенно ни къ чему неспособнаго и показавшагося весьма съ невыгодной стороны въ послѣднихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Рота сія дошла благополучно въ Манглисъ, гдѣ она стѣснила нѣсколько моихъ людей, но наконецъ размѣстилась и продолжала существовать въ совершенной бѣдности и въ нуждѣ до начала слѣдующаго года, въ какое время ее отправили, по настоятельнымъ просьбамъ князя Севарземидзева, безъ всякой нужды и надобности, опять въ Гергеры, гдѣ она,кажется, до сихъ поръ ничего не пріобрѣла со стороны устройства и порядка потребнаго въ войскахъ.

Я долженъ былъ извѣстить корпуснаго командира, какимъ образомъ мы оставили Караклисъ и перешли Безобдалъ. Я не могъ и не хотѣлъ обнаружить всѣхъ безпорядковъ, сопровождавшихъ сіе отступленіе, дабы не зачернить князя въ глазахъ начальства, и скрылъ поведеніе его; но злоупотребленія его и корыстолюбіе не укрылись отъ Алексѣя Петровича. Подполковникъ Флиге, уѣхавшій тогда въ Тифлисъ, разгласилъ объ ономъ въ Тифлисѣ.

Я извѣщалъ корпуснаго командира объ отрядѣ непріятельскомъ изъ 400 всадниковъ, отправившемся черезъ Джилку въ Борчалу. Вѣроятно это были тѣже люди, которыхъ мы видѣли съ вершины Безобдала и которые, наконецъ, выслали въ бой съ войсковымъ старшиною Басовымъ подъ Джелалъ-Оглу своихъ передовыхъ. Слѣдъ ихъ

былъ открытъ казаками по засѣяннымъ полямъ около Джилки, гдѣ они помяли хлѣба. Я немедленно писалъ о семъ князю, между тѣмъ приказалъ Мартиросу имѣть наблюденіе за сею партіею, дабы узнать направленіе и цѣль оной, съ тѣмъ, чтобы, выступивъ съ пѣхотою, отрѣзать оной обратный путь; ибо я не имѣлъ конницы и слѣдственно средствъ къ преслѣдованію оной. Прибытіе Севарземидзева въ Джелалъ-Оглу прекратило исполненіе сего. Безпечность его и нерадѣніе ко всему тому, что́ до его личныхъ видовъ не касалось, меня совсѣмъ отвращали отъ него. Онъ ничего не предпринялъ, я молчалъ, и дѣло сіе осталось; но каковы были послѣдствія!

Выше упомянутая партія, никѣмъ не преслѣдуемая, не наблюдаемая, прошла мимо Джилки, оттуда ущельемъ, ведущимъ черезъ цѣпь горъ, выѣхала на большую дорогу, ведущую изъ Турціи черезъ Доманглисъ къ Борчалу около Башкечета. Партія сія истребила селенія лежащія по сей дорогѣ до Квешъ и напала на Екатериненфельдскую Нѣмецкую колонію, лежащую въ 8-ми верстахъ отъ Квеша, не далеко отъ Татарскаго селенія Камерлы. Къ партіи сей присоединились шайки разбойниковъ, выѣхавшихъ изъ Ахалцыха и изъ Борчалинской дистанціи. Нападеніе на колоніи было сдѣлано на разсвѣтѣ и внезапно; большую часть Нѣмцевъ побили или увели въ плѣнъ, нѣсколько находившихся въ семъ селеніи также отчасти побили. По всему явствовало, что наши Татары служили Персіянамъ проводниками; ибо они прошли самыми потаенными дорогами, и намѣреніе ихъ было совершенно скрыто. Между тѣмъ часть взбунтовавшихся Борчалинцевъ бросились къ Шулаверамъ и попали на своего пристава князя Орбеліана, ушедшаго съ Шулаверскими мельниками и нѣсколькими Армянами въ скрытое мѣсто. Одинъ изъ сихъ мельниковъ былъ при семъ какимъ-то случаемъ убитъ, но пристава схватить не могли. Хищники боялись долгое время тутъ оставаться и уѣхали. Непріятельская партія симъ не удовольствовалась: она возвратилась частью черезъ Турецкія владѣнія и на обратномъ пути своемъ напала на штабъ-квартиру казачьяго Леонова полка, Шиндляры, которая была защищена самымъ малымъ числомъ казаковъ; кажется, ихъ было только около 20-ти или 30-ти человѣкъ; часть изъ нихъ погибла, другая же укрылась въ лѣса, а строенія были всѣ сожжены. Находившаяся тамъ жена полковника Леонова заблаговременно была предупреждена о предстоявшей опасности и ушла съ дѣтьми пѣшкомъ изъ Шиндляръ въ Бѣлый-Ключъ, штабъ-квартиру 41-го егерскаго полка.

Нѣмцевъ не досчитывалось тогда до 300 душъ; но кажется, что послѣ того часть ихъ собралась въ другой колоніи. По первымъ слу-

хамъ о намѣреніи непріятеля разграбить ихъ, они стали собираться въ колонію, поселенную близь Алгетки; но по приказанію губернатора генералъ-маіора Ховена должны были опять возвратиться на прежнее свое жилище, гдѣ и были истреблены на другой день своего прибытія.

Кажется, однакоже, что, послѣ разграбленія Екатериненфельдской колоніи, непріятель возвращался съ добычею своею по разнымъ дорогамъ; ибо отъ выбѣжавшихъ къ намъ въ Джелалъ-Оглу двухъ Нѣмцевъ мы узнали, что ихъ вели на Гумры. Курды, которые вели ихъ, ограбивши ихъ почти до-нага, обходились съ ними очень жестоко, раздѣлили ихъ между собою, перепродавали, разлучая мужа съ женою, отца съ дѣтьми; многіе изъ нихъ попались въ Турцію, гдѣ они и до сихъ поръ находятся въ неволѣ. Генералъ Сипягинъ предлагалъ въ прошломъ 1827 году корпусному командиру г. Паскевичу размѣнивать на нихъ въ Турціи плѣнныхъ Персидскихъ сарбазовъ. Мысль сія была весьма хорошая, и дѣло справедливое; но Паскевичъ не принялъ его предложенія. Одинъ изъ сихъ двухъ выбѣжавшихъ изъ плѣна Нѣмцевъ принесъ съ собою на рукахъ 2-хъ или 3-хъ лѣтнюю дочь свою, которую онъ умѣлъ сберечь во все время своего несчастливаго плѣна и бѣгства; его тогда-же одѣли и дали ему всевозможныя пособія.

Извѣстіе объ истребленіи Екатериненфельдской колоніи пришло къ намъ 20-го числа. Когда оно дошло до Тифлиса, то были высланы оттуда двѣ роты моего полка для преслѣдованія непріятеля, съ подполковникомъ Жихаревымъ; но могъ ли онъ имѣть надежду когда-либо настичь его? Однако какими-то судьбами одинъ мулла изъ находившихся при семъ разграбленіи непріятелей, участвовавшій болѣе другихъ въ жестокостяхъ и, какъ говорятъ, вырѣзавшій молодымъ колонисткамъ груди, былъ захваченъ и приведенъ въ Тифлисъ.

Алексѣй Петровичъ посрамилъ себя тогда поступкомъ самымъ предосудительнымъ. Онъ часто вѣшивалъ и казнилъ горцевъ безъ суда; но казни сіи, произведенныя въ лагерѣ, внѣ столицы, въ присутствіи однихъ войскъ, хотя и обсуждались, но вслѣдъ за симъ забывались его соотчичами и служили только къ ожесточенію тѣхъ самыхъ горцевъ, въ коихъ онъ хотѣлъ вселить симъ страхъ. Пойманнаго муллу онъ велѣлъ повѣсить, въ виду всего города, за ноги. Въ такомъ положеніи онъ былъ оставленъ для позорища народу. Голова его налилась кровью, глаза, губы наполнились оною. Онъ всячески просилъ помилованія и, полагая, что его мучаютъ за разновѣріе, клялся ѣсть свинину и пить вино, если его освободятъ. Видя тщетность всѣхъ его просьбъ, онъ рѣшился искать самъ своего спасенія и въ минуту, когда народъ, насытившись уже самъ зрѣлищемъ, сталъ от-

ходить, онъ раскачался и, ухватившись руками за перекладину, на которой его повѣсили, взлѣзъ на оную самъ и началъ отвязывать свои ноги. Но онъ уже былъ лишенъ зрѣнія отъ того тяжкаго положенія, въ коемъ онъ такъ долго находился. Частный офицеръ, при семъ находившійся, велѣлъ его немедленно стащить и, повѣсивъ въ прежнемъ положеніи, привязать руки къ двумъ кольямъ, которые воткнули въ землю подъ висѣлицею. Въ семъ положеніи страдалецъ оставался до вечера. Смерть не прекращала его мученій съ самаго утра. Наконецъ, о семъ доложили Алексѣю Петровичу. Онъ приказалъ повѣсить его обыкновеннымъ образомъ, т. е. за горло, чѣмъ и пресѣклись его страданія. Такую жестокость никто не могъ оправдывать, но она еще болѣе обнаружила ту робость, коею объятъ былъ генералъ Ермоловъ. Злоба, изливающаяся въ мщеніи надъ несчастнымъ плѣнникомъ, могла только произойти отъ увѣренности въ собственной слабости своей. Мулла сей вѣроятно заслуживалъ смерти; но изобрѣтать мученія для казни его несовмѣстно съ правилами образованія Европейцевъ.

Въ прошломъ году новое начальство не упустило сего изъ виду, дабы попраніемъ славы предшественника возвеличить слабыя достоинства свои. Въ день рожденія Государя, по совершеніи молебствія, сія висѣлица рушилась, и на мѣстѣ ея былъ воздвигнутъ крестъ, съ разглашеніемъ въ народѣ, сколько прежній знакъ казни былъ несовмѣстимъ съ милостію Государя. Внушить сіе народу, конечно, и дѣльно, и справедливо; но не должно бы, при семъ случаѣ, затмѣвать доброе имя предшественника, также избраннаго царемъ: ибо сими средствами умаляется довѣренность къ царской особѣ. Опытъ доказалъ, что когда уваженіе къ одному лицу твердо вкоренилось въ мысляхъ народа, то не истребятъ онаго козни и клеветы враговъ его и людей не имѣющихъ отъ природы тѣхъ качествъ и дарованій, которыя нужны для пріобрѣтенія любви, преданности и уваженія подчиненныхъ и народа.

Г. Вельяминову я писалъ слѣдующее:

„Князь Севарземидзевъ съ Тифлисскимъ полкомъ еще на Гергерѣ, я съ карабинерами на Джелалъ-Оглу. Мы слишкомъ сильны, чтобъ Персіяне могли намъ повредить; но, не имѣя конницы, мы также не можемъ препятствовать имъ въ грабежахъ при вторженіяхъ внутрь земли нашей. Соединеніе силъ нашихъ мало принесетъ пользы, если мы не лишимъ ихъ возрастающей отъ прежнихъ успѣховъ и нашего отступленія бодрости и дерзости, которыя могутъ только сократиться при наступательномъ движеніи въ границы ихъ“.

„Для удаленія женатой роты Тифлисскаго полка въ Манглисъ, я взялъ надлежащія мѣры; нижніе чины сами того желаютъ, и я теперь стараюсь

собрать свѣдѣнія о состояніи сей роты и числѣ имѣющагося при оной и собственно нижнимъ чинамъ принадлежащаго скота, располагая помѣстить ихъ на бывшемъ зимовникѣ моего полка на рѣкѣ *За*, дабы они не терпѣли нужды въ продовольствіи скота, и думаю, что въ семъ случаѣ намѣреніе мое согласно будетъ съ волею начальства".

„Укрѣпленіе при Джелалъ-Оглу дѣлается подъ надзоромъ подполковника Литова, распорядившагося здѣсь уже весьма хорошо, до прибытія моего, устроеніемъ лазарета, артилерійскаго парка, вывезеннаго изъ Караклиса и проч."

„Для охраненія воды нѣтъ другаго средства какъ занять оба берега Каменки. Около артилерійскаго лагеря имѣть будемъ 428 саженъ въ окружности; менѣе сего сдѣлать его нельзя, прикрывъ строенія."

„Лорійская крѣпость совершенно неудобна, по высотѣ командующей оною съ восточной стороны. Съ высоты сей непріятель можетъ бить даже изъ хорошей винтовки въ самое укрѣпленіе. При томъ же мы черезъ сіе лишили бы жителей единственнаго убѣжища ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зимняго продовольствія; ибо поля ихъ были бы сожжены непріятелемъ, а князь Севарземидзевъ еще все не теряетъ надежды заставить ихъ заняться уборкою хлѣба. Третья причина, по коей Лорійская крѣпость для насъ неудобна, та, что въ оной нѣтъ никакихъ строеній для помѣщенія магазейна, лазарета, артилерійскихъ снарядовъ и цейхгауза. По таковой же причинѣ я признаю правый берегъ Каменки удобнѣе лѣваго, на коемъ совершенно никакихъ строеній не имѣется, а потому работы продолжаются на правомъ берегу; по прибытіи же сюда Тифлискаго полка начнемъ строить на лѣвомъ берегу небольшой гунверкъ".

„Для полнаго вооруженія сего укрѣпленія потребно 16 орудій съ присылкою сюда гарнизонной артилеріи; полевая будетъ вся свободна для дѣйствованія съ отрядомъ въ движеніяхъ. Господинъ полковникъ Литовъ проситъ также о присылкѣ къ нему 30-ти піонеровъ при офицерѣ для дерновыхъ работъ".

„Прибытія вашего съ нетерпѣніемъ ожидаемъ и не лишаемся надежды слѣдовать подъ начальствомъ вашимъ въ границы непріятеля. Августа 13-го дня 1826 года „Джелалъ-Оглу".

Но я тщетно призывалъ Вельяминова къ себѣ: онъ не пріѣхалъ, хотя и обѣщалъ сдѣлать сіе.

Пріѣздъ Вельяминова былъ бы въ особенности полезенъ для нашего отряда: онъ строгъ и возстановилъ бы порядокъ въ разстроенномъ полку Севарземидзева. Кромѣ того мы надѣялись, что онъ насъ поведетъ впередъ; и въ самомъ дѣлѣ, со свѣжими войсками, которыя у насъ тогда были, нельзя было не жалѣть о нашемъ бездѣйствіи.

Главныя силы непріятеля тогда находились съ сардаремъ Эриванскимъ въ Гамзечименѣ, Гассанъ-ханъ же съ конницею и (какъ го-

ворили) съ четырьмя орудьями и частью сарбазовъ въ Кишлакѣ; передовые караулы его на Безобдалѣ.

Между тѣмъ работа при строеніи крѣпости производилась въ Джелалъ-Оглу подъ надзоромъ инженернаго подполковника Литова, человѣка весьма старательнаго и дѣятельнаго, хотя не военнаго духа; онъ нынѣ получилъ Георгіевскій крестъ и многія другія отличныя награжденія.

Успѣхъ работъ сихъ не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ моимъ. Я полагалъ, что люди Тифлискаго полка, отвыкшіе отъ фронтовой службы, тѣмъ способнѣе будутъ къ сему роду занятій; но я имѣлъ случай удостовѣриться, что опущеніе солдата и военной дисциплины равно дѣйствовало со вредомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Тифлисцы никогда не выходили по наряду; иногда ихъ приходило половина наряженнаго числа на работу, и то весьма поздно. Съ большимъ трудомъ могъ я понудить офицеровъ приходить съ людьми и оставаться на работѣ, и сіе дѣлалось кое-какъ, пока я самъ смотрѣлъ за исполненіемъ сего; но едва я только отвернусь, какъ всякій порядокъ и повиновеніе изчезали. На работѣ люди едва выдѣлывали десятую долю того, что можно было отъ нихъ требовать самымъ умѣреннымъ образомъ. При понужденіяхъ они роптали, и офицеры не смѣли ихъ побуждать. Я говорилъ о семъ нѣсколько разъ князю; но онъ или самъ боялся понудить солдатъ, или не находилъ сіе нужнымъ. Примѣръ сей былъ весьма вреденъ и для моихъ людей, которые также стали было лѣниться, также и егеря; но нѣсколько строгостей привели ихъ въ порядокъ, и они, наконецъ, возъимѣли къ Тифлисцамъ совершенное пренебреженіе, такъ что однажды, обходя работы, я остановился подлѣ фаса егерей и, увѣщевая ихъ къ прилежанію, сказалъ имъ, что лѣнь Тифлисцевъ не должна имъ никакъ въ примѣръ служить. Какъ можно? отвѣчалъ мнѣ одинъ егерь: они вѣдь жители, а мы войска! Острое слово сіе было въ скорости распространено по всѣмъ рабочимъ; но оно не послужило къ ускоренію работъ Тифлисцевъ, а только слово сіе, столь справедливо сказанное, выражало совершенно состояніе войскъ и отношенія ихъ. Какъ простые солдаты умѣли хорошо постичь сіе!

23-го числа прибыла въ лагерь при Джелалъ-Оглу еще рота Тифлискаго полка изъ Гергеръ, 8-я мушкетерская. Такимъ образомъ приводилось по малу въ исполненіе намѣреніе мое собрать сколь возможно было болѣе войскъ въ лагерь при Джелалъ-Оглу.

25-го числа собралось въ Джелалъ-Оглу около 50-ти конныхъ Армянъ, по приказанію князя, о коемъ онъ однако же мнѣ ничего не говорилъ. Когда я его спросилъ о причинѣ сего сбора, то онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ ихъ послать осмотрѣть непріятельскій лагерь.

Я полагалъ, что отправленіе сіе было послѣдствіемъ частыхъ повтореній моихъ на счетъ неизвѣстности, въ коей онъ находился о движеніяхъ непріятеля, что оно было послѣдствіемъ повтореннаго, можетъ быть, замѣчанія ему отъ корпуснаго командира на счетъ безпечности его; но я удивлялся, что людей сихъ посылали, не предваривъ меня. Самый Мартиросъ, предводительствовавшій сими конными людьми, таился отъ меня: князь отдалъ ему приказанія свои въ тайнѣ. Словомъ я имѣлъ право подозрѣвать, что подъ симъ предлогомъ скрывался умыслъ, который хотѣли отъ меня скрыть. Наконецъ, люди сіи отправились подъ предлогомъ разъѣзда къ сторонѣ Безобдала. 27-го они возвратились и донесли, то есть пущено было извѣстіе, что они были въ Караклисѣ, Кишлакѣ и Амамлахъ, но непріятеля нигдѣ не встрѣтили; въ Бегкяшегѣ же будто видѣли огни, почему и заключили, что Персіяне тамъ собрались. Удивительно было, что въ теченіе полутора сутокъ они успѣли объѣздить всѣ сіи мѣста что̀ составляло болѣе 70-ти и почти 80-ти верстъ, и осмотрѣть все ими разсказанное; но положимъ, что они и успѣли на лошадяхъ всякаго рода, дурныхъ и хорошихъ, проѣхать все сіе пространство, весьма не вѣроятно было, чтобъ Армяне сіи, столь извѣстные робостью своею, рѣшились проѣхать за Безобдалъ и побывать въ Амамлахъ, когда они знали, что непріятель въ той сторонѣ находился. На такой отважный поступокъ едва ли бы самые доброконные Курды пустились. Я подозрѣвалъ другое, но не смѣлъ, и теперь еще не смѣю, утвердить догадки своей, хотя происшествія покажутъ, на какихъ правдоподобіяхъ онѣ были основаны.

Персидскіе купцы, остановленные при началѣ еще войны Севарземидзевымъ въ Караклисѣ съ товаромъ ихъ, были отправлены за карауломъ въ Тифлисъ, а товаръ ихъ перевезенъ въ Джелалъ-Оглу. Корпусный командиръ обратилъ ихъ къ Севарземидзеву при предписаніи, въ коемъ значилось, что не должно было ихъ задерживать; потому что Персидское правительство черезъ сіе находилось въ правѣ также поступить и съ нашими купцами, коихъ было много въ Персіи, и съ приказаніемъ, дабы ихъ отправить за границу, возвративъ имъ товары ихъ. Купцы сіи жили нѣсколько дней въ Джелалъ-Оглу, ожидая отправленія своего; наконецъ, ихъ отправили въ тотъ самый день, какъ отправился Армянской разъѣздъ, но съ тою разницею, что купцы поѣхали по той дорогѣ, по коей Армяне возвратились, т. е. прямо къ Амамламъ. Но когда 31-го числа князь Меншиковъ, находившійся посланникомъ въ Персіи, возвратился въ Джелалъ-Оглу, тогда прибыло съ нимъ два Персіянина изъ числа сихъ купцовъ, которые принесли ему жалобу, что, выѣхавши изъ Джелалъ-Оглу, они

были разграблены Армянами на ночлегѣ, недалеко отъ крѣпости и пущены за Безобдалской хребетъ безъ всего. Меншиковъ, передавъ ихъ Севарземидзеву, просилъ, чтобъ дѣло сіе было розыскано и обиженнымъ было бы сдѣлано возможное удовлетвореніе; о скорѣйшемъ по сему предмету исполненіи просилъ меня находившійся при Меншиковѣ дипломатическій чиновникъ Амбургеръ. Князь Меншиковъ уѣхалъ. Купцы сіи болѣе недѣли жили на площади передъ окнами Севардземидзева, прося удовлетворенія или хлѣба, пока дѣло ихъ не разберется; но тщетны были ихъ ожиданія, тщетны были и мои напоминанія князю Севарземидзеву и, наконецъ, люди сіи исчезли, т. е. я полагаю, ушли, не получивъ ничего. Мнѣ неизвѣстенъ, по крайней мѣрѣ, былъ конецъ сего дѣла; но догадываться было весьма нетрудно.

25-го числа полковникъ Фридрихсъ отправился въ Тифлисъ по собственной своей надобности. Я поручилъ ему объяснить мое непріятное положеніе корпусному командиру и просить отъ меня позволенія быть при своемъ мѣстѣ, т. е. въ полку своемъ. Фридрихсъ возвратился и не привезъ ничего удовлетворительнаго для меня, кромѣ изъявленія расположенія ко мнѣ корпуснаго командира, и я оставался опять въ сей должности (няньки при Севарземидзевѣ).

Баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, стоявшій въ Волчьихъ Воротахъ, пошелъ къ Красному мосту для присоединенія къ войскамъ, выступавшимъ противъ Абассъ-Мирзы къ Елисаветполю, и мѣсто имъ занимаемое было занято изъ Джелалъ-Оглу. 28-го числа двѣ роты моего полка съ 15-ю казаками были отправлены для смѣны находившихся тамъ уже двухъ ротъ моихъ.

Борчалинцы, не взирая на приказаніе возвратиться на равнину въ свои зимнія жилища, уклонялись отъ исполненія сего и укрывались въ ущельяхъ, въ надеждѣ, что скорое прибытіе Персіянъ выручитъ ихъ отъ насъ. На сей предметъ послали ихъ выгонять изъ ущелій Грузинскую конницу, которой было собрано до 1800 человѣкъ въ Квешахъ. Не знаю, каковъ былъ успѣхъ сей конницы въ семъ случаѣ; извѣстно мнѣ только, что Борчалинцы не приняли общаго участія въ возмущеніи, а только пользовались тогдашними смутными временами, чтобы заняться обыкновеннымъ своимъ промысломъ—воровствомъ. Здѣсь надобно упомянуть о составѣ и сборѣ сей конницы, ибо случай сей рѣдкой, и самыя дѣйствія сей конницы достойны замѣчанія.

Когда успѣхи Персіянъ въ сторонѣ Карабаха стали приводить въ ужасъ всѣхъ жителей, тогда возмущенія въ разныхъ областяхъ намъ подвластныхъ, и имя бѣглаго Грузинскаго царевича Александра, возвѣщали главнокомандующему, что Грузины, которые намъ еще

оставались вѣрными, могли также вооружиться противъ насъ. Опасаясь лишиться самого Тифлиса, онъ вздумалъ ополчить христіанскіе народы противъ Персіянъ. Ему не долго было склонить къ сему дворянство и воскресить между онымъ память о прежнихъ подвигахъ Грузинъ, славившихся въ прежнія времена храбростію своею. Надобно было воспламенить легковѣрную молодежь, проводившую праздную жизнь въ деревняхъ своихъ и готовую, при первомъ появленіи хоругви возмущенія, возстать противъ насъ. При немъ находился въ то время колежскій совѣтникъ Палавандовъ, Грузинъ и, что довольно рѣдко, умный человѣкъ. Палавандовъ въ сіе смутное время умѣлъ вкрасться въ довѣренность корпуснаго командира, такъ что ничего почти не дѣлалось безъ его совѣта, и тогда онъ сочинилъ къ нимъ воззваніе.

Грузинское краснорѣчіе сіе возымѣло желаемое дѣйствіе: дворяне ополчились, а за ними крестьяне ихъ; и уѣздные маршалы повели ополченія свои подъ знаменами предковъ своихъ къ Тифлису. Ополченія сіи находились только нѣсколько дней за садами банныхъ воротъ и отправились къ Калаку на рѣку Храмъ, гдѣ ихъ выдержали вопреки жалобъ ихъ и представленій довольно долгое время, такъ что между ними поселилось нѣкоторое уныніе. Многихъ постигли болѣзни, и лошади ихъ стали приходить въ изнуреніе. Ихъ подвинули чрезъ нѣсколько время въ Квеши на предметъ вышеизложенный; но тамошній климатъ, хотя нѣсколько лучше былъ, всегда пагубенъ для самыхъ жителей, уходившихъ на лѣто въ горы. Грузины находились въ семъ положеніи въ исходѣ Августа. Родственники Севарземидзева князья Гурашевъ и Мазіабеловъ пріѣзжали къ намъ въ Джелалъ-Оглу изъ сего ополченія и сказывали намъ какъ о тяжкомъ положеніи, въ коемъ они находились, такъ и о рвеніи ихъ сразиться съ непріятелемъ.

Воззваніе Ермолова подало впрочемъ Грузинамъ поводъ ко многимъ сужденіямъ. Они могли заключить и видѣли, что корпусный командиръ въ семъ случаѣ былъ движимъ робостію и, вспомнивъ прежнее неснисходительное обращеніе его съ ними, говорили явно съ насмѣшкою, что въ иныхъ обстоятельствахъ онъ имъ показывалъ другое расположеніе. Не менѣе того возваніе подѣйствовало и имѣло желаемый успѣхъ, хотя конница сія не показала себя въ бою тѣмъ, что можно было ожидать отъ нея. Главная польза отъ сего состояла въ томъ, что сіи самые же Грузины не обратились на насъ во время нашествія Персіянъ и не произвели внутренняго возмущенія.

Вмѣстѣ съ сими Грузинами ополчили также толпы горскихъ Осетинъ, находившихся при войскахъ, коими командовалъ Мадатовъ, и по безпорядкамъ ими произведеннымъ, неповиновенію и грабитель-

ству оказались болѣе обременительными, чѣмъ полезными, и были отправлены обратно въ горы.

31-го я ѣздилъ осматривать старую крѣпость Лори. Занимательныя развалины сіи я видѣлъ еще въ 1816-мъ году. Лори была столица Армянскаго владѣтеля; мѣсто сіе неприступно. Строенія находились въ углу составленномъ изъ рѣкъ Каменки и другой, текущихъ въ глубокихъ ярахъ, коихъ отвѣсистые почти берега скалисты и имѣютъ разстоянія между собою вверху близъ ста сажень; спускаться къ водѣ можно только одною или двумя тропинками пѣшему. Сажень 300 или болѣе отъ соединенія рѣкъ проведена отъ лѣваго берега Каменки къ другой рѣкѣ высокая и толстая стѣна, сложенная изъ большихъ каменныхъ плитъ и содѣлывающая мѣсто сіе совокупно съ ярами неприступнымъ. Высота, лежащая за Каменкою, командуетъ городомъ; но хотя я писалъ къ Вельяминову, что съ оной можно изъ хорошей винтовки стрѣлять по строеніямъ, однако, при внимательномъ наблюденіи сего мѣстоположенія, я удостовѣрился, что пушечные выстрѣлы только могли бы вредить строніямъ. Самая стѣна заслуживаетъ вниманія прочностью, съ коей она построена и величиною размѣровъ оной. Внутри видны еще своды, служившіе банями, церкви и развалины многихъ строеній, свидѣтельствующихъ о многолюдномъ, по тѣснотѣ мѣста, населеніи онаго. Берега рѣкъ сихъ имѣютъ нѣсколько пещеръ, высѣченныхъ въ камнѣ, служившихъ вѣроятно также убѣжищемъ осажденнымъ во времена нападеній или нашествій непріятельскихъ. При нынѣшнемъ посѣщеніи моемъ сихъ развалинъ я нашелъ ихъ наполненными семействами Армянъ, уклонившихся отъ плѣна или угрожавшей имъ смерти во время нападенія Персіянъ на пограничныя селенія наши. Несчастные сіи терпѣли холодъ, голодъ и нищету, лишившись почти всего имущества своего; говорили даже, что между ними показалась зараза, происшедшая будто отъ нужды и тѣсноты, но сіе было несправедливо. Безъ сомнѣнія впрочемъ, что они потеряли болѣе обыкновеннаго людей, всего же болѣе дѣтей; но заразы не было. Они перешли на зиму внутрь Грузіи и частью возвратились въ прошломъ году на прежнія жилища свои, гдѣ правительство заботится теперь о водвореніи ихъ вновь, помогая имъ по возможности.

Пока я занимался разсматриваніемъ развалинъ Лорійскихъ, прискакалъ ко мнѣ офицеръ изъ Джелалъ-Оглу, съ извѣстіемъ, что князь Меншиковъ возвращается изъ Персіи, и долженъ сей часъ быть въ крѣпость. Я немедленно возвратился въ Джелалъ-Оглу (куда въ тоже время возвратился изъ Тифлиса полковникъ Фридрихсъ), распорядился карауломъ для Меншикова и сдѣлалъ нужныя приготовленія для принятія его. Онъ наконецъ пріѣхалъ передъ вечеромъ. Не могу дать

подробнаго отчета о всѣхъ дѣйствіяхъ его въ Персіи: то что̀ я отъ него слышалъ недостаточно, записокъ о переговорахъ его я не имѣю. Но скажу, что̀ о семъ знаю и помню. Онъ былъ принятъ горделиво шахомъ и наслѣдникомъ престола, Аббасъ-Мирзою, которые полагали, что внутреннія безпокойства, возникшія въ нѣдрахъ нашего отечества и соперничество двухъ братьевъ, ищущихъ престола, понудили Государя приступить къ мѣрѣ столь смиренной и искать покровительства или помощи Персидскаго двора. Старанія Меншикова о возстановленіи дружественныхъ сношеній между обѣими державами были тщетны: ему отвѣчали дерзко, надменно и въ тоже время подвигали войска къ границамъ нашимъ. Наконецъ, когда онъ долженъ былъ выѣхать, тогда остановили въ Эривани курьера, котораго онъ посылалъ съ предувѣдомленіемъ объ умыслѣ Персіянъ напасть нечаянно, и онъ самъ испыталъ разныя неудовольствія: прибывъ къ Эривани, былъ задержанъ 20 дней въ самомъ нездоровомъ и пагубномъ мѣстѣ, нѣсколько людей у него померло, и всѣ почти чиновники свиты его переболѣли. О немъ настоящаго слуха не было; полагали, что онъ на Астрахань отправленъ, какъ къ удивленію нашему извѣстились мы, что его провожалъ до вершины Безобдала Исмаилъ-ханъ съ передовымъ отрядомъ конницы, что изъ Гергеръ выслана была одна рота къ нему на встрѣчу и что онъ самъ долженъ немедленно прибыть. Съ какою радостью онъ въѣхалъ въ средину соотчичей своихъ! Съ какою радостью всѣ окружающіе его обнимали насъ и сколь сильно они чувствовали удовольствіе избавиться, наконецъ, изъ рукъ Персіянъ и возвратиться въ отечество! Мы соблюли противъ нихъ все, что̀ можно было, дабы доставить имъ спокойствіе, въ коемъ они нуждались и, кажется, что мы не подали имъ повода жаловаться на недостатокъ ласки съ нашей стороны. Съ Меншиковымъ пріѣхали адъютантъ его графъ Толстой, полковникъ Бартоломей, лѣкарь, какой-то гражданскій чиновникъ и находившійся въ Персіи въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ Амбургеръ, старый знакомый мой; онъ везъ съ собою женщину, которую привезъ съ собою изъ Петербурга и съ коею онъ все время тамъ жилъ. За неимѣніемъ гдѣ помѣститься въ крѣпости, я предложилъ ему расположиться въ лагерѣ, и онъ раскинулъ шатры свои, въ коихъ и помѣстился съ своею наложницею близъ моего балагана.

Севарземидзевъ не упустилъ случая расточить передъ Меншиковымъ все хвастливое краснорѣчіе свое, какъ онъ сіе дѣлалъ передъ каждымъ новопріѣзжимъ, обѣщая сардаря Эриванскаго накормить свинымъ саломъ и перечисляя всѣ ругательства такого рода, которыя онъ къ нему въ письмахъ писалъ; но рѣчи его получили у Меншикова настоящую цѣну ихъ. Меншиковъ не забылъ прежняго знакомства на-

шего въ Петербургѣ и показывалъ ко мнѣ особенное вниманіе: онъ навѣстилъ меня въ балаганѣ моемъ, объѣхалъ со мною крѣпость и изложилъ мнѣніе свое о различныхъ прибавленіяхъ, которыя онъ полагалъ нужными для управленія Джелалъ-Оглу. Такимъ образомъ Меншиковъ провелъ съ нами первое число Сентября мѣсяца, располагая выѣхать 2-го въ Тифлисъ; но непріятель, разсчитавшій день его выѣзда или освѣдомившійся объ ономъ черезъ лазутчиковъ, вздумалъ его схватить позади войскъ нашихъ на пути, и Гассанъ-ханъ, предводительствовавшій легкимъ отрядомъ, сдѣлалъ 2 Сентября быстрое нападеніе на деревни лежащія въ тылу нашемъ, но не имѣлъ предполагаемаго имъ успѣха, хотя и удалось ему разорить жителей и угнать у нихъ довольное количество скота.

Нападеніе сіе дѣлаетъ особенную честь Гассанъ-хану, какъ воину опытному, рѣшительному и распорядительному. Нападеніе было быстро и распоряжено съ искусствомъ и въ особенности съ знаніемъ мѣстоположенія; отступленіе было произведено со всевозможнымъ единогласіемъ, что̀ почти неслыханно въ безпорядочномъ войскѣ, имѣвщемъ добычу и разсыпанномъ толпами на пространствѣ болѣе 25-ти верстъ. Сколько разъ онъ былъ отрѣзанъ, взятъ во флангъ! Но всегда уклонялся. Сіе однакоже должно приписать не столько искусству его, какъ преимуществу, которое конница необходимо должна имѣть надъ пѣхотою въ отступленіи. Мы рѣшительно не могли нанести никакого почти вреда Персіянамъ, не имѣя конницы, сами же подвергались всегдашнимъ внезапнымъ нападеніямъ на всякую почту быстрой конницы Гассанъ-хана.

3-го Сентября въ полдень отправился въ Тифлисъ генералъ-маіоръ князь Меншиковъ со всею миссіею, подъ прикрытіемъ роты 41-го егерскаго полка съ однимъ орудіемъ 2-й легкой роты и десяти казаковъ. Въ самое время выѣзда его прибылъ въ Джелалъ-Оглу транспортъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Тифлискаго полка съ двумя орудіями 3-й легкой роты, провожавшими до Шулаверъ женатую роту Тифлискаго полка. Провіантъ сей пришелъ весьма кстати; ибо, благодаря дурнымъ распоряженіямъ Севарземидзева, войска оканчивали уже послѣдній хлѣбъ свой.

Вмѣстѣ съ транспортомъ симъ прибылъ на службу ко мнѣ въ полкъ племянникъ начальника Тифлиской гарнизонной артилеріи и арсенала полковника Давыдова, Петръ Давыдовъ, молодой человѣкъ 17-ти или 18-ти лѣтъ. Я полюбилъ юношу сего за его добрыя качества; онъ выслужилъ у насъ все время, неся всѣ труды нижняго чина, и теперь, получивъ чинъ офицерскій, также обращаетъ на себя вниманіе своего новаго начальства.

Транспортъ сей съ провіантомъ прибылъ на обывательскихъ арбахъ, которымъ платили, кажется, по одному рублю серебромъ за каждый день каждой арбѣ; если условіе сіе не имѣло мѣста съ симъ транспортомъ, то оно по крайней мѣрѣ было введено въ употребленіе съ другими транспортами хлѣба, и на основаніи онаго ходили всѣ вольно-наемные транспорты обывательскіе въ прошломъ 1827 году. Цѣна подводъ сего пришедшаго транспорта въ Джелалъ-Оглу не могла быть меньше прописанной, если ихъ нанимали и не поденно, а по разстоянію до Джелалъ-Оглу, почему и можно судить о издержкахъ сдѣланныхъ для продовольствія войскъ въ сей войнѣ съ Персіянами.

4-го, изъ Эривани пріѣхалъ Персіянинъ, слуга Англійскаго маіора Монтиса съ письмами къ князю Меншикову; его приняли въ Джелалъ-Оглу, и письма его отправили въ Тифлисъ. Мы имѣли поводъ подозрѣвать, что человѣкъ сей имѣлъ порученіе осмотрѣть нашъ лагерь. Онъ былъ очень непокоенъ, и за нимъ наблюдали; онъ дождался отвѣта изъ Тифлиса и былъ отправленъ обратно гораздо уже позже.

По общему совѣту съ Севарземидзевымъ, собрали жителей Армянъ съ сосѣдственныхъ деревень и начали работы ими. Средство сіе имѣло неожиданный успѣхъ: люди сіи, въ увѣреніи, что мы болѣе отступать не будемъ, потому что строили крѣпость, приложили все свое стараніе къ скорѣйшему окончанію оной. Старые и малые трудились неусыпно. Всего болѣе меня удивили въ семъ случаѣ мальчики, которыхъ работа сія забавляла, и безъ сомнѣнія десять двѣнадцати и пятнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ болѣе сработывали въ сутки, чѣмъ сто солдатъ Тифлискаго полка. Жителей болѣе еще привлекало къ сему то, что имъ выдавали хлѣбъ и потому что, оставя поля свои въ Бамбакахъ, они всего лишились и терпѣли голодъ. Не менѣе того, многіе изъ нихъ бѣгали; они терпѣли холодъ, ночуя въ балаганахъ солдатскихъ; къ нимъ приставили караулъ и все, что можно было ожидать отъ лѣниваго народа сего, было извлечено въ пользу укрѣпленія нашего, которое къ зимѣ было окончено, хотя и не успѣли обшить оное снаружи дерномъ.

Извѣстіе о пораженіи Персіянъ 3-го Сентября подъ Шамхорами княземъ Мадатовымъ было доставлено къ Севарземидзеву съ Татариномъ Казахской дистанціи, который привезъ къ нему письмо о семъ пристава своего князя Орбеліана. Севарземидзевъ не пришелъ, а прилетѣлъ въ балаганъ Фридрихса, гдѣ я тогда былъ, и прочелъ намъ въ восторгѣ письмо сіе. Извѣстіе сіе точно нужно было, чтобы успокоить всѣхъ насъ на счетъ дѣйствій со стороны Карабаха и мусульманскихъ провинцій, о коихъ доходили до насъ непріятные слухи. У насъ не было ни наблюдательныхъ пикетовъ, ни разъѣздовъ,

такъ что непріятель могъ вездѣ появиться къ намъ внезапно и неожиданно. Сколько разъ я твердилъ Севарземидзеву о томъ, что можно бы на сіе употребить жителей; но или предложенія мои оставались безъ отвѣта, не отъ грубости и не отъ невниманія, но отъ незнанія что̀ отвѣчать; или же онъ возражалъ мнѣ, что Армянъ къ сему онъ не надѣялся быть въ состояніи понудить; а между тѣмъ все-таки никакихъ мѣръ не предпринималось. Но упреки корпуснаго командира въ семъ случаѣ столько же относились ко мнѣ, потому что онъ полагалъ меня виновнымъ въ оплошности, не воображая себѣ, до какой степени простиралась тупость Севарземидзева; также ко мнѣ относились упреки его на счетъ медленнаго успѣха въ работахъ при укрѣпленіи. Онъ упрекалъ меня тутъ же въ недѣятельности противъ непріятеля, но что̀ можно было дѣлать мнѣ съ Севарземидзевымъ? Онъ хвасталъ обѣщаніями своими поругаться вѣрѣ Персіянъ въ мечетяхъ ихъ и проч., но ни на какое дѣло не могъ никогда рѣшиться. Весьма непріятно было мое положеніе; я не хотѣлъ быть доносчикомъ, хотѣлъ отдѣлаться, просился къ своему мѣсту, но тщетно.

Артилеріи поручикъ Бриммеръ, прибывшій изъ Тифлиса, увѣдомилъ насъ о непріятныхъ сношеніяхъ, въ коихъ находился корпусный командиръ со вновь пріѣхавшимъ генераломъ Паскевичемъ, и я вскорѣ увидѣлъ, что въ подчеркнутыхъ словахъ письма̀, которое я получилъ отъ Ермолова, заключался совѣтъ дѣйствовать осторожно по случаю вновь прибывшаго начальника: мѣра слабая тогда, когда надобно было показать совершенную твердость. Но дѣло его было неправое, и онъ велъ себя, усугубляя на каждомъ шагу ошибки свои.

Мнѣ говорили, что, съ начала еще вторженія Персіянъ, Алексѣй Петровичъ отозвался къ Государю неимѣніемъ генераловъ и просилъ себѣ помощника. Сіе весьма возможно, хотя и не знаю навѣрное, писалъ ли онъ сіе къ Государю или нѣтъ. Вслѣдствіе будто его требованія прислали къ нему командира 1-го корпуса генералъ-лейтенанта, генералъ-адъютанта Паскевича, коего и назвали командующимъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, подъ главнымъ начальствомъ командира онаго генерала Ермолова. Титулъ сей многихъ уже увѣрилъ, что онъ смѣнитъ со временемъ Алексѣя Петровича, и поселилъ грусть въ сердцахъ большей части подчиненныхъ его, тѣмъ болѣе когда услышали о сердитомъ, дерзкомъ и грубомъ нравѣ Паскевича. Извѣстіе о внезапномъ вторженіи Персіянъ встревожило Государя, бывшаго тогда въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что (какъ говорятъ) Алексѣй Петровичъ писалъ, что онъ не ручается, чтобы они въ Тифлисѣ не были. Государь поспѣшилъ послать сюда 20-ю пѣхотную дивизію съ тремя ротами артилеріи, 2-ю уланскую дивизію съ одною

конною ротою, четыре полка Донскихъ казаковъ съ ротою конной артилеріи, и лейбъ-гвардіи сводной полкъ, составленный изъ двухъ баталіоновъ Московскаго и лейбъ-гренадерскаго полковъ, участвовавшихъ въ бунтѣ 14-го Декабря въ Петербургѣ; къ тому еще потребовали съ линіи два полка Черноморскихъ казаковъ, полки Тенгинскій и Навагинскій, пѣхотные съ артилеріею, коихъ мѣста заступили три баталіона 20-й дивизіи, формировавшіеся на линіи изъ баталіоновъ 12-й пѣхотной дивизіи, но сіи два полка должны были только выступить и замѣниться въ 1827 году. Паскевичу велѣно было ѣхать какъ можно поспѣшнѣе; отправляли такимъ же образомъ съ самою большею поспѣшностію разныхъ чиновниковъ главнаго штаба и между прочими флигель-адъютантовъ полковниковъ князя Долгорукова *) и барона Александра Фридрихса, брата Бориса. Фридрихсъ долженъ былъ ѣхать въ Баку и произвести слѣдствіе по доносу, поступившему оттуда отъ извѣстнаго дурнымъ своимъ поведеніемъ и ненадежностію, гарнизонной артилеріи капитана Петровскаго, на коменданта полковника барона Розена, коего обвиняли въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ и разговорахъ противъ Государя во время перемѣны царствованія. На доносы такого рода обращали тогда особенное вниманіе начальства; Фридрихсъ произвелъ слѣдствіе и нашелъ виновными доносчиковъ; не знаю, чѣмъ сіе послѣ кончилось. Долгоруковъ пріѣхалъ по особымъ порученіямъ Государя, какъ говорили по крайней мѣрѣ. Прибытіе сихъ двухъ чиновниковъ возродило подозрѣніе въ Алексѣѣ Петровичѣ, и онъ не скрылъ сего, сказавъ однажды Долгорукову въ присутствіи многихъ, что онъ пріѣхалъ лазутчикомъ. Не менѣе того они послѣ подружились и были нѣкоторое время неразлучны. Долгоруковъ точно не былъ лазутчикомъ; напротивъ того, можно было скорѣе думать, что его отдалили тогда отъ двора по подозрѣніямъ, которыя на него имѣли по участію въ происшествіяхъ 14 Декабря; но не знаю, справедливо ли сіе. Всего проще думать, что онъ пріѣхалъ просто на службу, дабы получить отличіе.

Паскевичъ въ проѣздъ свой по линіи черезъ горы поселилъ вездѣ ужасъ. Не зная самъ порядка службы, видя много злоупотребленій въ войскахъ и будучи предупрежденъ противъ Алексѣя Петровича, онъ вездѣ разглашалъ самые непріятные отзывы о здѣшнихъ войскахъ, и дурное расположеніе Государя къ Алексѣю Петровичу уже не было болѣе скрыто. Меня увѣрялъ Грибоѣдовъ послѣ того, что Паскевичъ имѣлъ съ собою повелѣніе Государя наименоваться настоящимъ командиромъ Кавказскаго корпуса со смѣщеніемъ Ермолова, и что ему

---

*) Если не ошибаемся, это былъ князь Илья Андреевичъ Долгоруковъ. П. Б.

было велѣно держать оное втайнѣ до необходимости въ сей мѣрѣ. Повелѣніе сіе было точно содержано втайнѣ, и я готовъ вѣрить, что оно было въ рукахъ Паскевича, хотя нѣкоторое время полагали, что онъ возвратится въ Россію; замѣтно въ немъ было только оскорбленное самолюбіе, и онъ никогда о семъ не проговорился. Такое вступленіе его въ Грузію не могло понравиться Ермолову; но онъ принялъ его съ ласкою, зная его за человѣка храбраго и дѣятельнаго. Онъ, можетъ быть, и надѣялся въ немъ имѣть помощника усерднаго; но подозрѣніе съ его стороны и самые неосторожные, можетъ быть, поступки со стороны Паскевича, все разстроили: личина дружбы существовала только нѣсколько дней. Вскорѣ Паскевичъ на совѣщаніяхъ, принося только такія предложенія, какъ напримѣръ, ввести въ употребленіе рогатки въ пѣхотѣ, обратилъ на себя насмѣшки Ермолова. Насмѣшки сіи, сказанныя неосторожно, при многихъ чиновникахъ всякаго разбора, доходили вѣроятно до Паскевича, коего требованія на счетъ усовершенствованій войскъ въ корпусѣ были самыя нелѣпыя: ибо онъ не постигаетъ ни службы, ни обязанностей, и не въ состояніи обнять какого-либо предмета въ настоящемъ его видѣ. Вскорѣ завелись люди, которые взяли на себя ремесло переносить говоренное отъ одного къ другому, и ссора обнаружилась. Я слышалъ даже, что однажды, при весьма горячемъ разговорѣ, Паскевичъ предложилъ Ермолову стрѣляться, и что послѣдній не нашелся въ семъ случаѣ, что̀ и дало первому единственное преимущество, которое онъ могъ имѣть надъ Ермоловымъ.

Они были между собою въ такихъ сношеніяхъ, когда успѣхи Аббасъ-Мирзы понудили поспѣшнѣе выслать войска къ Елисаветполю. Не понимаютъ, почему въ семъ случаѣ Ермоловъ самъ не принялъ начальства надъ симъ отрядомъ, а поручилъ оный Паскевичу; полагаютъ, что сему причиною была робость, неизвѣстность въ успѣхѣ. Трудно было бы такъ подумать объ Алексѣѣ Петровичѣ; но впрочемъ, судя по прочимъ поступкамъ его, можно было и вѣрить сему. Оно вмѣстѣ могло также счесться за поступокъ разсчетливый, но самаго постыднаго для Русскаго разсчета: не надѣясь на побѣду, онъ отдавалъ на жертву пылкаго соперника своего, вмѣстѣ съ тѣмъ помрачалъ доброе имя его въ мысляхъ Государя и возстановлялъ свое. Сіе всего вѣроятнѣе; ибо онъ истинно сомнѣвался въ успѣхѣ и, отпустивъ съ войскомъ Паскевича, онъ отправилъ съ нимъ начальника штаба своего, а самъ пошелъ съ л.-гв. сводным полкомъ и нѣсколькими еще другими войсками, всего съ тремя или четырьмя тысячами, на рѣку Ассанъ-Су, что̀ на половинѣ дороги отъ Тифлиса до Елисаветполя, подъ предлогомъ препятствовать Персіянамъ вторгнуться въ границы наши

черезъ Делижанское ущелье, но съ настоящимъ умысломъ наблюдать за дѣйствіями Паскевича и за успѣхами его, что̀ было слишкомъ замѣтно и не могло имѣть для Ермолова хорошихъ послѣдствій. Мазаровичъ хотя и изобрѣлъ послѣ того, что Ермоловъ пустилъ Паскевича на вѣрную побѣду, для того, чтобы доказать ему, сколь онъ мало завидуетъ славѣ его и сколько онъ готовъ все сдѣлать съ своей стороны, дабы сохранить доброе согласіе; но сей вымыселъ не имѣлъ ничего правдоподобнаго для всякаго, кто зналъ Алексѣя Петровича. Записки сіи, писанныя человѣкомъ близкимъ и расположеннымъ къ Алексѣю Петровичу, да не измѣнятъ истинѣ! Когда я буду о немъ говорить, да не скрою его ошибокъ, да не увеличу недостатки соперника его, не взирая на всѣ неудовольствія и зло, которыя онъ мнѣ причинилъ! Я былъ свидѣтелемъ въ то время сильнаго переворота въ Грузіи, видѣлъ всѣ страсти человѣческія въ полномъ движеніи, занимая мѣсто, съ коего могъ, наблюдать и въ коемъ мнѣ удалось удержаться, сохранивъ уваженіе, если не расположеніе, всѣхъ тягающихся лицъ. Безпристрастіе да ознаменуетъ записки сіи!

Ссора начальниковъ приняла вскорѣ самый дурной оборотъ. Паскевичъ, полагая исполнить обязанность свою и оправдать довѣренность, сдѣланную ему Государемъ, писалъ самыя нелѣпыя донесенія къ Государю. Нравъ его находилъ пищу въ разсказахъ и сплетняхъ многихъ подлецовъ, коими онъ себя окружалъ и которые не щадили Ермолова, дабы выставить свое усердіе. Въ числѣ ихъ поступилъ къ нему Иванъ Кургановъ, прозванный по дѣла̀мъ Ванькой Каиномъ за всѣ плутни и мошенничества, по коимъ онъ давно уже сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ вообще въ Грузіи. Армянинъ сей, отверженіе человѣческаго рода, хитрый, умный, низкій, плутоватый, нѣкогда удаленный за мошенничества свои отъ всякой должности Ермоловымъ, радъ былъ случаю отомстить и, будучи представленъ Паскевичу генераломъ Мадатовымъ, началъ съ доносовъ на сего послѣдняго. Онъ безъ сомнѣнія много зналъ злоупотребленій, и вмѣстѣ съ тѣмъ чернилъ кого хотѣлъ, наговаривалъ что̀ въ умъ приходило и черезъ то попалъ въ милость къ Паскевичу. Но и тутъ, не умѣвъ пользоваться сею благосклонностію, онъ скоро лишился всякаго уваженія черезъ плутни свои и корыстолюбіе; былъ сколько разъ на краю погибели, но всегда возстановлялъ дѣла свои. Не менѣе того корпусный командиръ имѣетъ о немъ нынѣ настоящее понятіе, но не удаляетъ его и все слушаетъ его наговоры, опасаясь, можетъ, излишней довѣренности ему оказанной при началѣ, или не надѣясь найти человѣка столь охотно сообщающаго ему множество различныхъ извѣстій и ябедъ, къ коимъ онъ имѣетъ наклонность, какъ человѣкъ слабый нравомъ и безъ довѣрености къ самымъ благомы-

спящимъ людямъ. Говорятъ, что онъ велѣлъ однажды срисовать солдата въ оборванной одеждѣ и послалъ рисунокъ сей къ Государю, какъ образецъ одежды Кавказскаго корпуса.

Съ другой стороны поведеніе Алексѣя Петровича было слабое и вмѣстѣ безпечное. Онъ какъ будто показывалъ желаніе угождать Государю отзывами его обвиняющими, какъ напримѣръ: когда его спросили о причинѣ дурнаго состоянія войскъ, то онъ отвѣчалъ, что за сіе должны отвѣчать бригадные командиры, ежегодно инспектировавшіе ихъ, и слагалъ съ себя совершенно вину, выдавая такимъ образомъ своихъ подчиненныхъ. Кромѣ того, Алексѣй Петровичъ, не отъ чего болѣе какъ отъ безпечности и лѣни, доносилъ (вопреки частыхъ повтореній и требованій, по волѣ Государя, отъ начальника главнаго штаба) лишь весьма рѣдко о военныхъ дѣйствіяхъ Государю, между тѣмъ какъ Паскевичъ продолжалъ съ дѣятельностію и донесенія свои, и увѣдомленія о дѣлахъ, о состояніи Грузіи, о непріятелѣ. Такое поведеніе со стороны Ермолова не могло нравиться въ Петербургѣ. Въ Грузіи, напротивъ того, среди подчиненныхъ своихъ и гвардейскаго полка, онъ показывалъ неограниченную довѣренность и черезъ то пріобрѣлъ безполезную для него преданность неосновательной и пылкой молодежи, очаровавъ вновь прибывшихъ изъ Россіи ласковымъ пріемомъ своимъ, ловкостью и краснорѣчивыми, часто нескромными разсказами. Такимъ образомъ онъ имѣлъ около себя всегда обширный кругъ людей, прославлявшихъ его великія качества. Точно мелькали они еще въ немъ изъ среды непрерывнаго ряда ошибокъ его, и доблести молодыхъ его лѣтъ до сихъ поръ еще затмѣваютъ всѣ недостатки его и слабости.

15-го числа Сентября ожидаемый нами Д. В. Д. . . . . прибылъ въ отрядъ. Слава его предшествовала ему, но вскорѣ и очень вкорѣ заблужденіе исчезло. Наружность его довольно извѣстна и не требуетъ описаній. Ласковый пріемъ, который онъ всѣмъ оказалъ, расположилъ всѣхъ въ его пользу; болтливое его краснорѣчіе всѣхъ забавляло; но вскорѣ увидѣли мы въ немъ человѣка совершенно пустаго, никогда не служившаго какъ слѣдуетъ, не имѣвшаго понятія о самыхъ обыкновенныхъ постановленіяхъ Русской арміи, не умѣвшаго даже рапорта написать, лѣниваго, изнѣженнаго, постигающаго вещи самымъ поверхностнымъ образомъ, слабаго, скучнаго до безконечности, нерѣшительнаго и совершенно далекаго отъ высокихъ достоинствъ партизанскихъ, приписанныхъ ему разсказами народными. Болтливость его и повторяемые одни и тѣже анекдоты скоро надоѣли всѣмъ, а частыя посѣщенія его, въ коихъ онъ домогался выиграть нѣсколько абазовъ въ карты и въ коихъ онъ показывалъ нетерпѣніе

при проигрышѣ бездѣлицы, уронили совсѣмъ къ нему то уваженіе, которое къ нему сначала имѣли. Помнили родственную связь его съ Алексѣемъ Петровичемъ; никто не имѣлъ причины жаловаться на него лично, и сіе только служило къ охраненію передъ нимъ по наружности того уваженія, которое должно было имѣть къ начальнику. Безнравственные разсказы его имѣли мало дѣйствія въ кругу частныхъ начальниковъ, руководствовавшихся правилами совершенно противными. Не скажу однакоже, чтобы его не любили; въ обхожденіи онъ былъ очень простъ, ласковъ и душу имѣлъ добрую; сіе также поддерживало его въ мысляхъ и расположеніи каждаго. Онъ имѣлъ добрыя качества сіи при всѣхъ его недостаткахъ и не оставилъ по себѣ непріятелей и недовольныхъ. Д.... принялъ меня съ особенною ласкою и показывалъ неограниченную довѣренность ко мнѣ во все время, на что̀ онъ и имѣлъ наставленія отъ Алексѣя Петровича, какъ онъ мнѣ сіе сказалъ лично, и онъ вѣрно не ошибся въ выборѣ семъ; ибо я ни въ какомъ случаѣ не измѣнилъ бы довѣренности ко мнѣ Ермолова, не взирая на все поведеніе Д....а *). И теперь даже доходятъ до меня извѣстія изъ Россіи, что онъ не перестаетъ превозносить достоинства мои вездѣ, гдѣ только случай къ тому предстоитъ. Весьма возможно и вѣроятно, что онъ сіе дѣлаетъ изъ видовъ, дабы подобные же отзывы и на его счетъ были мною дѣлаемы. Хитрость сія довольно обыкновенная и немало имѣетъ примѣровъ. Впрочемъ и я ему не далъ никогда поводу быть мною недовольнымъ. Человѣкъ сей не былъ безъ способностей, онъ имѣетъ быстроту въ понятіяхъ и остроту въ разговорѣ; но видно, что никогда способности сіи не были обращены къ дѣльному и основательному и что краснорѣчивое его многоглаголаніе, доставляя ему во время службы свободный доступъ до начальниковъ, избавляло его отъ труда нести службу наравнѣ съ прочими, черезъ что̀ онъ не имѣлъ о ней никакого понятія и болѣе былъ похожъ въ обращеніи своемъ и предполагаемыхъ имъ распоряженіяхъ на иностранца, принятаго въ Русскую службу прямо съ генеральскимъ чиномъ.

Вмѣстѣ съ Д....ымъ пріѣхали флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридрихсъ, братъ Бориса, и Ховенъ, сынъ Тифлискаго губернатора. Первый былъ человѣкъ отличныхъ правилъ и нравственности и съ хорошими способностями. Оставаясь при Д. . . .вѣ въ должности начальника штаба, я предложилъ ему занять мѣсто дежурнаго штабъ-офицера, которое онъ и исправлялъ со всею дѣятельностію, какой только желать можно было, и пріобрѣлъ всеобщую любовь и

---

*) Писано уже въ лагерѣ при Карсѣ, 8 Іюля 1828. П. Б.

уваженіе. Ховенъ, молодой человѣкъ очень честныхъ правилъ, исправлялъ при Д....вѣ должность адъютанта. Онъ никогда не занимался дѣлами и оказался неспособнымъ къ онымъ, не менѣе того былъ по службѣ усерденъ и велъ себя весьма похвально. Третье лице, которое Д....въ съ собою привезъ, былъ нѣкто Двурѣчинцевъ, отставной гусарской офицеръ, человѣкъ безгласный, котораго мало видѣли и который по окончаніи кампаніи опредѣлился въ Ширванскій пѣхотный полкъ.

Д....въ привелъ съ собою прославленную Грузинскую конницу. Сперва назначено было ему взять только конницу одного или двухъ уѣздовъ; но по настоятельнымъ просьбамъ князей позволили ему взять конницу трехъ уѣздовъ: Горійскаго, Душетинскаго и Тифлискаго, коей считалось 1800 человѣкъ. Прибыло въ Джелалъ-Оглу только 900, и въ походъ за границу могло выступить только 500. Всею конницею предводительствовалъ маршалъ князь Давыдъ Тархановъ, Горійскаго уѣзда (онъ же былъ начальникъ и конницы своего уѣзда), старикъ доблестный и хорошаго происхожденія. Конницею Душетскаго уѣзда, самаго малочисленнаго, предводительствовалъ князь Багратіонъ (человѣкъ пустой, пьяный и безъ уваженія). Конницею Тифлискаго уѣзда предводительствовалъ служившій въ моемъ полку князь Мамука Орбельянъ, молодой человѣкъ, пылкій, храбрый и благородный, но не имѣвшій по молодости своей и неопытности права на уваженіе Тифлискихъ князей, составлявшихъ ополченіе сіе, жителей столицы, избалованныхъ и изнѣженныхъ, и чиновниковъ болѣе похожихъ на купцовъ, чѣмъ на воиновъ.

И такъ Карталинское или Горійское ополченіе было самое многочисленное и казалось лучше прочихъ, ибо оно состояло изъ людей, не столько знакомыхъ со столицею. Но тѣ самые дворяне и князья, которые скрывали въ деревняхъ и замкахъ своихъ фамильныя ненависти свои, открывали ихъ въ семъ случаѣ въ полной мѣрѣ. Многіе, надѣясь при семъ случаѣ получить разныя преимущества и выгоды, не упускали въ представляемыхъ спискахъ помѣщать цѣлые ряды крестьянъ, которыхъ раздѣляли на казенныхъ и княжескихъ. Казенные крестьяне жаловались на преимущества господскихъ. Подполковникъ Калатуровъ, происходя отъ простой фамиліи, не захотѣлъ повиноваться князю Тарханову, который имѣлъ только чинъ маіора. Раздоръ скоро поселился въ войскѣ семъ, безпорядокъ обнаружился, и оно не было въ состояніи оставаться въ полѣ и разбрелось. Не могу лучше изобразить ополченіе сіе, какъ сравнивъ его съ понятіями, которыя мы имѣемъ о крестоносцахъ. Множество дворянъ, или людей называющихся таковыми или домогающихся достоинствъ сихъ, съ прислугою

своею, всякой вооруженъ какъ лучше кто умѣлъ, совершенное безначаліе или неповиновеніе къ начальству своему, родовыя вражды, пьянство, но при всемъ томъ непомѣрное желаніе сразиться съ непріятелемъ, воспоминая о подвигахъ предковъ; безконечные обозы съ виномъ, но безъ хлѣба: вотъ состояніе того войска, которое къ намъ привелъ Д.....въ и которое поразило бы непріятеля, еслибы оно было лучше употреблено и не имѣло бы неудачи на первыхъ порахъ при первой встрѣчѣ онаго съ Курдами.

Въ Грузинской конницѣ сей прибылъ и хозяинъ квартиры моей, князь Арсеній Бебутовъ, человѣкъ, съ коимъ я давно былъ знакомъ и который показывалъ мнѣ всегда дружеское расположеніе; но кажется, что сему была причиною надежда, которую онъ имѣлъ, выдать за меня дочь свою Наталью. Въ 1817 году, будучи разъ приглашенъ Бебутовыми въ деревню ихъ, Цхнетти, зимою, около Рождества, на обратномъ пути я выстрѣлилъ по одной уткѣ, плававшей въ серединѣ озера, лежащаго на горахъ. Я ранилъ ее. Холодъ былъ очень сильный. Не взирая на сіе, я раздѣлся, бросился въ воду и вытащилъ утку, но едва выплылъ живой. Меня отогрѣли и, возвратившись въ Тифлисъ, я остался ужинать въ сей день у князя Арсенія Бебутова. Въ домѣ его привѣтствовала насъ дочь его Наталья, пригожая дѣвушка, которой тогда было лѣтъ 6 или 7. Князю Арсенію полюбился весьма поступокъ мой, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полюбилъ и меня. Случилось, что я у него былъ поставленъ на квартиру, которую я и сохранялъ около 8 лѣтъ. Человѣкъ сей понравился мнѣ, я съ удовольствіемъ проводилъ съ нимъ время и, видя изрѣдка дочь его, которая росла и хорошѣла, имѣлъ въ мысляхъ нѣчто о женитьбѣ на ней, но никогда не объяснялся на сей счетъ отцу ея и ей не показывалъ ни малѣйшаго вида. Семейство же ихъ возмнило, что я непремѣнно женюсь на ней, и дѣвушка даже обнаружила черезъ человѣка моего желаніе сблизиться со мною, впрочемъ самое невинное, чего я однако всячески избѣгалъ. Я старался отклонить старика отъ сихъ мыслей, не видя надобности предупреждать обстоятельство, которое бы не трудно было рѣшить, коль скоро бы мнѣ вздумалось. Но старикъ былъ столь неостороженъ, что однажды посадилъ насъ вмѣстѣ у себя въ спальнѣ и сказалъ, что мы будемъ имѣть вѣрно случай часто такимъ образомъ сидѣть и учить другъ друга природнымъ своимъ языкамъ. Я всталъ и ушелъ. Другой разъ, подгулявши у меня, онъ хотѣлъ послать за дочерью своею, дабы сосватать насъ. Я сказалъ ему, что не могу никогда рѣшиться на такую мѣру безъ соизволенія отца моего, между тѣмъ объяснилъ двоюродному его брату, князю Василью Бебутову, нескромное обхожденіе старика. Тотъ замѣтилъ ему сіе, и старикъ

сталъ осторожнѣе. Когда онъ пріѣхалъ въ Джелалъ-Оглу, я пригласилъ его, по старой пріязни его со мною, остановиться въ моемъ балаганѣ, гдѣ принялъ его со всею ласкою, на которую онъ и право имѣлъ. Онъ не проговаривался; но можно было замѣтить, что питалъ надежды свои, къ чему однакоже я ему совершенно никакого повода не подавалъ, тѣмъ болѣе, что у меня было въ виду совсѣмъ другое.

Въ Тифлисѣ было двѣ невѣсты, на коихъ всѣ обращали глаза: дочь покойнаго артилеріи генералъ-маіора Ахвердова и дочь совѣстнаго судьи Перфильева. Первая была скромная и весьма хорошо воспитанная дѣвушка, но жила съ мачихою своею, женщиною, которая по правиламъ своимъ пользовалась всеобщимъ уваженіемъ, но по смерти мужа своего, управляя оставленнымъ имѣніемъ сиротъ, по незнанію своему, почти совсѣмъ истребила оное. Какъ тому болѣе всего способствовалъ родъ жизни, который она вела несообразно своему и ихъ состоянію, то и можно почти сказать, что имѣніе сіе было промотано, хотя и безъ всякаго дурнаго умыслу со стороны Прасковьи Николаевны Ахвердовой. Она была обижена и обманута тѣми людьми, коимъ довѣряла управленіе имѣніемъ своимъ въ Россіи. Содержась давно уже имѣніемъ сиротъ, коихъ она была попечительницей, она едва уже находила средства къ дневному содержанію своему и семейства своего. Но при всемъ томъ вечеринки, балы, выѣзды, наряды шли прежнимъ порядкомъ и умножали долги ея. Красота и воспитаніе Софьи Ахвердовой привлекали въ домъ ея множество гостей. Многіе въ нее влюблялись, но не приступали къ женитьбѣ, опасаясь разстроеннаго состоянія дѣлъ ея. Братъ Софьи Өедоровны [1]) былъ отправленъ въ Петербургъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ о воспитаніи его имѣли мало попеченія. Прасковья Николаевна имѣла еще собственную дочь, лѣтъ 10-ти, которую она также воспитывала весьма хорошо [2]). Въ домѣ жила еще двоюродная сестра нынѣшней жены моей, Ахвердова. Въ число жениховъ для Сонюшки выбирали разныхъ людей, коихъ нравственность и правила, по легкомыслію Прасковьи Николаевны, казались удовлетворительными. Въ такомъ родѣ былъ одинъ Грекъ Севиньи, плутъ скаредный и обманщикъ, который говорилъ хорошо по французски и обольстилъ старуху до такой степени, что она обручила за него Сонюшку, когда ей было только 12 лѣтъ; но подложныя письма

---

[1]) Отъ перваго брака Өедора Исаевича Ахвердова († 1818) съ княжною Юстиніани. П. Б.

[2]) Дарья Өедоровна Харламова, у которой мы пріобрѣли право на изданіе въ свѣтъ писемъ Грибоѣдова къ ея матери. Эти письма напечатаны въ „Русскомъ Архивѣ“ 1881 года (II, 177), гдѣ читатели найдутъ подробности о П. Н. Ахвердовой. П. Б.

его и все поведеніе были открыты Грибоѣдовымъ, который въ семъ случаѣ поступилъ порыцарски: онъ изгналъ его изъ кругу дома сего. Севиньи скоро уѣхалъ въ Россію, гдѣ обнаружилъ себя фальшивыми паспортами и кражею. Имѣніе дѣтей покойнаго Ахвердова состояло изъ дома и сада въ Тифлисѣ, которые Прасковья Николаевна стала разыгрывать въ лотерею. Собранныя до сихъ поръ 44 тыс. рублей были изъ опеки взяты опекуномъ княземъ Чавчавадзевымъ, который уплатилъ оными собственные долги, частію передавъ попечительницѣ, и не въ состояніи былъ платить исправно проценты. Попечительница продавала вновь билеты, записываемые на приходъ въ капиталъ, котораго давно уже не существуетъ. Пріязнь между обоими семействами причиною, что до сихъ поръ не было никакихъ исковъ; ихъ и впередъ не будетъ: они оказались бы тщетными. Не менѣе того имѣніе сиротъ исчезло, деньги за билеты взяты, и лотерея уже восемь лѣтъ осталась безъ розыгрыша. Всѣ сіи обстоятельства устрашали жениховъ.

Въ то время была еще другая невѣста въ Тифлисѣ, славившаяся своею красотою, искусствомъ пѣть и танцовать, недавно прибывшая съ отцомъ своимъ, Полька Александрина Перфильева. Отецъ ея, прибывшій на службу въ Грузію съ семействомъ своимъ, былъ вскорѣ по покровительству Ховена назначенъ совѣстнымъ судьею. Домъ ихъ имѣлъ всѣ признаки шляхетскаго происхожденія; но Александрина, вскружившая многимъ молодымъ людямъ голову, не могла никогда занять меня, хотя многіе и предназначали мнѣ ее въ супруги. Непомѣрное желаніе нравиться и слухи объ упрямыхъ свойствахъ ея достаточны были, чтобы совершенно отклонить съ моей стороны всякій искъ или желаніе понять ее въ жены. Еще передъ выѣздомъ моимъ изъ Тифлиса я предупредилъ Мазаровича о желаніи моемъ и выборѣ и просилъ узнать о состояніи дѣлъ Ахвердовой и о расположеніи ея, но съ тѣмъ чтобы не объяснять ничего. Въ Джелалъ-Оглу я получилъ отвѣтъ его. Я могъ видѣть, что она ничего не имѣла; но я не искалъ состоянія, а жену. — Обращусь снова къ событіямъ вокругъ меня происходившимъ.

Давыдовъ имѣлъ приказаніе отогнать Гассанъ-хана и вторгнуться въ границы непріятельскія; но кажется, что повелѣніе ему данное на сей предметъ не имѣло ничего опредѣленнаго, ибо Давыдовъ (по нерѣшительности своей) послѣ успѣховъ ничего не предпринялъ отважнаго.

Мы готовились выступить изъ Джелалъ-Оглу. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 6 ротъ Тифлискаго полка, 3 ротъ карабинеръ, 9 орудій и 150 казаковъ; къ сему присоединились 600 человѣкъ Грузинской конницы и до 200 Армянъ, собравшихся съ разныхъ деревень въ на-

деждѣ на грабежъ; все вмѣстѣ составляло до 3000 человѣкъ; пѣхота была раздѣлена на три баталіона. Отъ сего войска былъ отдѣленъ авангардъ, состоявшій изъ одного баталіона, двухъ орудій и 150 Грузинъ со всѣми Армянами подъ командою Севарземидзева. Остальною пѣхотою командовалъ Фридриксъ; я, начальствуя главными силами, исправлялъ при Давыдовѣ должность начальника штаба.

19-го Давыдовъ выступилъ изъ Джелалъ-Оглу. Провіанта у насъ было на 10 дней. Въ тотъ же день мы перешли хребетъ Безобдала. Авангардъ занялъ селеніе Кишлакъ, а колонна расположилась верстахъ въ 4-хъ отъ онаго при соединеніи дорогъ, ведущихъ къ Безобдалу отъ селеній Амамловъ и Кишлака. Передовые пикеты непріятельскіе, стоявшіе близъ Кишлака, немедленно ускакали. По полученіи черезъ лазутчиковъ извѣстія, что Гассанъ-ханъ изъ селенія Кайтахчи, повидимому, возвращался въ свои границы, Давыдовъ рѣшился идти прямо къ Мирану. Для наблюденія же за дорогою, ведущею съ Балыхчая, гдѣ по слухамъ находился сардарь Эриванской, отрядилъ онъ къ Караклису войсковаго старшину Басова, съ 25-ю казаками и 100 человѣками Грузинской конницы, приказавъ ему имѣть разъѣзды какъ по дорогѣ къ Гамзачимену, равно и по ущелью Узуклярскому, съѣзжаясь съ разъѣздами, которые долженъ былъ высылать по сему ущелью Борчалинскій приставъ.

20-го числа на разсвѣтѣ отрядъ слѣдовалъ далѣе. Приближаясь къ селенію Амамламъ, авангардъ замѣтилъ непріятельскую конницу, занимавшую правый берегъ рѣки Памбака; но по мѣрѣ приближенія войскъ нашихъ, они отступали по дорогѣ къ Мирану. Давыдовъ послалъ меня въ это время въ авангардъ, дабы извѣстить его о подлинномъ количествѣ онаго. Я видѣлъ не болѣе 300 всадниковъ, которые отступили верстахъ въ двухъ или трехъ отъ авангарда. Давыдовъ послалъ спросить у меня, что̀ я предполагалъ дѣлать. Зная непріятеля, коего бы тщетно старались настичь, изнуряя войска, и видя, что войскамъ пора было отдохнуть, я послалъ въ отвѣтъ Давыдову, что я полагалъ бы нужнымъ расположиться на привалѣ и варить кашу. Давыдову сіе не понравилось. Какъ можно это говорить, отвѣчалъ онъ и варить кашу, когда у насъ непріятель на носу, и послалъ въ погоню за Персіянами всю Грузинскую конницу; между тѣмъ, пройдя еще нѣсколько, сдѣлалъ привалъ нѣсколько подалѣе Амамловъ.

Грузины загнались за непріятелемъ около пяти верстъ. Исмаилъ-ханъ, который командовалъ сими Курдами, составлявшими передовой отрядъ или лучше сказать фланговое прикрытіе Гассанъ-хана и коихъ было не болѣе 300 человѣкъ, заманивалъ нашу конницу и, уклонившись за высоту, скрывавшую его отъ отряда, внезапно бросился

на Грузинъ, которые подняли сильную перестрѣлку; но Курды скоро обратили въ бѣгство молодыхъ, пылкихъ и неопытныхъ всадниковъ нашихъ; до 30-ти Курдовъ врѣзались въ середину ихъ, сняли съ четырехъ головы и дворянина Чапаридзе сильно ранили. Конница наша возвратилась, и съ потупленнымъ взоромъ наѣздники наши разсказывали о своей неудачѣ. Конница сія, отъ коей безъ сомнѣнія можно было ожидать блистательныхъ подвиговъ, съ сего времени потеряла духъ и уже болѣе никуда не годилась, чему было причиною необдуманное отправленіе оной безъ подкрѣпленія на первый разъ пѣхотою. Надобно полагать однакоже, что непріятель въ семъ случаѣ имѣлъ также нѣсколько урону.

Того же числа отрядъ подвинулся еще нѣсколько впередъ по направленію къ Мирану и ночевалъ на полѣ сраженія.

21-го числа въ 7-мъ часу утра отрядъ слѣдовалъ далѣе къ Мирану. Перейдя хребетъ горъ и спустившись въ долину, мы увидѣли непріятельскую конницу подъ предводительствомъ самого Гассанъ-хана, занимавшую высоту впереди насъ. Персіяне, зажегши траву въ степи, отступали многими толпами внѣ пушечнаго выстрѣла; достигнувъ возвышенія, съ котораго открывалось начатое нами укрѣпленіе на Миранѣ, мы увидѣли непріятеля занимавшаго высоты, около и вправѣ отъ укрѣпленія лежащія. Остановивъ войска свои, Давыдовъ послалъ немедленно Севарземидзева съ авангардомъ впередъ, и придалъ ему всю Грузинскую конницу и приставшихъ къ отряду Армянъ конныхъ и пѣшихъ, приказавъ сбить правый флангъ непріятеля съ высоты около укрѣпленія. Конница атаковала Персіянъ, но слабо; нѣсколько Курдовъ отдѣлившихся отъ главныхъ силъ бросились, какъ подъ Амамлами, въ толпы Грузинъ и опрокинувъ ихъ ранили одного. Потеря Грузинъ въ семъ случаѣ была бы значительная, если бы подоспѣвшій съ однимъ орудіемъ и нѣсколько человѣками пѣхоты артилеріи штабсъ-капитанъ Бриммеръ не занялъ маленькаго бугра впереди лежавшаго и не опрокинулъ картечными выстрѣлами отважныхъ Курдовъ. Севарземидзевъ скоро присоединился къ нему; Армянская пѣхота, въ надеждѣ найти добычу въ брошенномъ укрѣпленіи Миранѣ, побѣжала съ крикомъ налѣво и заняла оное. Грузины же послѣ другой неудачи толпились за буграми, изъ-за коихъ нельзя было уговорить ихъ выйти, дабы дѣйствовать наступательно. Персіяне отступили; но между тѣмъ толпа ихъ бросилась вправо и уже обнимала насъ почти въ тылу. Давыдовъ отрядилъ меня съ ротою Тифлискаго полка, стрѣлками двухъ ротъ моего полка, двумя орудіями и всѣми казаками, коихъ было едва 120 человѣкъ, дабы толпѣ сей отрѣзать обратный путь. Крайнюю высоту на правомъ флангѣ нашемъ

приказалъ онъ занять ротою моего полка, а самъ находился въ центрѣ съ главными силами, то есть двумя ротами Тифлисскаго полка и тремя орудіями, имѣя авангардъ почти на лѣвомъ флангѣ своемъ. Обозъ оставался подъ прикрытіемъ двухъ ротъ моего полка съ однимъ орудіемъ.

Спустившись съ горы, я ушелъ нѣсколько впередъ отъ пѣхоты съ одними казаками и, видя въ правой рукѣ отъ себя непріятельскихъ наѣздниковъ, выѣзжающихъ изъ-за горы, хотѣлъ атаковать ихъ; но казаки не пошли. Самъ подполковникъ Андреевъ не подавалъ имъ въ семъ примѣра и послѣ дѣла отозвался, что онъ не сдѣлалъ сего, дабы не посрамить погибелью своею чести генерала Давыдова. Непріятель стрѣлялъ по насъ съ правой стороны изъ ружей, но никого не ранилъ. Я выслалъ застрѣльщиковъ, и онъ нѣсколько удалился; тогда я быстро занялъ высоты, лежащія между лѣвымъ берегомъ малаго ручья и рѣкою Мираномъ. Непріятельская конница, находившаяся на сихъ высотахъ, стремительно удалилась; за тѣмъ я послѣдовалъ далѣе и занялъ послѣднюю высоту, лежащую при соединеніи обѣихъ рѣкъ. Тогда открылась у меня влѣво одна непріятельская толпа, отступившая на горы, а вправо другая, тянувшаяся со стороны Бечканта, дабы соединиться съ первою. Сія послѣдняя, удивленная моимъ внезапнымъ прибытіемъ, не нашла другаго средства, какъ удалиться въ крутизны горы Алагёза. Я оборачивалъ орудіе свое на обѣ стороны и дѣйствовалъ ядрами. Персіяне съ обѣихъ позицій своихъ поспѣшно ушли; съ правой стороны было у нихъ нѣсколько отсталыхъ всадниковъ; но сколько я ни уговаривалъ собравшуюся ко мнѣ Грузинскую конницу схватить ихъ, никто съ мѣста не тронулся, и мы никого въ плѣнъ не взяли.

Скоро наступила ночь, и мы всѣ собрались ночевать подлѣ начатой крѣпости Мирана; авангардъ ночевалъ въ $1^1/_2$ верстахъ впереди. Весь уронъ нашъ состоялъ въ сей день въ одномъ легко раненомъ Грузинѣ. Всю ночь шелъ сильный дождь, палатокъ у насъ не было, и люди крайне перемокли и перезябли.

22-го числа отрядъ двинулся впередъ и вступилъ въ Персидскія границы. Непріятель показывался вдали, наблюдая только за движеніемъ нашимъ. Войска наши дошли безпрепятственно до селенія Кюлюдже, что́ въ 9-ти верстахъ отъ Мирана, авангардъ же перешелъ 2 версты за тѣснину Судегямъ, недалеко впереди насъ находившуюся. Здѣсь Давыдовъ остановился, дабы дать войскамъ отдохнуть, и приказалъ разорить 8 деревень окрестъ лежащихъ. (Сіе было сдѣлано по моему совѣту и вопреки желанія Севарземидзева, который смотрѣлъ на оныя, какъ на нѣкоторую собственность свою). Деревни сіи принадлежали Исмаилъ-хану Карапапахскому и оставались пусты. Съ

сего мѣста мы располагали идти далѣе и если не сдѣлать покушеніе на Эчміадзинской монастырь, то по крайней мѣрѣ, пройдя близъ онаго, возвратиться другою стороною Алагёза къ Гумрамъ. Провіанта у насъ съ нѣкоторою нуждою стало бы на сіе предпріятіе, и обратное шествіе наше не имѣло бы вида отступленія; при томъ же слухи носились, что сардарь Эриванскій, узнавши о движеніи нашемъ въ границы его ханства, шелъ поспѣшно съ пѣхотою своею и конницею отъ Балыкчая черезъ Дарагичепъ, дабы соединиться съ братомъ его Гассанъ-ханомъ; и потому мы могли надѣяться имѣть съ Персіянами полевое сраженіе, въ которомъ вѣрно бы мы остались побѣдителями; еслибъ сардарь ушелъ съ пѣхотою въ крѣпость, тогда мы могли ожидать, что конница Персидская стала бы слѣдить за нами на обратномъ пути нашемъ, не нанося намъ впрочемъ никакого вреда.

Въ семъ предположеніи остались мы 22-ое число (вопреки стараній Севарземидзева, склонявшаго Давыдова къ отступленію въ Гумры, гдѣ онъ надѣялся снять хлѣба свои и потребовать долги свои изъ Турціи). Хотѣли тутъ еще передневать и поправить мельницы, дабы перемолоть пшеницу, которую нашли въ большомъ количествѣ въ ямахъ по селеніямъ. Между тѣмъ Севарземидзевъ пересылался съ Гассанъханомъ безъ всякаго позволенія отъ Давыдова, и велъ переговоры, какъ начальникъ всего отряда. Въ чемъ именно состояли переговоры сіи, мнѣ неизвѣстно; но оні ни въ какомъ случаѣ не были позволительны. Я счелъ долгомъ увѣдомить о семъ Давыдова по просьбамъ окружавшихъ меня и довелъ о семъ до свѣдѣнія его или, лучше сказать, подтвердилъ показанія другихъ. Давыдовъ былъ нерѣшителенъ и не зналъ, что̀ предпринять, но не отмѣнилъ намѣренія своего идти впередъ, какъ вдругъ ночью пріѣхалъ посланный отъ Севарземидзева съ извѣстіемъ, что Персидская конница потянулась къ Гумрамъ, дабы напасть на Джелалъ-Оглу и разорить деревни тамъ лежащія. Извѣстіе сіе, уже нѣсколько разъ до сего пущенное Севарземидзевымъ для собственныхъ его видовъ, было слишкомъ явно ложное, и я уговаривалъ Давыдова не вѣрить оному. Я точно полагаю, что онъ не вѣрилъ сему, но радъ былъ случаю и предлогу идти назадъ, и потому рѣшился остановить движеніе свое впередъ и далъ приказаніе къ отступленію къ сторонѣ Гумровъ.

23-го числа Давыдовъ присоединилъ къ себѣ авангардъ и выступилъ обратно, взявъ направленіе къ Гумрамъ. Непріятеля мы цѣлый день не видали, и послѣ довольно сильнаго перехода въ дождь, вѣтеръ и холодъ мы прибыли ночевать къ старому керванъ-сераю, гдѣ провели довольно дурную ночь, нуждаясь въ дровахъ. 24-го числа мы выступили и пришли ночевать въ селеніе Горуть, въ нашихъ

границахъ; деревня была оставлена жителями, частью разбѣжавшимися, частью увлеченными въ плѣнъ Персіянами. На семъ переходѣ замѣтили мы въ лѣвой сторонѣ у подошвы Алагёза отъ 2-хъ до 4-хъ сотъ непріятельскихъ всадниковъ, пробиравшихся со стороны, откуда мы возвращались, въ Турецкія границы; мы полагали, что это долженъ былъ быть Шерифъ-ага Манубертской, который опасался, чтобы мы не завладѣли его замкомъ и деревнями за Арпачаемъ.

25-го Севарземидзевъ подвинулся съ своимъ отрядомъ къ Арпачаю; къ нему примкнули всѣ конные и пѣшіе Армяне разоренныхъ нашихъ пограничныхъ селеній, надѣявшіеся вознаградить въ Турецкихъ селеніяхъ свои потери, а Давыдовъ прошелъ въ сей день къ Гумрамъ, гдѣ и расположился лагеремъ.

Карскій паша, узнавъ о нашемъ прибытіи наканунѣ къ границамъ его, прислалъ къ намъ 25-го числа Зелефтера, одного важнаго чиновника, дабы увѣрить насъ въ дружескихъ расположеніяхъ своихъ и дабы узнать, вѣроятно, что у насъ дѣлалось и какія были наши намѣренія, опасаясь вторженія нашего. Чиновникъ сей не видалъ выступленія Севарземидзева, и потому не безпокоилъ насъ вопросами своими на счетъ движенія сего. Давыдовъ его успокоилъ и отправилъ его къ пашѣ съ письмомъ, коимъ онъ просилъ его прислать къ нему на продажу провіанта.

26-го и 27-го, мы стояли въ Гумрахъ, въ ожиданіи Севарземидзева и провіанта; но ни того, ни другаго не было; между тѣмъ хлѣбъ нашъ приходилъ къ концу, и мы видѣли, что Севарземидзевъ переправился уже за Арпачай, и лагерь его далеко въ Турецкихъ границахъ курился. Давыдовъ посылалъ къ нему нѣсколько предписаній, дабы онъ возвратился; но Севарземидзевъ не исполнилъ приказанія его. Наконецъ 28-го числа онъ возвратился, разграбивъ нѣсколько оставленныхъ жителями селеній, изъ коихъ онъ привезъ до 20-ти четвертей пшеницы и 15 телятъ. Хлѣба у насъ оставалось только на сей день, и съ трудомъ еще могли мы прокормиться 29-ое число. До Джелалъ-Оглу однакоже оставалось намъ верстъ 80 или 90 ходу. Потому и рѣшились мы выступить того же дня безъ отлагательства обратно.

Обширное до сего времени селеніе Гумры было найдено нами въ самомъ жалкомъ положеніи: въ иныхъ мѣстахъ еще курились пожженныя строенія, ни одного жителя, печи и трубы показывались изъ среды развалинъ; кошки, оставшіяся однѣ на семъ пепелищѣ, худыя, истощенныя голодомъ, приходили въ лагерь нашъ и вкрадывались въ балаганы наши, таскались около насъ. Маіоръ Варламовъ Тифлискаго полка, имѣвшій прежде сего домъ въ Гумрахъ, посѣтилъ мѣсто

онаго и нашелъ свою кошку, которая его узнала. Солдаты ходили на охоту бить одичавшихъ ротныхъ свиней, которыхъ мусульмане, гнушаясь, пощадили. Мы нашли также разрытую Персіянами могилу убитаго во время защиты Гумровъ казачьяго есаула, коего оборванное платье было раскидано по кладбищу, и нѣсколько тѣлъ побитыхъ на фуражировкахъ. Таково было печальное зрѣлище, представляющееся намъ нынѣ въ многолюдныхъ доселѣ Гумрахъ. Не менѣе того мы старались сколь можно болѣе забыть и предстоящій намъ голодъ, и холодъ, сильный уже въ тѣхъ мѣстахъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, и однажды при лунномъ сіяніи, при большихъ огняхъ, собрались всѣ къ моей палаткѣ и плясали подъ музыку Тифлискаго полка, гдѣ отличились проворствомъ своимъ и ловкостію молодые князья Грузинскаго ополченія.

Во время пребыванія нашего въ Гумрахъ, довелось мнѣ усмирить или, лучше сказать, примирить на время ссору и раздоры, крывшіеся въ Грузинскомъ ополченіи и вспыхнувшіе со всѣми признаками жестокаго междоусобія неизбѣжнаго въ безпорядочномъ войскѣ семъ.

Маршалъ дворянства Грузинскаго уѣзда, князь Тархановъ былъ маіоръ и начальствовалъ въ ополченіи, въ коемъ находился и подполковникъ Калатуровъ, человѣкъ малаго происхожденія и едва ли не родомъ изъ крестьянъ. Давнишнее соревнованіе между ними произвело въ семъ случаѣ явную распрю; они побранились и взялись уже за кинжалы, когда ихъ розняли другіе князья, окружавшіе ихъ. Обстоятельство сіе было доведено до меня. Я ихъ свелъ въ присутствіи сослуживцевъ ихъ и хотя примиреніе сихъ двухъ стариковъ было не искреннее, но ссора ихъ не имѣла никакихъ послѣдствій: ибо, дабы успокоить обоихъ, я раздѣлилъ начальства ихъ, поручивъ Тарханову всѣхъ князей и дворянъ съ ихъ крестьянами, а Калатурову отдѣльно казенныхъ крестьянъ.

Ополченіе сіе, выдержавши все то время похода, которое оно только въ состояніи было выдержать, уже ни къ чему не годилось; холодъ и непогода, недостатокъ въ продовольствіи, совершенно разорили оное. Ополченіе таяло и день ото дня уменьшалось отъ уѣзжавшихъ безъ позволенія обратно: участь всѣхъ Азіатскихъ полчищъ. Мы не могли болѣе удерживать ихъ въ порядкѣ, всякій ѣздилъ по себѣ и грабилъ по возможности въ разоренныхъ и брошенныхъ деревняхъ.

28-го числа, снявъ всѣ посты, коими связали мы линію свою съ Караклисомъ, гдѣ находился войсковой старшина Басовъ, мы поднялись и послѣ долгаго перехода пришли ночевать на вершину горъ Карагача къ урочищу Іелли-дере, при рѣчкѣ Куйгулѣ. Холодъ былъ чрезвычайно сильный, дровъ же у насъ совсѣмъ не было. Въ ночь сію прибылъ къ намъ новый посланецъ отъ

Карскаго паши съ письмомъ къ Давыдову, въ коемъ онъ писалъ, что снабдитъ хлѣбомъ, если войска наши займутъ опять Шурагель; ежели же пребываніе наше въ сей провинціи временное, то долженъ отказать, ибо боялся мщенія Персіянъ. Паша полагалъ насъ еще въ Гумрахъ, потому и давалъ отвѣтъ, коимъ старался отклонить и наше мщеніе, ибо онъ былъ подъ совершеннымъ вліяніемъ Эриванскаго сардаря и не имѣлъ власти укротить своего подчиненнаго Шерифъ-агу, находившагося съ частью войскъ своихъ при Гассанъ-ханѣ. Сего посланника мы взяли съ собою въ Джелалъ-Оглу на другой день, ибо не было никакой возможности писать отвѣта въ холодѣ и въ то короткое время, которое мы оставались, до выступленія, въ лагерѣ.

Севарземидзевъ выступилъ изъ Гумровъ того же числа за нами и ночевалъ въ 7-ми верстахъ не доходя насъ.

29-го числа, послѣ труднаго и большаго перехода, войска прибыли около полночи въ Джелалъ-Оглу совершенно безъ хлѣба, но бодрыя и готовыя къ новому походу. Севарземидзевъ прибылъ 30-го числа.

Трудные переходы сіи были тѣмъ замѣчательны, что во все время не было у насъ ни одного усталаго солдата, и Давыдовъ удивлялся, что пѣхота не отставала отъ вольнаго шага лошадей; мы шли по шести верстъ на часъ, и въ семъ случаѣ должно отдать справедливость войскамъ здѣшняго корпуса: никто изъ служившихъ въ большой арміи не видалъ, чтобы пѣхота могла ходить такъ скоро и бодро.

Но въ замѣну того Давыдовъ показалъ себя на семъ переходѣ, чѣмъ онъ былъ. Кто бы могъ повѣрить, что онъ боялся на лошади ѣздить, что малѣйшая рытвина его останавливала, что онъ уставалъ или жаловался усталостію до такой степени, что при спускѣ въ Каменную рѣчку и подъемъ изъ оной при Джелалъ-Оглу его почти стонающаго двое вели подъ руки. Но едва онъ пришелъ на квартиру, какъ отогрѣлся, забылъ и сильную усталость, и сдѣлался по прежнему и веселъ, и здоровъ.

Мы пріѣхали въ Джелалъ-Оглу при началѣ ночи, оставивъ войска подъ начальствомъ Фридрихса, ведшаго оныя по большой дорогѣ черезъ Джилку.

По прибытіи въ Джелалъ - Оглу, получилъ я слѣдующее письмо отъ Алексѣя Петровича.

«Почтенный Муравьевъ. Знаю усердіе твое къ службѣ и дѣятельность, и потому ни минуты не усумнюсь, что всѣми средствами будешь ты способствовать Давыдову, которому необходимы свѣдѣнія твои о землѣ и непріятелѣ».

«Ты узнаешь отъ него о успѣхѣ войскъ нашихъ противъ Аббасъ-Мирзы и о бѣгствѣ сего послѣдняго».

«Изыщи способъ сообщить извѣстіе сіе Персіянамъ. Для сего можно отпустить Персіянина, привезшаго письмо отъ *Монтиса*, если еще вы его не отправили. Можно черезъ нашихъ Армянъ извѣстить соотечественниковъ ихъ, въ Эривани живущихъ».

«О мошенникѣ сардарѣ Эриванскомъ извѣстно здѣсь, что онъ въ селеніяхъ Карапапахскихъ по ту сторону Эшекъ-Майдана. Не болѣе 1000 или 1500 человѣкъ конницы его находится въ горахъ Шамшадильскихъ для перекочеванія жителей сей дистанціи».

«Si le général fait un mouvement contre Hassan-khan, son frère ne pourra venir à son secours qu'avec de la cavallerie, car l'infanterie n'arriverait pas à temps. Il n'exposera pas non plus son canon, et je doute encore que Hassan-khan veuille en faire usage craignant de le perdre».

«Je voudrais que l'ennemi pût apprendre la défaite d'Abbas-Mirza, avant que vous ne fassiez une attaque contre lui. Tâchez d'en avoir des renseignements» *).

«Прошу дружбы *къ Давыдову*, о которомъ говорю я теперь какъ о братѣ. Прошу содѣйствовать ему трудами. Прощай. Душевно любящій Ермоловъ».

18 Сентября 1826. Гассанъ-Су.

Письмо сіе было получено мною столь поздно по причинѣ экспедиціи, въ коей я находился. Къ порученіямъ дѣлаемымъ мнѣ на счетъ Давыдова я приступилъ еще съ самаго начала прибытія его, служилъ въ семъ случаѣ усердно не по одной обязанности своей, но по преданности своей къ Алексѣю Петровичу. Давыдовъ меня слушался, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы предпринять что-либо рѣшительнаго.

Извѣстіе о пораженіи Персіянъ подъ Елисаветполемъ было уже доставлено Ериванскому сардарю чрезъ возвращающагося одного Персіянина, которому я вручилъ реляцію о сей побѣдѣ.

Донесеніе, посланное Давыдовымъ изъ Гумровъ о сдѣланной нами экспедиціи, было написано безъ всякаго склада и смысла. Онъ возвышалъ до безконечности мнимой подвигъ свой, писалъ, что не было нами никого взято въ плѣнъ, потому что войска, слѣдуя его приказа-

*) Если генералъ двинется противъ Гассанъ-хана, братъ его придетъ къ нему на помощь только съ кавалеріею, такъ какъ пѣхота не подоспѣетъ. Онъ также не будетъ дѣйствовать изъ пушки, и я сомнѣваюсь, чтобы, изъ опасенія лишиться ея, онъ сталъ ее употреблять. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы непріятель узналъ о пораженіи Аббасъ-Мирзы прежде чѣмъ вы нападете на него. Постарайтеся развѣдать о томъ.

нію, всѣхъ кололи. Коцебу, которому было поручено написать реляцію сію, составилъ было ее весьма хорошо; но Давыдовъ ее всю передѣлалъ, говоря, что реляціи всегда должны такимъ образомъ писаться и что безъ сего представленія къ наградамъ никогда не будутъ уважены.

Съ такою же пышностію были написаны и представленія, изъ коихъ ничего не вышло путнаго. Мнѣ онъ назначалъ Георгія 4-й степени, и я наравнѣ съ прочими получилъ въ прошломъ году за походъ 1826 года высочайшее благоволеніе. Одинъ только Коцебу былъ счастливѣе: онъ получилъ за тотъ походъ чинъ или крестъ. Причиною сей неудачи была болѣе всего ссора двухъ главныхъ начальниковъ нашихъ. Представленія были посланы къ Ермолову. Паскевичъ говорилъ, что они должны были черезъ него идти, и въ семъ случаѣ онъ, кажется, былъ не правъ. Давыдовъ былъ отрядной начальникъ, нисколько независимый отъ командующаго войсками всего корпуса Паскевича и не обязанъ былъ ему и доносить о дѣйствіяхъ своихъ, имѣя особенное порученіе отъ Ермолова; ибо всѣ срочныя донесенія о состояніи войскъ посылались къ Паскевичу черезъ бригадныхъ командировъ. Не менѣе того сіе было поводомъ неудовольствій между Давыдовымъ и Паскевичемъ, и причиною, что всѣ дѣла наши сочли за ничто и едва удостоили насъ даннаго намъ гораздо позже благоволенія.

Фото-гравюра Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Представленіе плѣннаго Шамиля
Князю А. И. Барятинскому.
25 Августа 1859 г.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

Глава VI.

Прибытіе въ лагерь Чеченскаго отряда.—Предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ.—Пріѣздъ барона Врангеля.—Попытки Шамиля завести переговоры о мирѣ.—Переписка по этому поводу.—Пожалованіе Георгія 2-й ст.—Достигнутые важные успѣхи.—Возстановленіе Аварскаго ханства.—Отъѣздъ изъ Чеченскаго отряда.—Посѣщеніе вновь покорившихся обществъ.—Депеша Государю и приказъ по арміи.

Возвращаюсь къ послѣдовательному изложенію дальнѣйшихъ событій.

14-го Іюля 1859 г. главнокомандующій прибылъ къ Чеченскому отряду, расположенному у озера Япи-амъ. Раскинутый по отдѣльнымъ возвышенностямъ, группировавшійся въ безпорядкѣ кругомъ озера, съ палатками то въ одиночку, то кучками, лагерь представлялъ живописную картину. Князь былъ встрѣченъ пушечной пальбою и шумными кликами выстроенныхъ шпалерами войскъ. Остановясь у своей ставки, онъ сказалъ войскамъ: „Братцы, я привезъ вамъ поклонъ отъ Государя и Царское спасибо за вашу молодецкую службу, за ваши труды. Государь надѣется, что вы, братцы, и остальной Кавказъ покорите ему, что и послѣдняго врага заставите покориться!“ Само собою, воздухъ огласился долго немолкавшими „ура“! и „постараемся!“ Къ стоявшимъ на флангѣ двумъ баталіонамъ Кабардинскаго полка князь обратился съ особымъ привѣтствіемъ: „Кабардинцы, шефъ вамъ кланяется“, и снялъ фуражку. Это чрезвычайно имъ польстило.

Въ тотъ же день авангардъ отряда былъ выдвинутъ къ озеру Ретло, а главнокомандующій совершилъ рекогносцировку къ Андіи.

Между тѣмъ Дагестанскій и Лезгинскій отряды двигались по указаннымъ направленіямъ въ долину Андійскаго

Койсу; два другіе отряда, одинъ близъ Темиръ-Ханъ-Шуры, другой на Турчидагѣ,—составляли слѣва продолженіе нашего наступленія, огибая горы со стороны Прикаспійскаго морскаго базиса.

Главное препятствіе, которое намъ предстояло преодолѣть, состояло въ пропасти Андійскаго Койсу, ограждающей всю сѣверную сторону Дагестана, и чрезъ которую существовало только нѣсколько переходовъ, заранѣе укрѣпленныхъ горцами. Шамиль, кромѣ того, покрылъ завалами горный отрогъ, отдѣляющій Андію отъ Гумбета, предалъ пламени аулы по лѣвой сторонѣ рѣки, а семейства Гумбетовцевъ и Андійцевъ, созванныхъ въ поголовное ополченіе, собралъ на гору Килятль и на вершинѣ ея построилъ новое укрѣпленіе съ башнями и батареями, избравъ ее своею резиденціею.

Пока непріятель нигдѣ не оказывалъ сопротивленія. Съ нашей стороны предполагалось, что Чеченскій отрядъ, вступивъ въ Андію, привлечетъ на себя главное вниманіе непріятеля и облегчитъ Дагестанскому отряду прорывъ оборонительной линіи на Койсу. Поэтому, главнокомандующій шелъ впередъ весьма медленно, устраивая по своимъ слѣдамъ колесный путь; онъ до времени ничѣмъ не обнаруживалъ своихъ намѣреній, чтобы удерживать въ неподвижности главное скопище Шамиля. Это и дало барону Врангелю возможность подойти къ Койсу безпрепятственно; но занять переправу оказалось задачею нелегкою. Однако, какъ уже выше разсказано, самоотверженіе, находчивость и беззавѣтная смѣлость войскъ все преодолѣли. Переправа совершилась; а когда баронъ Врангель, къ тому же, такъ благоразумно согласился послѣдовать словесному приказанію главнокомандующаго и совѣтамъ своего начальника штаба и занялъ Бетлинскую высоту, результатомъ оказалась покорность Аваріи и Койсубу, ближайшее свободное сообщеніе съ Темиръ-Ханъ-Шурой черезъ Зыряны (потерянныя нами въ 1843 году) и возможность двинуть лѣво-фланговые отряды изъ Шуры и Турчидага внутрь страны. Занятіе Бетля произвело панику между непокорными горцами Дагестана. Они сами бросились къ ближайшимъ Русскимъ отрядамъ, изъявляли покорность

и просили занимать ихъ аулы. Такъ сдался Чохъ, а вскорѣ и новѣйшая крѣпость Уликала, выстроенная Шамилемъ вмѣсто взятаго въ 1848 году Гергебиля. Послѣ появленія Дагестанскаго отряда на Бетлинской высотѣ, вообще въ Дагестанѣ уже не раздалось противъ насъ ни одного выстрѣла, пока мы не подошли къ послѣднему убѣжищу Шамиля—Гунибу.

Съ 21-го Іюля стало ясно для всѣхъ, что дѣло мюридизма проиграно безвозвратно, и послѣдняго акта шестидесятилѣтней драмы слѣдовало ожидать ежечасно.

Баронъ Врангель, подъ впечатлѣніемъ столь неожиданнаго и блистательнаго успѣха, счелъ нужнымъ отправиться чрезъ Аварію и Технуцалъ въ Карату, къ лагерю главнокомандующаго, съ небольшимъ прикрытіемъ и толпою вновь покорившихся Аварцевъ. Движеніе его было тріумфальнымъ шествіемъ. Князь Барятинскій былъ удивленъ, отчасти недоволенъ на барона за его пріѣздъ, находя совершенно основательно, что ему слѣдовало оставаться при войскахъ и преслѣдовать Шамиля по направленію къ Гунибу; но баронъ Врангель полагалъ, что онъ долженъ былъ въ точности исполнить приказанія, переданныя чрезъ капитана Ѳадѣева, а они заключались и въ томъ, чтобы идти навстрѣчу Чеченскому отряду. Въ главной квартирѣ даже явилось подозрѣніе, что генералъ Врангель захотѣлъ выставить блистательную роль Дагестанскаго отряда въ ущербъ Чеченскому; въ пріемѣ барона замѣтна была нѣкоторая холодность со стороны нѣкоторыхъ высшихъ лицъ. Но подозрѣнія были неосновательны: Врангель отлично понималъ, что не онъ покорилъ Дагестанъ, что безъ овладѣнія Чечнею и Веденомъ, безъ движенія трехъ отрядовъ одновременно въ центръ страны, составлявшей фундаментъ владычества Шамиля, безъ всѣхъ дѣйствій, предпринятыхъ съ 1856 года по соображеніямъ князя Барятинскаго, ничего подобнаго совершиться не могло. Да и не въ характерѣ этого рыцарски-благороднаго человѣка было что-нибудь могущее имѣть тѣнь шарлатанства. Онъ былъ доволенъ, что и на его долю выпала часть славы тѣхъ достопамятныхъ дней, что и онъ оказалъ услугу, содѣйствуя великому успѣху, и послѣ былъ совершенно

счастливъ, получивъ Георгія 3-й степени; а поѣхалъ, можно полагать, просто не сообразивъ, что это было не совсѣмъ умѣстно. Проведя вечеръ у князя Александра Ивановича и переночевавъ въ лагерѣ, баронъ Врангель на другой день отправился къ своему отряду.

Послѣ этихъ событій, т. е. паденія Аваріи, Койсубу и вообще непокорнаго Дагестана, послѣ полученія извѣстій о безпрепятственномъ движеніи Лезгинскаго отряда чрезъ общества, на главномъ хребтѣ живущія, Шамиль потерялъ всякую надежду на возможность удержать дальнѣйшій напоръ Русскихъ войскъ и сохранить власть надъ населеніемъ. Онъ кинулъ свои завалы и укрѣпленіе, гдѣ было 11 орудій, заграждавшихъ переходъ чрезъ Койсу, и съ небольшимъ числомъ преданнѣйшихъ мюридовъ бросился въ Андаляль, на гору Гунибъ, извѣстную своею неприступностью, думая тамъ найти поддержку въ воинственномъ населеніи, сгруппировавшемся въ большихъ крѣпкихъ аулахъ, и продержаться до перемѣны обстоятельствъ; но еще за долго до этихъ происшествій, вскорѣ послѣ паденія Ведена, онъ отправилъ довѣреннаго человѣка въ Константинополь искать помощи.

23-го Іюля нашъ посолъ при Портѣ Оттоманской, князь Лобановъ-Ростовскій, секретно телеграфировалъ въ Петербургъ слѣдующее: „Повѣренный Имама въ Царьградѣ, желая именемъ его трактовать съ княземъ Лобановымъ, проситъ рѣшенія, согласно ли наше правительство на примиреніе съ нимъ и на какихъ условіяхъ? Желаетъ имѣть пропускной видъ чрезъ Тифлисъ, для доставленія Шамилю отвѣта князя Лобанова“.

По этому поводу 28-го Іюля изъ Петербурга писали князю Барятинскому, между прочимъ: „Мы получили изъ Константинополя весьма важное извѣстіе. Агентъ Шамиля представился нашему посольству, снабженный по его словамъ довѣренностью для вступленія съ нами съ переговоры. Велѣно отправить его прямо въ Тифлисъ, и совершенно полагаются на васъ, какъ уже условлено, чтобы убѣдиться, можно ли съ нимъ достигнуть соглашенія. Если это случится, это будетъ *великій результатъ*, вся слава котора-

го будетъ принадлежать вамъ, и довершитъ самымъ блестящимъ образомъ заслуги, уже вами оказанныя; а ихъ какъ вы знаете, съумѣютъ оцѣнить достоинству. Да сохранитъ и вдохновитъ васъ Богъ!“

Канцлеръ князь Горчаковъ и военный министръ Сухозанетъ тоже прислали князю Барятинскому письма. Первый писалъ:

Петергофъ, 26 Іюля 1859 года.

„Дорогой князь, Шамиль имѣетъ своего агента въ Константинополѣ. Агентъ этотъ явился къ князю Лобанову, выразилъ ему желаніе своего довѣрителя вступить въ переговоры и спросилъ, входитъ ли въ виды Императорскаго правительства соглашеніе съ Шамилемъ и на какихъ условіяхъ.

„Его Императорское Величество приказалъ мнѣ телеграфировать Лобанову, что онъ можетъ выдать агенту Шамиля пропускъ въ Тифлисъ и что вы имѣете столь широкія полномочія отъ нашего Августѣйшаго Монарха, что можете сами войти съ агентомъ въ соглашеніе. Лобановъ увѣдомитъ, конечно, васъ непосредственно о послѣдствіяхъ этого важнаго обстоятельства“.

„Политическій горизонтъ, дорогой князь, далеко не ясенъ. Свиданіе въ Виллафранкѣ можетъ привести къ новымъ комбинаціямъ, исходъ которыхъ пока никому предвидѣть нельзя. Весьма возможно что Цюрихскіе переговоры будутъ имѣть послѣдствіемъ конгрессъ или Европейскую конференцію, которая займется разрѣшеніемъ весьма важныхъ вопросовъ, касающихся всеобщаго равновѣсія и взаимныхъ отношеній великихъ державъ.

„*Еслибы вы дали намъ миръ на Кавказѣ, Россія пріобрѣла бы сразу однимъ этимъ обстоятельствомъ въ десять разъ больше вѣса въ совѣщаніяхъ Европы, достигнувъ этого безъ жертвъ кровію и деньгами. Во всѣхъ отношеніяхъ моментъ этотъ чрезвычайно важенъ для насъ, дорогой князь.* Никто не призванъ оказать Россіи бо́льшую услугу, какъ та, которая представляется теперь вамъ. Исторія открываетъ вамъ одну изъ лучшихъ страницъ. Да вдохновитъ васъ Богъ!“

Военный министръ писалъ князю Барятинскому:

Красное Село, 29 Іюля 1859 года.

„Съ душевною радостью отправляю къ вамъ курьера съ письмомъ Его Величества и содержаніемъ секретной депеши князя Лобанова. Вполнѣ понимаю, что Шамиль, доведенный вами до крайности, тщетно обратясь за помощью въ Константинополь, предлагаетъ примиреніе. Конечно, вамъ однимъ судить, на какихъ условіяхъ сіе допустить можно, дабы не только обезпечиться отъ Шамиля и его мюридовъ, но и въ будущей вѣрности и покорности бывшихъ понынѣ враждебныхъ намъ народовъ“.

„Не менѣе того, дозволяю себѣ выразить убѣжденіе мое, что ни въ какое время подобное событіе не могло имѣть того *благотворнаго вліянія для пользы государства, какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ онаго отношеніяхъ*“.

„Ваша звѣзда предоставляетъ вамъ случай совершить то, чего никто достигнуть не могъ, а ваша преданность къ Государю и прозорливость о степени услуги, которую вы можете принести Россіи, внушитъ вамъ желаніе предпочесть *благодѣтельные плоды примиренія славнымъ военнымъ подвигамъ*“.

„Да благословитъ васъ Господь во всѣхъ предпріятіяхъ вашихъ для славы настоящаго царствованія и пользы Россіи“.

Вотъ что отвѣчалъ князь Александръ Ивановичъ канцлеру.

„Въ главной квартирѣ близъ Кегера, въ Андалялѣ, 24 Августа 1859 года.

„Недавно получилъ я отъ васъ три письма, отъ 26-го и 30-го Іюля и 8-го Августа; прошу извинить меня, что до сихъ поръ не могъ отвѣчать вамъ, за совершеннымъ неимѣніемъ времени. Искренно благодарю васъ за поздравленія по случаю новаго знака благоволенія, оказаннаго мнѣ Его Величествомъ“.

„Я раздѣляю вашу мысль, что усмиреніе Кавказа можетъ усилить наше вліяніе въ Европѣ и горжусь тѣмъ, что судьба дала мнѣ счастіе бросить нѣсколько крупицъ на политическіе вѣсы въ пользу нашего отечества. *Мнѣ остается лишь принудить Шамиля сдаться въ его послѣднемъ убѣжищѣ, чтобы покончить съ этимъ упорнымъ фанатикомъ.* Я началъ осаду об-

ширной скалы, гдѣ теперь гнѣздится старецъ горъ, прибѣгая къ этому, какъ послѣднему отчаянному средству; надѣюсь скоро справиться съ нимъ. Очень благодаренъ вамъ за сообщеніе по поводу агента Шамиля въ Константинополѣ; но если даже ему и удастся добраться сюда, это будетъ поздно: ибо въ виду оборота, который приняли дѣла, всякое соглашеніе теперь немыслимо, такъ какъ надменный Имамъ оттолкнулъ всѣ весьма приличныя предложенія, сдѣланныя мною на случай, если онъ согласится сдаться".

Впрочемъ, еще 4-го Мая 1859 года изъ Тифлиса, князь Барятинскій, отвѣчая князю Горчакову на поздравительное письмо отъ 20-го Апрѣля, писалъ: „Я уважаю и вполнѣ раздѣляю чувства, которыя внушили вамъ оцѣнку важности настоящей минуты, и раздѣляя въ принципѣ все, что́ вы мнѣ говорите о потребностяхъ нашей западной политики и о необходимости серьезной демонстраціи на восточной границѣ, потребности болѣе другихъ вами оцѣниваемой, я полагаю нелишнимъ прибавить нѣсколько словъ собственно по поводу Кавказской войны".

„Нужно основательно знать этотъ край и въ продолженіе долгаго времени слѣдить за всѣми перипетіями этой полувѣковой борьбы, чтобы убѣдиться, что простое дружественное соглашеніе съ Шамилемъ, даже еслибы и состоялось, хотя и могло бы подвинуть многія наши дѣла, *но было бы далеко еще не окончательнымъ разрѣшеніемъ.*"

Въ Петербургѣ очевидно не понимали дѣйствительнаго положенія дѣлъ на Кавказѣ и, почти наканунѣ плѣненія Шамиля, считали чрезвычайнымъ событіемъ желаніе его завязать переговоры о мирѣ. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что князь Горчаковъ весьма не прочь былъ доставить бо́льшую роль дипломатическимъ средствамъ для умаленія военной славы. Онъ успѣлъ склонить къ этому взгляду и нѣкоторыхъ другихъ высокопоставленныхъ особъ; внушалась мысль, что это завоевательные планы, имѣющіе честолюбивыя цѣли и т. п. Въ свое время съ этихъ личныхъ побужденій будетъ, конечно, снятъ покровъ...

Однако князю Барятинскому было тогда не до дипломатіи; нужно было докончить начатое дѣло вполнѣ, фундаментально.

Послѣ покоренія Аваріи, живущія по Койсу общества прислали въ лагерь почетныхъ людей съ изъявленіемъ покорности. Собранныя Шамилемъ скопища разбѣжались, и самъ онъ, на пути къ Гунибу, былъ преслѣдуемъ *партіею мѣстныхъ жителей*, отбившихъ у него часть вьюковъ, въ томъ числѣ одинъ съ серебрянной монетой.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ получили донесеніе о переправѣ въ Сагрытло́, о покореніи Аваріи, Койсубу и проч. Государь, само собою, былъ въ восторгѣ и пожаловалъ князю Барятинскому орденъ Св. Георгія 2-й степени при слѣдующемъ рескриптѣ:

10 Августа 1859 года.

„Нашему генералъ-адъютанту, генералу-отъ-инфантеріи, главнокомандующему Кавказскою арміею и намѣстнику Кавказскому, князю Александру Барятинскому.

Храбрыя войска ввѣренной вамъ арміи, подъ непосредственнымъ начальствомъ вашимъ, совершили общее наступательное движеніе, увѣнчавшееся въ короткое время блистательнымъ военнымъ успѣхомъ въ странѣ, шестнадцать лѣтъ служившей опорою непріязненнымъ противнымъ дѣйствіямъ предводителя враждебныхъ намъ горскихъ племенъ Кавказа. Быстрое покореніе воинственнаго населенія Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлоя и другихъ верхнихъ обществъ и отступленіе непріятеля, безъ всякаго почти сопротивленія, отъ воздвигнутыхъ имъ укрѣпленій, послѣ паденія Ведена, свидѣтельствуютъ о превосходной воинской распорядительности, съ которою предпринятыя вами въ этой странѣ военныя дѣйствія направлены къ предначертанной для оныхъ цѣли.

Относя успѣшный ходъ постепеннаго покоренія оружію нашему Кавказа къ глубоко обдуманнымъ и настойчиво приводимымъ вами, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, въ исполненіе мѣрамъ, мы признали справедливымъ изъявить вамъ особенную монаршую признательность и совершенное наше благоволеніе за неутомимые труды и важныя военныя заслуги ваши на пользу ввѣреннаго вамъ края и въ ознаменованіе сего всемилостивѣйше пожаловали васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія второй степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостью нашею неизмѣнно благосклонны“.

Сопротивленіе Андаляльцевъ, къ которымъ удалился Шамиль, могло снова затянуть дѣло, тѣмъ болѣе, что лѣто приближалось къ концу, а съ наступленіемъ суроваго времени года продолженіе войны въ горахъ было бы сопряжено съ

величайшими затрудненіями. Князь Барятинскій рѣшился поэтому покончить съ сопротивленіемъ горцевъ однимъ сильнымъ ударомъ и двинулъ въ сторону Андаляля всѣ наличныя силы Дагестанскаго отряда и часть Чеченскаго, обнажая на нѣкоторое время вновь покоренную страну, кромѣ немногихъ переправъ и пунктовъ, куда былъ свезенъ провіантъ.

Чтобы не вовлекаться въ излишнія подробности, я не вдаюсь здѣсь въ описаніе совершенныхъ въ послѣдніе дни главнокомандующимъ рекогносцировокъ и передвиженій. Упомяну лишь о главнѣйшихъ событіяхъ, изумлявшихъ тогда всѣхъ насъ, даже при очевидности паденія власти Шамиля. Такъ, отряду, собранному около Шуры, занявшему укрѣпленный горцами перевалъ Бурундукъ-Кале, какъ уже упомянуто, сдалась безъ сопротивленія сильная крѣпость Улукала. Другому отряду съ Турчидага сдался замѣчательно укрѣпленный Чохъ, безуспѣшно осажденный въ 1849 году княземъ Аргутинскимъ. Этому же отряду сдался укрѣпленный Ирибъ, резиденція измѣнившаго намъ въ 1844 году Элисуйскаго султана Даніель-бека, 15 лѣтъ управлявшаго отсюда Южно-Лезгинскими обществами. Такимъ образомъ, благодаря своевременному вступленію Дагестанскаго отряда за Койсу и вообще концентрическому движенію войскъ съ трехъ сторонъ въ сердце Дагестана, были разомъ подавлены всѣ усилія приверженцевъ Шамиля. Отрѣзанные отъ него и разъединенные нашими войсками аулы не могли сосредоточиться для общаго дѣйствія. Люди, враждебные духовной власти, вездѣ взяли верхъ, и всѣ общества Андаляля, одно за другимъ, тоже должны были покориться.

Лезгинскій отрядъ, преодолѣвъ неимовѣрныя трудности похода чрезъ снѣговой хребетъ, покоряя общества, гнѣздившіяся въ самыхъ недоступныхъ горныхъ ущельяхъ, наконецъ спустился въ долину Андійскаго Койсу. Начальникъ отряда князь Меликовъ прибылъ къ главнокомандующему, лагерь котораго былъ тогда у аула Конхидатля. Сюда же прибылъ съ повинною Даніельбекъ. Вслѣдъ за нимъ, явился одинъ изъ важнѣйшихъ наибовъ Кибитъ-Магома, съ изъявленіемъ покорности Тилитля, одного изъ сильнѣйшихъ, населеннѣйшихъ ауловъ Дагестана, въ которомъ самъ Шамиль

еще въ 1837 году, осажденный нашими войсками и не видя спасенія, изъявлялъ покорность, принеся присягу на коранѣ.

Не проходило дня, чтобы-откуда нибудь не являлись представители едва извѣстныхъ обществъ, наибы, маазумы (начальники дружинъ), извѣстнѣйшіе абреки, ретивѣйшіе приверженцы Шамиля, самые враждебные, озлобленные противъ насъ люди. Цѣлыми десятками приводили бѣглыхъ солдатъ, давно уже осѣвшихъ въ горахъ, переженившихся здѣсь, отказавшихся отъ мысли возвратиться когда-нибудь въ Россію. На привалахъ, въ аулахъ, жители толпами окружали князя; женщины, дѣти подносили виноградъ, пѣли, плясали, провожали насъ Русскимъ ура, скачкой, выстрѣлами... Происходило что-то волшебное, сказочное!

Для управленія Аваріею главнокомандующій 4 Августа назначилъ флигель-адъютанта ротмистра Ибрагимъ-хана Мехтулинскаго, возстановивъ въ его лицѣ званіе Аварскаго хана. Мѣра эта была вызвана политическими соображеніями, изложенными въ особой запискѣ, представленной Государю.

Все это было продолженіемъ системы, давно уже выработанной и усвоенной княземъ Барятинскимъ, придававшимъ особенно важное значеніе благоустроенной администраціи горцами и умаленію значенія духовенства въ ущербъ свѣтской власти изъ туземной аристократіи. Хотя и эта послѣдняя, съ политической точки зрѣнія, была не вполнѣ для насъ удобною, но ею нужно было воспользоваться какъ самымъ сильнымъ оружіемъ противъ теократической партіи, имѣя въ виду впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, ослабить значеніе и мусульманской аристократіи, вредно отзывавшееся на благосостояніи народныхъ массъ.

6-го Августа главнокомандующій заложилъ выше Конхидатля, на берегу Койсу, укрѣпленіе Преображенское, какъ доказательство, что мы становимся прочной ногою въ центрѣ страны, не признававшей еще никогда нашей власти. Торжество совершилось при чрезвычайной обстановкѣ. Русскія войска кругомъ аналоя, у котораго священники совершали молебствіе; главнокомандующій, окруженный генералами и большой свитой; вокругъ тысячная толпа горцевъ изъ разныхъ только что покорившихся обществъ, съ особымъ изу-

мленіемъ взиравшихъ на невиданное зрѣлище; пѣніе „спаси, Господи, люди Твоя“, при громовыхъ раскатахъ пушечныхъ выстрѣловъ; насупившіеся со всѣхъ сторонъ скалистые гиганты; ревущая бѣшенная рѣка, и надо всѣмъ безоблачный, южный, лазуревый куполъ неба съ снопообразными лучами жгучаго солнца...

10-го Августа главнокомандующій простился съ войсками Чеченскаго отряда и, пригласивъ съ собою графа Евдокимова, отправился осматривать вновь покоренную страну. Въ большомъ богатомъ аулѣ Тлохъ жители всей толпой окружили князя, женщины подводили дѣтей, чтобы взглянуть на могущественнаго сардаря; тутъ же представилась и вдова Хаджи-Мурата съ своими маленькими сыновьями. Въ Игали, гдѣ въ 1842 году отрядъ генерала Граббе понесъ значительную потерю, насъ встрѣтилъ князь Д. И. Мирскій съ колонною изъ Дагестанскаго отряда. Отсюда дорога становилась все хуже, ущелье суживалось, сдавливаемое отвѣсными скалами, и бѣшенный потокъ Койсу едва пробивалъ себѣ путь въ узкой трещинѣ, почти совсѣмъ исчезая подъ скалами у Сагрытло, немного ниже котораго 17 Іюля баронъ Врангель совершилъ свою смѣлую переправу. Далѣе отъ Чирката мы поднялись по крутому подъему къ Ашильтѣ, вблизи извѣстнаго Ахульго, взятаго осадою и штурмомъ въ 1839 году и изъ котораго Шамиль бѣжалъ тогда, спустясь по веревкѣ со скалы. Д. А. Милютинъ, какъ участникъ этой осады, разсказывалъ князю Александру Ивановичу всѣ подробности дѣла.

13-го Августа главнокомандующій спустился въ долину Аварскаго Койсу, гдѣ каждый шагъ напоминалъ кровавыя событія печальной памяти 1843 года. То мы видѣли слѣды укрѣпленій, геройски защищавшихся и, не дождавшись помощи, погибавшихъ цѣликомъ; то тропинку въ оврагѣ, въ которомъ погибъ подполковникъ Веселицкій съ баталіономъ Апшеронцевъ и 2 орудіями; то аулъ Харачи, подъ которымъ легъ другой баталіонъ и пять гвардейскихъ офицеровъ, пріѣзжавшихъ на Кавказъ отличаться... Въ Унцукулѣ графъ Евдокимовъ показывалъ мѣсто, гдѣ въ 1842 году одинъ фанатикъ ранилъ его кинжаломъ въ бокъ; въ Гимрахъ—родинѣ Шамиля,

мы смотрѣли башню, въ которой былъ убитъ нашими войсками въ 1832 году первый основатель мюридизма имамъ Кази-Мулла. И вездѣ жители встрѣчали и принимали теперь Русскаго главнокомандующаго съ большимъ почетомъ и радушіемъ. Изъ Гимръ князь отпустилъ въ свою штабъ-квартиру дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ и съ одною милиціею изъ горцевъ, двѣ недѣли тому назадъ еще сражавшихся противъ насъ, значки которыхъ были прострѣлены Русскими пулями,—поѣхалъ въ Аварію.

Признаюсь, проѣзжая тогда въ свитѣ главнокомадующаго эти мрачныя ущелья съ нависшими громадами скалъ, съ ревущими потоками, съ качающимися утлыми мостами, плетенными изъ прутьевъ; останавливаясь въ грозныхъ, прижавшихся къ уступамъ скалъ аулахъ, среди толпы вооруженныхъ жителей, фанатическихъ послѣдователей мюридизма, я не одобрялъ рѣшимости князя: хорошо зная характеръ и нравы горцевъ и помня нѣсколько кровавыхъ эпизодовъ (слѣдствіе нашей довѣрчивости къ дикимъ фанатикамъ) я не могъ отрѣшиться отъ подозрительныхъ опасеній, невольно меня тревожившихъ. Дѣйствительно, горцевъ не могла не поражать эта черта отваги въ главнокомандующемъ, ѣхавшемъ верхомъ по головоломнымъ тропикамъ и чрезъ эти чертовы мосты, когда большинство слѣзало съ лошадей. На Азіятцевъ обаятельно дѣйствуютъ такія проявленія мужества; они не могли не оцѣнить и этого оказываемаго имъ довѣрія; но все же могли найтись одиночные фанатики, готовые во славу Аллаха и его пророка на всякое изувѣрство, хотя бы стоило это имъ жизни... Но Богъ хранилъ человѣка, предназначеннаго совершить великое дѣло, и все обошлось благополучно.

На ночлегѣ въ Танусъ-балѣ явились къ князю только-что оставившіе Шамиля бывшій наибъ Малой Чечни Саадулла и извѣстный предводитель хищническихъ партій Бей-булатъ, много лѣтъ бывшій грозой нашихъ поселеній по Сунжѣ и Тереку. Въ Хунзахѣ, резиденціи Аварскихъ хановъ, у бывшей нашей крѣпости, главнокомандующій ночевалъ; затѣмъ чрезъ Ахвахъ и Голотль, прибылъ въ Тилитль, гдѣ принялъ приглашеніе Кибитъ-Магомы и обѣдалъ у него; наконецъ, проѣхавъ чрезъ Ругджу, у самаго подножія Гуниба, съ ко-

тораго Шамиль пустилъ къ намъ нѣсколько ядеръ, князь прибылъ въ Чохъ, замѣчательно укрѣпленный. Здѣсь насъ встрѣтили тоже пушечной пальбою, но дружественной, салютаціонной; ни въ одномъ аулѣ населеніе не выказало такого искренняго радостнаго чувства, какъ въ Чохѣ; всѣ жители, не исключая женщинъ, бѣжали за княземъ, кричали ура, хватались за стремена, за узду лошади; одну больную женщину, по ея настойчивой просьбѣ, вынесли на носилкахъ, чтобы показать ей сардаря; радостные клики и выстрѣлы долго не умолкали. Должно быть, режимъ Шамиля ужъ особенно тяжело отозвался на Чохцахъ.

Изъ Чоха главнокомандующій поднялся на Кегерскія высоты противъ Гуниба, гдѣ была расположена часть Дагестанскаго и нѣкоторые баталіоны изъ Чеченскаго и Лезгинскаго отрядовъ.

Во время этой поѣздки здоровье князя было въ ужасномъ состояніи: припадки подагры терзали его немилосердно; онъ усмирялъ боли пріемами сильнаго средства „Colchicum", Нужна была сверхъестественная сила воли, чтобы не только выдерживать переѣзды верхомъ по горнымъ трущобамъ, но не подавать ни малѣйшаго вида страданій! Одинъ Д. А. Милютинъ только зналъ дѣйствительное положеніе князя. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ писемъ къ нему изъ за границы, князь Барятинскій, жалуясь на нестерпимыя боли, напоминалъ о своемъ положеніи при переправѣ въ Тлохъ въ 1859 году.

Отсюда, 22 Августа, князь Барятинскій послалъ Государю слѣдующую депешу: „Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Величество съ Августѣйшимъ тезоименитствомъ. Отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги Кавказъ покоренъ державѣ Вашей. 48 пушекъ, всѣ крѣпости и укрѣпленія непріятеля въ рукахъ нашихъ. Я лично былъ въ Каратѣ, Тлохѣ, Игали, Ахульго, Гимрахъ, Укцукулѣ, Хунзахѣ, Тилитлѣ, Чохѣ. Теперь осаждаю Гунибъ, гдѣ заперся Шамиль съ 400 мюридами".

Въ тотъ же день былъ отданъ приказъ по Кавказской арміи. „Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ край я призвалъ васъ на стяжаніе великой славы Государю нашему, и вы исполнили надежду мою. Въ три года вы покорили

Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги. Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ оно со всею силою душевнаго моего выраженія до глубины сердецъ вашихъ!"

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Записка князя А. И. Барятинскаго о внутреннемъ состояніи Кавказа.

При вступленіи нашемъ на Кавказъ, мы застали здѣсь духовный элементъ мусульманскій весьма потрясеннымъ въ борьбѣ съ другимъ элементомъ. Ханы, князья, беки, родовые старшины общинъ стояли во главѣ населенія и, вопреки Шаріату, властвовали надъ нимъ на основаніи Адата, т. е. права, основаннаго на народныхъ обычаяхъ.

Правительству нашему предлежало тогда поддержать тотъ изъ этихъ элементовъ, который лучше соотвѣтствовалъ нашимъ политическимъ видамъ. Но при ложномъ, впрочемъ человѣчеству весьма свойственномъ стремленіи пріобрѣсти скорое сочувствіе большинства населенія, этотъ предметъ не былъ тогда достаточно глубоко обдуманъ; родовые интересы были пренебрежены нами, и мусульманское духовенство возстановлено въ предположеніи, что оно лучшее орудіе къ сближенію съ массами: ибо народъ всегда проявлялъ болѣе сочувствія къ Шаріату, уравнивающему всѣхъ, нежели къ Адату, установляющему исключительное вліяніе и могущество отдѣльныхъ родовыхъ личностей.

Вотъ гдѣ и были положены *первыми представителями* нашего правительства *тѣ* ошибочныя начала, изъ которыхъ и развились вскорѣ потомъ, самыя пагубныя для нашего владычества послѣдствія. Ибо съ паденіемъ аристократіи—населенія, которыя до тѣхъ поръ были раздроблены на отдѣльныя общины и, вслѣдствіе постоянныхъ раздоровъ между владѣтелями ихъ, представляли намъ полныя удобства къ установленію нашего владычества, слились въ одну духовную національность, чѣмъ и дали возможность одному человѣку сдѣлаться свѣтскимъ и духовнымъ властителемъ цѣлаго края. Проповѣдь войны противъ невѣрныхъ загорѣлась тогда на Кавказѣ и создала религіозное общество, олицетворившееся въ мюридизмѣ. Такимъ образомъ воспаленное противъ нашего владычества религіозное настроеніе умовъ обняло собою весь Кавказскій хребетъ, и все покорилось Шаріату.

По мѣрѣ того, какъ слагалось это національное единство въ горахъ и съ нимъ могущество власти имамовъ, мы должны были развивать постепенно и наши боевыя средства и довести ихъ до нынѣшнихъ громадныхъ размѣровъ; ибо тамъ, гдѣ прежде, при раздробленіи общинъ и взаим-

ной враждѣ ихъ между собою, мы легко обходились незначительными силами, требуются нынѣ большіе отряды.

Итакъ, хотя система военныхъ дѣйствій, въ послѣднее время принятая на Кавказѣ, и даетъ надежду въ возможномъ покореніи этой страны; но чтобъ покореніе это было прочно и въ будущемъ, надобно, чтобы вмѣстѣ съ успѣхами оружія принимались теперь же мѣры для уничтоженія въ покоряемыхъ народахъ и кореннаго нравственнаго начала, намъ враждебнаго, т. е. мюридизма.

Мюридизмъ есть не только религіозное учрежденіе, но и общественный законъ, который, уравнивая всѣ классы и состоянія, опредѣляетъ и право судебное, и порядокъ взиманія податей. Онъ отвергаетъ законность всякой свѣтской власти и не признаетъ никакого правительства, если во главѣ его не стоитъ законный наслѣдникъ пророка. Одного Турецкаго султана считаетъ мюридизмъ законнымъ государемъ всѣхъ магометанъ. Шаріатъ, этотъ краеугольный камень мюридизма—есть судъ духовный и въ тоже время свѣтскій, опредѣляющій одинаковыя права для всѣхъ мусульманъ. Этимъ обозначается и все неотразимое значеніе мусульманскаго духовенства на Кавказѣ.

Изъ этого очевидно, что если опять, въ связи съ военными успѣхами, мы не будемъ стараться теперь же обезсиливать самое начало, изъ котораго сложился мюридизмъ, то должны будемъ постоянно ожидать, что рано или поздно мюридизмъ снова, подъ вліяніемъ того или другаго имама, подыметъ голову при первой возможности и вновь разрушитъ всѣ наши усилія къ умиротворенію края.

Чтобы достигнуть этого естественнымъ путемъ, надобно прежде всего стремиться къ возстановленію высшаго сословія, тамъ гдѣ сохраняются еще болѣе или менѣе слѣды его и создавать его дѣйствующимъ въ имперіи порядкомъ, тамъ, гдѣ оно не существуетъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ возстановленія дворянства, правительство будетъ имѣть въ немъ лучшее орудіе къ ослабленію исламизма, ибо вмѣстѣ съ дворянствомъ начнетъ сама собою опять возникать и противуположная Шаріату сила Адата, предѣлы власти Шаріатскаго суда сами собою стѣснятся вопросами исключительно-духовными, а между тѣмъ будемъ мы въ учреждаемыя нами народныя словесныя судилища вносить сколь можно болѣе началъ гражданскихъ. Отдѣляя такимъ образомъ эти гражданскія начала отъ началъ духовныхъ, легко будетъ сблизить первыя съ порядкомъ нашего судопроизводства и исподволь вести народъ ко всѣмъ прочимъ устройствамъ нашей гражданственности.

Съ паденіемъ свѣтской власти мусульманское духовенство не можетъ не понизиться нравственно, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе народъ, выходя изъ-подъ его вліянія, будетъ уклоняться отъ различныхъ тягостныхъ податей и приношеній, установленныхъ Шаріатомъ въ пользу духовенства. Утративъ свое политическое значеніе, обѣднѣвшее духовенство неминуемо снизойдетъ съ нынѣшняго высокаго своего положенія въ обществѣ и, кромѣ исполненія духовныхъ требъ, утратитъ всѣ прочія права и власти.

Но съ паденіемъ духовенства и съ уничтоженіемъ гражданскихъ его отношеній къ народу должны поколебаться въ мусульманахъ и самыя начала духовныя, столь необходимыя для человѣческой природы, и тогда народъ, разрѣшившій себѣ завѣсы религіи, сдѣлается тѣмъ бо́льшимъ бременемъ для правительства, чѣмъ больше онъ предрасположенъ къ необузданности страстей и къ безпорядкамъ своеволія. Поэтому надлежитъ принять теперь же мѣры, чтобы мусульмане, теряя свои религіозныя вѣрованія, имѣли предъ глазами другое, готовое исповѣдываніе, болѣе чистое и болѣе успокоительное для требованій разума и совѣсти, и чтобы невольное сравненіе этого исповѣданія съ оставляемымъ могло, при первомъ же взглядѣ, произвести на умъ впечатлѣніе безспорнаго превосходства.

Въ этихъ видахъ было предложено мною учрежденіе возстановленія православія на Кавказѣ. Цѣль моя была создать средства къ достойному возстановленію и сооруженію храмовъ Господнихъ и къ образованію и обезпеченію хорошихъ проповѣдниковъ святой нашей вѣры. Теперь взглядъ колеблющагося мусульманина на наше духовенство былъ бы въ высшей степени для насъ неблагопріятенъ: наши священники, за немногими исключеніями, не имѣютъ, къ глубокому сожалѣнію, и права на тотъ почетъ, который невольно отдается даже нами мусульманскому муллѣ. Слѣдовательно, надобно прежде всего поставить ихъ какъ нравственно, такъ и матеріально, въ почетное положеніе.

А потому смѣю прибѣгнуть вновь къ убѣдительнѣйшему ходатайству моему объ учрежденіи, какъ можно скорѣе, Общества Возстановленія Христіанства на Кавказѣ на началахъ мною предположенныхъ.

Б. Отношеніе главнокомандующаго военному министру, 22 Августа 1859 г. № 379. Главная квартира близъ аула Кегеръ.

Изъ телеграфической депеши, отправленной сего числа чрезъ адъютанта моего, поручика князя Витгенштейна въ Симферополь, для передачи въ Петербургъ, вашему высокопревосходительству уже извѣстно, что весь восточный Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги палъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

И такъ полувѣковая кровавая борьба въ этой половинѣ Кавказа кончилась; неприступныя тѣснины, укрѣпленные природой и искусствомъ аулы, крѣпости замѣчательной постройки, взятіе которыхъ потребовало бы огромныхъ пожертвованій, 48 орудій, огромное число снарядовъ, значковъ и разнаго оружія сданы намъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ выстрѣла, силою нравственнаго пораженія. Все это послѣдствія дѣйствій предъидущихъ лѣтъ и предпринятаго теперь наступательнаго движенія съ трехъ сторонъ.

Послѣ отправленія послѣдняго отзыва моего, отъ 7 Августа № 296, покореніе обществъ и сдача непріятельскихъ крѣпостей слѣдовали съ не-

мовѣрной быстротой: и Ирибъ съ 9 орудіями и большимъ числомъ запасовъ сданъ Даніель-бекомъ, бывшимъ султаномъ Элисуйскимъ 2-го Августа, а самъ онъ 7 числа явился ко мнѣ безъ оружія, съ повинной и чистосердечнымъ раскаяніемъ. Отъ имени Государя Императора я объявилъ ему полное прощеніе.

8-го числа я посѣтилъ Карату, никогда не видавшую у себя Русскихъ, никому еще не покорявшуюся и имѣвшую въ глазахъ Шамиля особое значеніе, и былъ принятъ жителями съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

10-го числа я оставилъ Чеченскій отрядъ и съ кавалерійскимъ конвоемъ отправился для обзора всего новопокореннаго края.

Я посѣтилъ Тлохъ, Игали, Чиркатъ, осматривалъ Ахульго, знаменитое осадою 1839 года, и чрезъ Ашильту проѣхалъ въ Унцукуль и Гимры. Отсюда я отпустилъ бывшій со мною 1-й дивизіонъ Нижегородскихъ драгунъ чрезъ Каранаевскія высоты въ Чиръ-Юртъ и съ одними Аварцами и Койсубулинцами поднялся на Бетлинскія высоты къ Ахкенту.

Жители вездѣ толпами встрѣчали меня, выражая по своему совершенную покорность и преданность.

Изъ Ахкента, чрезъ Арахъ-тау и Танусъ-Балъ я прибылъ въ Аварію. Все населеніе ликовало за назначеніе ханомъ флигель-адъютанта Его Величества ротмистра Ибрагимъ-хана и въ особо-поданномъ мнѣ адресѣ выразило свою радость по случаю избавленія отъ тяжкаго ига, тяготѣвшаго надъ Аваріею 15-ть лѣтъ.

Послѣ ночлега въ Хунзахѣ, къ аулу Гидатль, гдѣ явился ко мнѣ спустился въ долину Аварскаго Койсу я Кибитъ-Магома съ Тилитлинцами, встрѣчаемый съ одинаковымъ торжествомъ. Отсюда чрезъ Куядинское общество я прибылъ въ Ругджу, а 18 числа переправился чрезъ Кара-Койсу, осмотрѣлъ Чохъ, замѣчательное по искусной постройкѣ, сильное укрѣпленіе, и въ сопровожденіи Чохскихъ жителей, восторженно меня принявшихъ, прибылъ на высоты къ разоренному аулу Кегеръ, въ лагерь Дагестанскаго отряда.

Здѣсь, въ виду Гуниба, молодецкіе баталіоны лейбъ-Эриванскаго гренадерскаго Его Величества и Ширванскаго полковъ и два дивизіона Сѣверскихъ драгунъ были представлены мнѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими сотнями милиціи различныхъ племенъ, и прошли прекрасно, бодро церемоніальнымъ маршемъ.

Въ этотъ же день командующій войсками Лезгинской кордонной линіи, по возвращеніи изъ главной квартиры, проѣхавъ всѣ покорившіяся общества причисленныя къ раіону Лезгинской линіи и устроивъ вездѣ управленіе, вступилъ съ частію своихъ войскъ въ Ирибъ, а оттуда 20 числа прибылъ на позицію у Кегера, гдѣ я назначилъ общій съѣздъ трехъ командующихъ войсками.

Такъ окончилась многолѣтняя война. Край, въ которомъ, казалось, не суждено было утихнуть гулу выстрѣловъ, умиротворенъ. Храбрымъ войскамъ лѣваго крыла, Прикаспійскаго края и Лезгинской линіи, послѣ со-

вершенныхъ ими геройскихъ, подвиговъ остается не менѣе великій подвигъ трудами рукъ своихъ упрочить власть нашу въ новопокорившихся странахъ.

Теперь, когда всѣ эти горы, ущелья и долины, огражденныя природой и искусствомъ, когда воинственное, фанатическое населеніе ихъ, такъ долго не выпускавшее изъ рукъ оружія, вдругъ намъ покорилось, теперь настала пора безчисленныхъ заботъ и усиленной дѣятельности, для проложенія путей сообщенія, для учрежденія правильной, сообразной съ духомъ народа администраціи, для избранія и занятія стратегическихъ пунктовъ, однимъ словомъ для пріобрѣтенія такого положенія, которое избавило бы насъ въ будущемъ отъ всѣхъ случайностей и вторичной кровавой борьбы.

Съ помощію Бога, съ содѣйствіемъ моихъ отличныхъ помощниковъ, съ тѣми несравненными войсками и средствами, которыя Государь Императоръ предоставилъ въ мое распоряженіе, до исхода 1861 года я могу надѣяться достигнуть и этой цѣли, для славы возлюбленнаго Монарха.

И такъ, теперь, когда весь огромный край отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги покорился намъ, не склоняется еще предъ могущественнымъ оружіемъ Его Императорскаго Величества одинъ только Шамиль.

Видя быстрое, даже для насъ такъ скоро неожиданное паденіе всѣхъ оплотовъ своей власти, онъ бросился сначала въ общества Южнаго Дагестана, надѣясь найти здѣсь гдѣ нибудь крѣпкое убѣжище. Но враждебно встрѣчаемый жителями, два раза его ограбившими, теряя каждый день большую часть бывшихъ съ нимъ приверженцевъ, наконецъ испуганный ставшими на пути его войсками, онъ бросился въ Гунибъ, давно избранный имъ какъ послѣднее убѣжище, хотя онъ не успѣлъ еще достаточно обезпечить его продовольствіемъ.

Достигнувъ наконецъ этого мѣста, онъ присоединилъ къ себѣ Гунибскихъ жителей и составилъ партію въ 400 человѣкъ при 4-хъ орудіяхъ.

Не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, Шамиль употребилъ всѣ средства сдѣлать его совершенно неприступнымъ: онъ подорвалъ порохомъ всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взобраться; онъ заградилъ всѣ тропинки, ведущія на Гунибъ отъ Кара-Койсу, Ругджи и Хинды, толстыми стѣнами, башнями, двухъ и трехъ-ярусными оборонительными постройками, вездѣ заготовилъ огромныя кучи камней для скатыванія на атакующихъ, однимъ словомъ приготовилъ оборону, какую только средства его и искусство въ этомъ дѣлѣ горцевъ могли представить.

Къ 8-му Августу Дагестанскій отрядъ собрался въ Куяды на уроч. Гунимеэръ, а 9-го, вслѣдствіе произведеннаго обзора мѣстности, двинулся къ подножію Гуниба и занялъ мѣста для блокады, такъ что 10 числа 10-ть баталіоновъ пѣхоты и 7 сотень конницы на всей окружности Гуниба, до 50 верстъ, учредили по возможности строгую блокаду, а $6^1/_4$ баталіоновъ, Сѣверскій драгунскій полкъ, 6 сотень туземной конницы при 14-ти орудіяхъ, расположенныхъ у Кегера въ виду Гуниба, составили общій резервъ.

Сначала съ Гуниба по блокирующимъ войскамъ производились пушечные выстрѣлы, но безвредно; а наши стрѣлки разгоняли огнемъ нарѣзныхъ ружей собиравшихся на гребняхъ скалъ для работъ горцевъ. Съ 15-го огонь утихъ.

И такъ Шамиль остался въ неприступномъ убѣжищѣ, какъ обломокъ громаднаго зданія, разомъ рухнувшаго послѣ долгаго сопротивленія. Однако нѣсколько дней проведенныхъ на Гунибѣ, окруженномъ нашими войсками и возставшимъ противъ Шамиля населеніемъ, дало ему время обдумать свое положеніе, и повидимому онъ сталъ убѣждаться, что пора его власти прошла безвозвратно. Онъ вступилъ въ переговоры, избравъ посредниками Даніель-бека и полковника Алихана, временно управляющаго Койсубулинскимъ обществомъ. Но послѣ четырехъ-дневныхъ безплодныхъ переговоровъ я приказалъ прекратить ихъ и приступить къ предварительнымъ работамъ для овладѣнія Гунибомъ.

Еслибы неупорство одного человѣка, то я имѣлъ бы счастіе окончить великое дѣло безъ необходимости еще разъ прибѣгать къ оружію.

Спѣшу обо всемъ этомъ сообщить вашему высокопревосходительству для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору.

Глава VII.

Прибытіе подъ Гунибъ.—Опасенія за результатъ штурма.—Предложенія Шамилю сдаться и переговоры съ нимъ.—Предположенія о правильной осадѣ Гуниба и отъѣздъ князя.—Разговоръ съ княземъ Мирскимъ.—Измѣненіе предположеній объ осадѣ.—Расположеніе войскъ кругомъ Гуниба.—Удачное движеніе ихъ на Гунибъ.—Извѣстіе что Шамиль окруженъ и отъѣздъ князя на Гунибъ.—Переговоры предъ сдачею Шамиля.—Сдача его на волю побѣдителя.—Сцена свиданія съ княземъ.—Отправленіе Шамиля въ лагерь.—Депеша объ этомъ Государю и приказъ по арміи.—Отъѣздъ князя въ Тифлисъ.—Торжественныя встрѣчи.—Пожалованіе ордена Андрея Первозваннаго.—Дѣло о постройкѣ тріумфальной арки.

Гунибъ между тѣмъ былъ уже обложенъ со всѣхъ сторонъ нашими колоннами. Видя крайность своего положенія, Шамиль просилъ перемирія. Начались переговоры, пересылка писемъ и т. п. Все это ни къ чему не вело, время уходило, близился конецъ лѣта. На открытый штурмъ не рѣшались: потеря могла быть громадная; не исключалась даже возможность неудачи, не взирая на малое число защитниковъ Гуниба. Но не это главнымъ образомъ было причиною нежелательности штурма; главнокомандующій опасался, что при штурмѣ самъ Шамиль могъ быть убитъ, а онъ намъ былъ нуженъ живой, сдавшійся. Убитый, онъ послужилъ бы предметомъ вящшаго поклоненія фанатиковъ, создалась бы легенда, какъ о Кази-муллѣ, найденномъ будто бы держащимъ правой рукой бороду,—что̀ означаетъ прямой путь въ небо. Все это могло въ будущемъ представить намъ большія затрудненія. Еще болѣе опасался князь, чтобы Шамилю не удалось какъ-нибудь бѣжать съ Гуниба. Это было бы крайне непріятно, тѣмъ болѣе, что онъ могъ пробраться въ Персію къ Куртинамъ и въ Турцію, гдѣ послужилъ бы орудіемъ всякихъ враждебныхъ Россіи махинацій. На тему возможности бѣгства Шамиля, князь Александръ Ивановичъ не разъ возобновлялъ разговоръ. Страдая въ то время сильными припадками подагры, лишавшими его сна, онъ поздно ночью призывалъ меня къ себѣ и всякій разъ возвращался къ этому вопросу о возможности бѣгства Шамиля, причемъ вспоминалъ аналогичный эпизодъ 1839 года въ Ахульго. Не отвергая совсѣмъ возможности бѣгства, я старался успо-

коить князя тѣмъ, что, во 1-хъ: Шамиль на двадцать лѣтъ постарѣлъ и едвали такъ еще ловокъ, чтобы спускаться съ кручи на веревкахъ; во 2-хъ, что у насъ здѣсь кругомъ Гуниба гораздо больше войскъ, чѣмъ было подъ Ахульго и, слѣдовательно, гораздо труднѣе скрыться; въ 3-хъ, что послѣ изъявленія всѣмъ народонаселеніемъ покорности и потери Шамилемъ обаянія на столько, что при переходѣ изъ Карату къ Гунибу сами горцы его ограбили, трудно допустить, чтобы онъ довѣрился которому-нибудь изъ ближайшихъ обществъ, отъ котораго могъ бы получить средства для дальнѣйшаго побѣга къ границамъ Персіи или Турціи. Тѣмъ не менѣе князь приказалъ послать всѣмъ пограничнымъ мѣстнымъ начальникамъ строгія приказанія о бдительнѣйшемъ надзорѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ издалъ объявленіе, что за доставленіе Шамиля живымъ будетъ выдано 10 т. рублей награды.

Наконецъ, Шамилю было послано отъ главнокомандующаго письмо слѣдующаго содержанія:

„Вся Чечня и Дагестанъ нынѣ покорились державѣ Россійскаго Императора, и только одинъ Шамиль лично упорствуетъ въ сопротивленіи Великому Государю.

„Чтобы избѣжать новаго пролитія крови, для окончательнаго водворенія въ цѣломъ краѣ спокойствія и благоденствія, я требую, чтобы Шамиль неотлагательно положилъ оружіе. Если онъ исполнитъ мое требованіе, то я именемъ Августѣйшаго Государя, торжественно объявляю ему, со всѣми находящимися при немъ теперь на Гунибѣ, полное прощеніе и дозволеніе ему съ семействомъ ѣхать въ Мекку, съ тѣмъ, чтобы онъ и сыновья его дали письменныя обязательства жить тамъ безвыѣздно, равно какъ и тѣ изъ приближенныхъ лицъ, которыхъ онъ пожелаетъ взять съ собою. Путевыя издержки и доставленіе его на мѣсто будутъ вполнѣ обезпечены Русскимъ правительствомъ. По сдачѣ Шамиля, Государь Императоръ самъ изволитъ опредѣлить размѣръ денежнаго содержанія ему съ семействомъ".

„Если же Шамиль до вечера завтрашняго дня не воспользуется великодушнымъ рѣшеніемъ Императора Всероссійскаго, то всѣ бѣдственныя послѣдствія его личнаго упорства,

падутъ на его голову и лишатъ его навсегда объявленныхъ ему мною милостей".

Приходившій отъ Шамиля для переговоровъ горскій дипломатъ Юнусъ Чиркеевскій не доставилъ положительнаго отвѣта, а велъ уклончивыя, туманныя рѣчи. По порученію князя, начальникъ главнаго штаба написалъ Шамилю 22 Августа, чтобы онъ далъ категорическій отвѣтъ: согласенъ ли онъ на предложенныя условія или нѣтъ?

На это письмо въ тотъ же день было получено письмо Шамиля: „Мы не требуемъ отъ васъ мира и никогда не помиримся съ вами; мы отъ васъ просимъ только свободнаго пропуска по извѣстному уже условію. Если на это будетъ согласіе, то хорошо; если же нѣтъ, то надѣемся на Бога, Который выше и сильнѣе всего. На этомъ основаніи—сабля наострена, и рука готова".

Послѣ такого отвѣта, больше ничего не оставалось, какъ предоставить окончаніе дѣла штыку.

Совѣщанія главнокомандующаго съ Д. А. Милютинымъ и графомъ Евдокимовымъ привели къ мысли о необходимости правильной осады Гуниба. Тогда пригласили и начальника инженеровъ, генерала Кесслера, который, само собою, всѣмъ авторитетомъ спеціалиста поддержалъ это предложеніе. А такъ какъ осада эта требовала продолжительнаго времени, то присутствіе главнокомандующаго подъ Гунибомъ было признано неприличнымъ, могущимъ его скомпрометировать въ глазахъ только-что покорившагося народонаселенія. Даже и командующаго войсками, барона Врангеля считалось нужнымъ удалить въ Темиръ-Ханъ-Шуру, оставивъ осаду подъ начальствомъ инженернаго генерала. Въ Дербентъ были посланы офицеры за разными инженерными и осадными принадлежностями, потребовали осадную артилерію; наконецъ, уже сдѣлали всѣ нужныя распоряженія по заготовленію лошадей и пр. для обратнаго проѣзда главнокомандующаго къ Тифлисъ. И все это въ концѣ Августа, когда пребываніе войскъ въ этой мѣстности могло продлиться не болѣе мѣсяца, когда Гунибъ представлялъ для правильной осады, по меньшей мѣрѣ, объектъ самый неудобный!

Слухъ о такомъ рѣшеніи произвелъ въ лагерѣ недоумѣніе и разнородные толки, въ большинствѣ сводившіеся къ довольно рѣзкой критикѣ. Князь Барятинскій, однако, всѣ эти дни былъ очевидно въ дурномъ расположеніи духа, обнаруживавшемъ недовольство ходомъ дѣла. Иногда по нѣскольку часовъ сряду не видно было, чтобы кто-нибудь изъ начальствующихъ лицъ входилъ къ нему; самъ онъ по долгу сидѣлъ предъ своей палаткой и пристально смотрѣлъ въ большую подзорную трубу на Гунибъ, съ обрыва котораго изрѣдка виднѣлись дымки пушечныхъ выстрѣловъ.

Князь Д. И. Мирскій разсказываетъ, что въ то время князь Александръ Ивановичъ ежедневно приглашалъ его къ себѣ, чтобы поговорить о разныхъ предметахъ, очевидно для препровожденія времени; о дѣлѣ почти не упоминалось. Князь Барятинскій отлично умѣлъ уклоняться отъ нежелательныхъ ему разговоровъ, и всякіе намеки въ такихъ случаяхъ оставались безъ успѣха. Наконецъ, въ одинъ день, рано утромъ, не въ обычный часъ, князь Мирскій былъ позванъ къ главнокомандующему, который въ замѣтномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по палаткѣ. Походивъ еще немного, онъ уперся вдругъ въ него своими проницательными глазами (горцы называли ихъ гёзларъ-ямань *) и сказалъ: Вы знаете, какъ я на васъ смотрю, знаю, что вы мнѣ искренно преданы и имѣю большое довѣріе къ вашему мнѣнію. Отвѣчайте мнѣ прямо, откровенно, ничѣмъ не стѣсняясь, на мой вопросъ. Меня уговариваютъ уѣхать отсюда, и я почти уже согласился. Что̀ вы объ этомъ думаете?

„Князь Мирскій выразилъ особую радость, услышавъ этотъ вопросъ, и сказалъ, что, по его мнѣнію, главнокомандующій долженъ оставаться здѣсь и взять Шамиля, во что̀ бы ни стало.

Князь Барятинскій пришелъ въ восторгъ отъ этого отвѣта. „Да, сказалъ онъ, вы правы; это въ сущности было всегда

---

*) „Не хорошіе глаза“, т. е. въ смыслѣ ихъ неудобной для другихъ проницательности. И, дѣйствительно, эти голубые, обыкновенно полныя выраженія доброты глаза, имѣли замѣчательную способность пронизать человѣка насквозь, или выказать неудовольствіе, или презрѣніе.... А. З.

и моимъ мнѣніемъ; но вотъ что мнѣ говорятъ", и онъ изложилъ доводы, приводившіеся на совѣщаніяхъ. Доводы были не особенно убѣдительные.

Послѣ подробнаго обсужденія предполагаемой правильной осады, очевидно невозможной, въ особенности въ такое позднее время года, и предпочтительности если не открытаго штурма, то постепенной эскалады,—князь Александръ Ивановичъ, опасаясь, чтобы при штурмѣ Шамиль не былъ убитъ, остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: предоставить всѣмъ начальникамъ колоннъ дѣлать попытки къ овладѣнію Гунибомъ по ихъ усмотрѣнію и на ихъ отвѣтственность, обѣщая щедрыя награды тому, кто въ этомъ успѣетъ и, какъ уже выше сказано, 10 тысячъ рублей лицу, которое возьметъ Имама въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же отдалъ приказаніе отмѣнить всѣ распоряженія къ его отъѣзду изъ-подъ Гуниба.

И опять, какъ въ дѣлѣ о движеніи Дагестанскаго отряда послѣ переправы черезъ Койсу, личная иниціатива, можно сказать даже вдохновленіе, князя Барятинскаго и безподобныя войска наши, для которыхъ, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго, спасли дѣло въ самый важный, рѣшительный моментъ.

Распоряженіе главнокомандующаго, предоставившее столь большую самостоятельность начальникамъ колоннъ, имѣвшимъ возможность наиболѣе близко ознакомиться съ мѣстностью и воспользоваться непредвидѣнными случайностями, было самымъ разумнымъ, тѣмъ болѣе, что оно не лишало генерала Кесслера права испытывать между тѣмъ и инженерныя средства, могущія содѣйствовать постепенной эскаладѣ съ болѣе доступной стороны.

Гунибъ представляетъ отдѣльную высокую гору, омываемую Аварскимъ и Кара-Койсу съ трехъ сторонъ; въ основаніи Гунибъ имѣетъ болѣе 50 верстъ въ окружности; кое-гдѣ скаты покрыты тощею зеленью, кое-гдѣ кукурузой и фруктовыми деревьями, по большею частью обвалами огромныхъ камней; постепенно съуживаясь, гора упирается въ сплошной карнизъ громадныхъ отвѣсныхъ скалъ. Гунибъ, даже вблизи, казался совершенно недоступнымъ; только съ одной восточной стороны на гору зигзагами вела крутая тро-

па по каменистому грунту; при самомъ окончаніи этой дороги, у входа на плато, прорѣзанное глубокимъ скалистымъ оврагомъ, по лѣвому обрыву котораго расположенъ аулъ Гунибъ, были устроены толстыя каменныя стѣны съ бойницами, трехъ-ярусными оборонительными постройками, башнями, съ однимъ тѣснымъ извилистымъ проходомъ; здѣсь сосредоточивалась большая часть защитниковъ. Не далеко отъ этихъ искусственныхъ крѣпкихъ преградъ, надъ обрывомъ стояла палатка самого Шамиля и батарейное орудіе. Не ограничиваясь природною крѣпостью Гуниба, Шамиль употребилъ всѣ средства сдѣлать его совершенно недоступнымъ. Онъ заставлялъ работать всѣхъ женщинъ и для примѣра даже свою семью; всѣ скалы, гдѣ представлялась малѣйшая возможность взобраться, были подорваны порохомъ: вездѣ заготовлены огромныя кучи камней для скатыванія на атакующихъ. Вообще онъ приготовилъ оборону, какую только его средства и искусство горцевъ въ подобномъ дѣлѣ могли представить. Однимъ словомъ, по общему убѣжденію, Гунибъ представлялся совершенно недоступнымъ. Наши войска были расположены вокругъ Гуниба отдѣльными колоннами. На восточномъ фасѣ Ширванцы, на сѣверномъ они же съ Грузинцами и Самурцами, на южномъ Апшеронцы съ Самурцами и 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, а на западномъ Дагестанцы.

Получивъ упомянутое выше распоряженіе, начальники колоннъ, и до того уже осматривавшіе чрезъ охотниковъ всѣ трещины, уступы и малѣйшія неровности почти отвѣсныхъ скалъ, еще болѣе усилили свои поиски. Въ ночь на 24 Августа Ширванцы съ восточной стороны, не взирая на огонь непріятеля, выдвинулись впередъ и расположились за камнями и разоренными постройками хутора; 24-го было сдѣлано распоряженіе подвинуть войска и съ сѣверной стороны ближе къ обрывамъ. Между тѣмъ, предъ разсвѣтомъ 25 числа, Апшеронцы съ южнаго фаса, вслѣдъ за своими охотниками, по какой-то трещинѣ успѣли доползти до обрыва горы. Мѣстность здѣсь, въ глазахъ горцевъ, представлялась столь недоступною, что они оставили ее почти безъ вниманія и только не вдалекѣ, на самой горѣ держали незначительный

караулъ. Предъ Апшеронцами, какъ стѣны, возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ обрыва, каждый отъ 8 до 10 саженъ вышины, въ одномъ только мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною. 130 охотниковъ, обутыхъ въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, успѣли, подсаживая другъ друга, вскарабкаться на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ верхняго; за ними сталъ взбираться баталіонъ при помощи тѣхъ же лѣстницъ, крючьевъ и проч. Свѣтъ чуть брезжилъ, когда горскій караулъ, наконецъ, услышавъ шумъ, открылъ огонь; но цѣль была уже близка: Апшеронцы, не взирая на выстрѣлы, всползли на верхнюю террасу и вслѣдъ за тѣмъ на самую гору, успѣвъ захватить весь пикетъ горцевъ, состоявшій изъ 22 человѣкъ (въ томъ числѣ оказались три вооруженныя женщины); семь были убиты, остальные взяты въ плѣнъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, и къ взобравшимся на гору подошли еще двѣ роты Апшеронцевъ съ стрѣлковымъ баталіономъ, начальникъ колонны полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому аулу Гунибу— верстъ 8 отъ обрыва.

Въ туже ночь на 25 Августа войска сѣвернаго фаса произвели фальшивую атаку, заставившую горцевъ сбросить внизъ заготовленную ими груду камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ, перескакивавшими чрезъ головы прилегшихъ людей нашихъ. Когда этотъ каменный градъ утихъ, начальникъ колонны генералъ-маіоръ князь Тархановъ двинулъ войска къ трещинѣ, раздвигающей въ этомъ мѣстѣ скалы карниза, открытой заранѣе бывшими при войскахъ нашими горскими милиціонерами. Пройдя такимъ образомъ на высоты почти одновременно съ Апшеронцами и не зная объ ихъ появленіи, князь Тархановъ направилъ часть войскъ къ палаткѣ Шамиля (что̀ заставило его тотчасъ, сбросивъ съ кручи свое орудіе, ускакать въ аулъ), другую въ тылъ оборонительныхъ стѣнъ, а еще одну часть къ аулу. Озадаченные внезапнымъ появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы оставили укрѣпленія, чѣмъ воспользовались Ширванцы, рѣшительно двинувшіеся за ними по дорогѣ восточнаго ската съ 4-мя горными орудіями, а немного спустя и полковникъ Радецкій съ Даге-

станцами, преодолѣвъ неимовѣрныя затрудненія, поднялся съ западной стороны на Гунибъ. Значительная часть горцевъ, бывшихъ въ оборонительныхъ веркахъ, оказалась отрѣзанною отъ аула; засѣвъ за камни, они открыли сильный огонь противъ Ширванцевъ. Ихъ окружили. Не видя спасенія и не желая сдаваться, они отчаянно защищались; завязалась кровавая рукопашная схватка; пощады не было никому. Горцы были почти до единаго истреблены, но и Ширванцы потеряли около ста человѣкъ, почти исключительно изрубленныхъ шашками и кинжалами. Озлобленнѣе всѣхъ дрались здѣсь нѣсколько десятковъ нашихъ старыхъ дезертировъ, давно омусульманившихся...

Рано утромъ, 25 числа, ординарецъ главнокомандующаго, урядникъ изъ Осетинъ, Казбій, возившій всегда значекъ князя, сталъ смотрѣть въ подзорную трубу и, замѣтивъ на Гунибѣ бѣлыя фуражки*), вбѣжалъ съ этимъ извѣстіемъ въ палатку князя. Князь ему не повѣрилъ, вышелъ самъ, посмотрѣлъ, но, не довѣряя и собственнымъ глазамъ, приказалъ позвать меня. Взглянувъ въ трубу, я совершенно ясно увидѣлъ цѣлый строй бѣлыхъ фуражекъ близъ палатки Шамиля и немного выше, по направленію къ аулу. Это были войска сѣвернаго фаса. Не было уже сомнѣнія, что наши на Гунибѣ.

Вѣсть мгновенно разнеслась по лагерю, а вскорѣ прискакалъ адъютантъ главнокомандующаго подполковникъ Грабье отъ генерала Кесслера съ извѣстіемъ, что всѣ колонны уже окружаютъ аулъ и ожидаютъ приказаній. Нечего говорить о торжественно-радостномъ впечатлѣніи.

Князь Барятинскій немедленно приказалъ подать лошадей, и мы отправились на Гунибъ.

На подъемѣ къ главнымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, стали попадаться навстрѣчу раненые Ширванцы, которымъ главнокомандующій приказалъ навѣшивать Георгіевскіе кресты и раздавать денежные подарки; ближе къ стѣнамъ валялись обезображенные непріятельскіе трупы; дальше по дорогѣ сидѣли кучки непріятельскихъ плѣнныхъ, окруженныя

*) На Кавказѣ лѣтомъ войска имѣли на фуражкахъ бѣлые холщевые чехлы.

солдатами; съ разныхъ сторонъ двигались баталіоны къ аулу. Увидѣвъ главнокомандующаго, они закричали ура! Шамиль думалъ, что начинается штурмъ и сталъ молиться..

Переѣхавъ оврагъ, главнокомандующій, въ березовой рощицѣ, въ верстѣ отъ аула, сѣлъ на камень *), приказалъ прекратить перестрѣлку, завязавшуюся между защитниками аула и нашими войсками, и послалъ предложить Шамилю сдаться, не проливая напрасно крови. Имамъ видѣлъ, что держаться дольше нѣтъ возможности. Быть можетъ, онъ и рѣшился бы пасть съ оружіемъ въ рукахъ, еслибы съ нимъ не было его жены и дѣтей.... Четырнадцать баталіоновъ окружали на полружейнаго выстрѣла аулъ; войска горѣли желаніемъ отличиться въ присутствіи главнокомандующаго; стоило произнести роковое слово „впередъ", и не осталось бы, кажется, не только бывшихъ въ немъ людей, но и слѣдовъ самаго аула.

Начались переговоры. Генералъ-адъютантъ баронъ Врангель, князь Мирскій, полковникъ Лазаревъ, пишущій эти строки и кто-то изъ переводчиковъ стояли саженяхъ въ пятидесяти отъ аула, на открытой площадкѣ, далеко впереди баталіоновъ. Къ намъ вышелъ Юнусъ съ вопросомъ: какія условія предлагаютъ Шамилю? — „Никакихъ, былъ отвѣтъ; пусть выходитъ, или войска сейчасъ ринутся на аулъ." Юнусъ ушелъ; мы продолжаемъ смотрѣть на аулъ, на расхаживающихъ по плоскимъ кровлямъ сакель вооруженныхъ людей, на выглядывающихъ изъ оконъ женщинъ.

Чрезъ полчаса опять идетъ Юнусъ. „Шамиль проситъ позволить Юнусу лично представиться главнокомандующему и отъ него получить отвѣтъ".—Я отправился съ нимъ къ мѣсту, гдѣ оставался князь.

„Передай Шамилю, чтобы сейчасъ выходилъ, а то начнется штурмъ, и тогда уже никому не будетъ пощады. Предлагаю ему лишь одно условіе: его собственная и всего семейства личная безопасность", былъ отвѣтъ князя.

---

*) На этомъ историческомъ камнѣ вырѣзана надпись: „25 Августа 1859, года 4 часа пополудни. Князь Барятинскій",

Мы уѣхали съ Юнусомъ назадъ. Онъ вошелъ въ аулъ, разсказалъ результатъ свиданія. Проходитъ полчаса; тишина въ аулѣ, тишина кругомъ, всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ что̀ будетъ. Вдругъ изъ аула раздается громкій голосъ: „Шамиль проситъ прислать къ нему бывшаго Чохскаго наиба Исмаила", (зятя имама). Послали. Черезъ четверть часа возвращается Исмаилъ. „Шамиль спрашиваетъ, не послать ли прежде младшаго сына къ главнокомандующему?"—„Нельзя, кричитъ въ отвѣтъ полковникъ Лазаревъ; выходи сейчасъ, а то будетъ поданъ сигналъ къ штурму". Еще четверть часа молчаніе и опять выходитъ Юнусъ: „Имамъ проситъ отодвинуть войска подальше отъ аула; тогда онъ выйдетъ".—„Нельзя, нельзя; пусть выходитъ и не выводитъ насъ изъ терпѣнія". Юнусъ ушелъ и чрезъ 10 минутъ опять бѣжитъ весь запыхавшись, обливаясь по̀томъ... „Шамиль проситъ по крайней мѣрѣ отогнать всѣхъ мусульманъ, чтобы они не видѣли, какъ онъ будетъ выходить". Я поскакалъ опять къ князю передать эту просьбу и, получивъ разрѣшеніе исполнить это желаніе, возвращаюсь къ барону Врангелю, который приказалъ прогнать всю милицію назадъ за войска̀. Они уходятъ съ досадой, что ихъ лишили удовольствія видѣть, какъ Имамъ войдетъ въ кругъ гяуровъ. Проходитъ еще нѣкоторое время. Тишина такая, какъ будто все вымерло, а между тѣмъ 10 тысячъ штыковъ стоятъ, притаивъ дыханіе...

Наше нетерпѣніе достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Будетъ штурмъ или не будетъ? Онъ, кажется, обманываетъ, тянетъ время до ночи, вѣроятно надѣется бѣжать, шептали мы между собою.

Наконецъ, въ аулѣ засуетились; между саклями показалась толпа, все съ чалмами на головахъ. Идетъ, идетъ! раздалось со всѣхъ сторонъ и всѣ взоры устремились къ аулу. Но тамъ все опять замолкло, толпа куда-то скрылась. Мы подошли еще ближе къ аулу, на пистолетный выстрѣлъ къ крайней саклѣ. Полк. Лазаревъ, Даніель-Бекъ, Исмаилъ начали кричать: „Выходите скорѣе, не будьте дѣтьми, не срамитесь малодушіемъ; вѣдь видите, что нѣтъ другаго спасенія". И опять зашевелилась толпа, и Шамиль показался изъ аула, тѣсно окруженный своими старыми, неразлучными мюридами.

Какъ будто по сигналу, вдругъ всѣ войска кругомъ аула огласили воздухъ громкимъ ура! и по всей горѣ подхватили этотъ радостно-торжественный кликъ, гуломъ разнесшійся по всей окрестности. Шамиль пришелъ въ недоумѣніе, остановился на мгновеніе, но видя, что войска стоятъ неподвижно, пошелъ дальше. Минута была торжественная; всякъ, до послѣдняго солдата и милиціонера, понималъ, что совершается событіе великой важности: кончается война, длившаяся болѣе полувѣка, война, воплощеніемъ которой былъ этотъ самый Шамиль, идущій теперь сдаваться на волю побѣдителя!

Когда я, по приказанію барона Врангеля, опять побѣжалъ впередъ доложить, что Шамиль уже среди насъ и идетъ, князь спросилъ, много ли съ нимъ людей. „Человѣкъ сорокъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы", былъ мой отвѣтъ. „Бѣгите же скорѣе назадъ и передайте барону, чтобы распорядился незамѣтно отдѣлить этихъ людей отъ Шамиля, такъ чтобы они остались сзади нашихъ войскъ". Эту деликатную операцію баронъ Врангель поручилъ полковнику Лазареву, который тутъ же и распорядился очень ловко продвинуть впередъ одинъ изъ двухъ эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ, шедшихъ за нами съ лошадьмя въ поводу, такъ что почти вся эта толпа мюридовъ очутилась между двумя эскадронами. За Шамилемъ, которому оружіе было оставлено, слѣдовалъ только его дипломатъ Юнусъ и человѣка два старыхъ, сѣдыхъ мюрида. Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій, Шамиль слѣзъ съ коня и блѣдный, растерянный, озираясь по сторонамъ, остановился наконецъ въ 2—3 шагахъ предъ сидѣвшимъ на камнѣ княземъ Барятинскимъ, который окруженъ былъ всѣми почти генералами, многочисленной свитой, конвоемъ и сбѣжавшимися разноплеменными милиціонерами *).

Князь Барятинскій встрѣтилъ Шамиля слѣдующими словами: „Шамиль, ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь; те-

---

*) Сцена эта прекрасно изображена бывшимъ съ нимъ Мюнхенскимъ художникомъ Горшельтомъ въ большой картинѣ. Снимокъ съ уменьшенной фотографіи приложенъ къ этой главѣ.

перь я пріѣхалъ за тобой. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло, и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперь о тѣхъ условіяхъ уже и рѣчи нѣтъ; ты долженъ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно тебѣ ручаюсь, это за личную безопасность твою и всего твоего семейства. Для твоего сопровожденія я назначилъ моего адъютанта полковника Тромповскаго, и онъ употребитъ все, чтобы ты не терпѣлъ никакихъ лишеній и недостатковъ".

Волненіе Шамиля было такъ велико, онъ такъ растерялся, что его отвѣтъ насъ разочаровалъ. Мы ожидали чего нибудь достойнаго его ума, его трагическаго величія; но онъ силился лишь объяснить, что былъ Русскими обманутъ и потому не могъ довѣрять, что былъ вынужденъ къ осторожности (причемъ сдѣлалъ сравненіе неудобное для печати); наконецъ, что какъ и медъ, если его часто употреблять, надоѣдаетъ, такъ и все на свѣтѣ надоѣдаетъ, и ему уже надоѣли тридцать лѣтъ войны, что онъ радъ покончить все и жить теперь мирно....

Быть можетъ, онъ еще надѣялся, что его оставятъ жить гдѣ нибудь тутъ же на Кавказѣ, и потому онъ заговорилъ о надоѣвшей войнѣ, забывъ, что три дня тому назадъ писалъ: „сабля наострена, и рука готова".

Князь Барятинскій повторилъ ему вкратцѣ уже сказанное прежде, что условій никакихъ, а все зависитъ отъ милосердія Государя. Затѣмъ, поручивъ графу Евдокимову Шамиля, князь, сильно страдавшій припадками подагры (въ тотъ день онъ вынужденъ былъ принять усиленныя дозы Colchicum), уѣхалъ съ Гуниба въ Кегерскій лагерь. Съ графомъ Евдокимовымъ князь приказалъ остаться своему адъютанту графу Орлову-Давыдову и мнѣ. Для охраны семейства и имущества Шамиля въ аулъ Гунибъ былъ введенъ баталіонъ. Наше путешествіе съ Шамилемъ длилось долго. Онъ останавливался дѣлать намазъ; ѣхали вообще очень тихо, особенно когда стемнѣло; дорога была обыкновенная, горная, узкая; кое-гдѣ только въ одинъ конь пробирались мы, зорко слѣдя за нашимъ знаменитымъ плѣнникомъ, чтобы что-нибудь не случилось съ нимъ (его могъ какой-нибудь мститель-го-

рецъ застрѣлить). Мы стали приближаться къ лагерю уже поздно ночью. Для Шамиля была приготовлена особая палатка, устланная коврами. Князь Александръ Ивановичъ прислалъ ему прекрасную медвѣжью шубу. Вся прислуга князя бросилась туда съ чаемъ и другими угощеніями, такъ что Александръ Ивановичъ долго не могъ дозваться своихъ людей.

Назначенный къ Шамилю въ качествѣ переводчика Алибекъ Пензулаевъ, подполковникъ изъ Кумыковъ, оказывалъ ему знаки самаго почтительнаго вниманія, утѣшалъ и успокаивалъ его на счетъ будущаго. Шамиль былъ увѣренъ, что его обманываютъ, что его вѣроятно казнятъ; но пріемъ въ лагерѣ и увѣреніе Алибека его видимо успокоили: онъ написалъ записку къ своему семейству, чтобы объ немъ не безпокоились и на другой день пріѣзжали къ нему.

26 Августа, въ день коронаціи, было отслужено молебствіе. При пушечной пальбѣ и восторженныхъ кликахъ войскъ, главнокомандующій благодарилъ ихъ за вчерашній подвигъ, за всю службу, увѣнчавшуюся такимъ блистательнымъ успѣхомъ. Въ приказѣ по арміи важное событіе было возвѣщено лаконически: „Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну. Поздравляю Кавказскую армію". А къ Государю отправлена съ подполковникомъ Граббе депеша, такъ кстати подоспѣвшая къ тезоименитству 30 Августа.

27 числа, Шамиля, конвоируемаго баталіономъ пѣхоты и дивизіономъ драгунъ, отправили въ Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ семейство его было оставлено, а онъ съ старшимъ сыномъ увезенъ въ Петербургъ. Послѣ отъѣзда съ Гуниба, Шамиль видимо успокоился и былъ въ хорошемъ расположеніи духа. По пути многіе мирные туземцы цѣловали ему руки, а женщины плакали. Такимъ ореоломъ пользовался онъ—представитель Ислама, борющагося противъ невѣрныхъ, и чѣмъ дальше отъ сцены его дѣйствій, тѣмъ больше было обаяніе. Это и понятно: тамъ, въ горахъ, тяжесть войны и гнетъ терористическаго правленія довели населеніе до отчаянія и озлобленія; а здѣсь, среди мирныхъ туземцевъ, не несшихъ тягостей и даже извлекавшихъ выгоды изъ войны: выгоды не только матеріальныя, но и политическія,—ибо мы по обстоятельствамъ оставляли ихъ свободными отъ всякихъ

повинностей, налоговъ и вообще сквозь пальцы смотрѣли на всѣ ихъ дѣйствія...

Сопровождавшій Шамиля покойный Тромповскій писалъ князю уморительныя Нѣмецкія письма съ дороги, разсказывая всякія подробности о путешествіи знаменитаго плѣнника. Въ Кутиши, въ домѣ полков. Лазарева, Шамиль увидѣлъ на стѣнѣ портретъ Государя и хотѣлъ его поцѣловать, но не могъ достать. Въ Дженгутаѣ, послѣ неосторожной ѣды, онъ жаловался на боль въ животѣ; всѣ жители тотчасъ заподозрили насъ въ отравленіи Имама.... Онъ однако принялъ отъ нашего доктора какія-то капли и боль вскорѣ прошла. Въ Кумтуръ-Кале выѣхало на встрѣчу поѣзда изъ Петровска много любопытныхъ, особенно дамъ; онѣ угощали Шамиля чаемъ и сладостями; онъ былъ весьма любезенъ, а при прощаніи просилъ подарить ему зонтикъ, который онъ забылъ захватить съ Гуниба; дамскаго зонтика не принялъ, хотя разсыпался въ благодарностяхъ. Въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ пришлось всѣхъ, съ Шамиля начиная, одѣть и обуть; онъ очень заботился о своемъ туалетѣ и пожелалъ имѣть непремѣнно бѣлую черкеску; съ удовольствіемъ принималъ посѣщенія дамъ, сталъ рѣже дѣлать намазъ.... Когда же усѣлись въ дормёзъ для дальнѣйшаго путешествія въ Москву, то выразилъ большое удовольствіе экипажемъ, а когда Тромповскій сказалъ, что этотъ экипажъ уже давно стоялъ въ его ожиданіи, онъ разсмѣялся....

28 числа главнокомандующій выѣхалъ изъ отряда чрезъ Ходжалъ-Махи въ Кутиши, гдѣ и ночевалъ у полковника Лазарева, а 29 чрезъ Акушу въ Дешлагаръ и Дербентъ, почтовымъ трактомъ въ Тифлисъ. Вездѣ на пути князя встрѣчали депутаціи съ поздравленіями, адресами, торжествомъ, а 5-го Сентября въ Тифлисѣ встрѣча была дѣйствительно достойная великаго дѣла, совершеннаго княземъ Барятинскимъ. У временныхъ тріумфальныхъ воротъ на Авлабарѣ толпились массы народа, городской голова произнесъ рѣчь, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ усыпали путь цвѣтами, восторженное ура, звуки зурны, колокольный трезвонъ сливались съ гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ изъ Метехскаго замка. Прекрасная погода, яркое южное солнце, блестящая каваль-

када,—все было въ высшей степени эфектно. Признаюсь, самъ участвуя въ этомъ въѣздѣ, я испытывалъ трудно передаваемое чувство удовлетвореннаго честолюбія. Что же долженъ былъ чувствовать самъ виновникъ торжества?... *) Вообще, едва ли гдѣ нибудь можно устроивать такія блистательныя торжества, какъ въ Тифлисѣ: мѣстность, разнообразіе племенъ, ихъ нарядовъ, вооруженія и проч., все это ничѣмъ незамѣнимо. Вечеромъ была прекрасная иллюминація; всѣ горы кругомъ были усѣяны огнями въ видѣ звѣздъ и т. п., а въ театрѣ было представленіе gala: взвилась занавѣсь, и глазамъ представилась картина, изображавшая женщину въ видѣ славы, съ вензелями имени князя Барятинскаго по бокамъ. При входѣ виновника торжества въ ложу, раздался оглушительный кликъ ура всей поднявшейся съ мѣстъ публики. Нѣтъ сомнѣнія, эта была одна изъ лучшихъ минутъ въ жизни князя...

На слѣдующій день Грузинское дворянство давало въ честь князя балъ въ саду Муштаида. Ярко освѣщенныя площадки и аллеи виноградныхъ лозъ блистали множествомъ прекраснѣйшихъ женщинъ и блестящихъ военныхъ мундировъ, оживленіе было чрезвычайное; все толпилось кругомъ князя Александра Ивановича, желая выказать ему свое высокое уваженіе, можно сказать, удивленіе къ совершенному подвигу. Не слѣдуетъ забывать, что не болѣе двухъ-трехъ мѣсяцевъ передъ тѣмъ никто и не допускалъ возможности такихъ успѣховъ....

А виновникъ всѣхъ этихъ торжествъ, какъ на зло, именно въ эти минуты терзался сильнѣйшими припадками подагры и съ напряженіемъ всей силы воли старался скрыть ихъ предъ ликующей толпой.... На другой день послѣ бала онъ вынужденъ былъ слечь въ постель, которая и приковала его болѣе чѣмъ на два мѣсяца.

Государь, получивъ депешу о плѣнѣ Шамиля и отправкѣ его въ Петербургъ, пожаловалъ князю Барятинскому

*) Кахетинское дворянство въ знакъ особой признательности поднесло князю въ подарокъ ружье царя Ираклія, съ которымъ онъ не разлучался во всѣхъ своихъ походахъ противъ многочисленныхъ враговъ Грузіи. Ружье хранилось въ семьѣ князей Абхазовыхъ и береглось ими какъ святыня. А. З.

орденъ Андрея Первозваннаго съ мечами, при слѣдующемъ рескриптѣ:

8 Сентября 1859 года.

Отличною воинскою распорядительностью вашею даровано окончательное замиреніе Восточной части Кавказа. Доблестныя войска предводительствуемой вами арміи, сосредоточенныя подъ непосредственнымъ распоряженіемъ вашимъ въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ, совершили покореніе всѣхъ враждебныхъ намъ издавна горскихъ племенъ отъ Каспійскаго моря до Военно-Грузинской дороги. Главный виновникъ и вождь въ долговременной ожесточенной борьбѣ противъ насъ мюридизма, Шамиль, окруженный въ укрѣпленномъ Гунибѣ войсками, подъ личнымъ вашимъ начальствомъ состоявшими, взятъ съ боя въ плѣнъ со всѣмъ семействомъ и послѣдними приверженцами его. Отнынѣ предстоитъ вамъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными нашими гражданственной образованности и общественнаго благосостоянія. Желая почтить совершенный вами славный подвигъ и изъявить полную душевную нашу къ вамъ признательность, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена нашего Святаго Апостола Андрея Первозваннаго съ мечами, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію нашею навсегда неизмѣнно благосклонны и искренно доброжелательны“.

Грузинское дворянство, вмѣстѣ съ адресомъ князю Барятинскому, обратилось чрезъ Кавказскій Комитетъ къ Государю съ просьбою учредить въ память 25-го Августа въ Тифлисѣ годовой праздникъ и соорудить тріумфальную арку съ надписью: „Покорителю Восточнаго Кавказа благодарная Грузія“. Деньги должны были быть представлены дворянствомъ.

Вслѣдствіе этого предсѣдатель Кавказскаго Комитета, князь Орловъ сообщилъ генералъ-адъютанту князю Обельяну (15 Февраля 1860, № 246), что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его докладу, на означенное ходатайство дворянства изъявилъ свое согласіе, съ тѣмъ, чтобы 25-е Авгу-

ста считалось праздничнымъ днемъ только во всемъ Кавказскомъ краѣ. О внесеніи 25-го Августа въ число табельныхъ дней, для повсемѣстнаго празднованія во всемъ Кавказскомъ краѣ, сообщено министру юстиціи для предложенія Правительствующему Сенату *).

Былъ открытъ комитетъ изъ генералъ-губернатора, гражданскаго губернатора, губернскаго предводителя дворянства и городскаго головы; возникло по обыкновенію дѣло, переписка и проч.

Въ 1861 году, во время отсутствія больнаго князя Барятинскаго за границу, комитетъ этотъ съ большимъ торжествомъ праздновалъ 25-е Августа и 4 Октября послалъ князю слѣдующій отзывъ.

Ваше сіятельство князь Александръ Ивановичъ.

25-го минувшаго Августа происходило въ Тифлисѣ празднество двухлѣтія, совершившагося послѣ покоренія Восточнаго Кавказа, съ которымъ связано доблестное имя вашего сіятельства. Представители всѣхъ сословій края уже выразили чувства глубочайшей признательности къ великому подвигу желаніемъ соорудить въ Тифлисѣ постоянную тріумфальную арку, дабы увѣковѣчить память сего событія для грядущихъ поколѣній, сознавая конечно, что если произведеніе рукъ человѣческихъ подвержено могучему вліянію времени, то исторія, записавшая подвиги ваши на Кавказѣ, обезсмертитъ ваши дѣянія.

Имѣя высокую честь быть исполнителями воли народной, мы, какъ члены комитета для сооруженія тріумфальной арки, воспользовались днемъ 25 Августа, чтобы въ фотографическомъ снимкѣ сохранить картину торжества, происходившаго въ отсутствіи вашего сіятельства; оно было тѣмъ знаменательнѣе, что совершалось въ первый разъ у подножія Тифлисскаго арсенала, какъ бы напоминавшаго, что Кавказская армія отсюда снабжалась оружіемъ, громившимъ болѣе полувѣка твердыни Кавказа и наводившимъ ужасъ на враждебныя племена горъ, умиротворенныя нынѣ побѣдоносною рукою вашего сіятельства.

Проникнутый чувствомъ благоговѣйнаго воспоминанія о достославномъ событіи, одушевлявшемъ 25 Августа всѣ сословія Тифлиса, комитетъ для сооруженія тріумфальной арки имѣетъ честь почтительнѣйше поднести у сего вашему сіятельству помянутую картину фотографическаго снимка въ двухъ экземплярахъ, снятыхъ въ два различные момента. Подписали: за предсѣдателя генералъ-лейтенантъ Минквицъ; члены: Тифлисскій гражданскій губернаторъ К. Орловскій, Тифлисскій губернскій предво-

---

*) Празднуется ли этотъ день и до сихъ поръ на Кавказѣ? А. З.

дитель дворянства, гвардіи ротмистръ флигель-адъютантъ князь Орбеліани, за городскаго голову Е. Придоновъ".

Прошло семь лѣтъ, и Тифлисскій архивъ гражданскаго управленія обогатился двумя оффиціальными бумагами, изъ коихъ первая есть представленіе гражданскаго губернатора отъ 1-го Іюня 1867 г. № 29, начальнику главнаго управленія намѣстника Кавказскаго. Изъ этой бумаги явствуетъ, что комитетъ по сооруженію арки объявлялъ конкурсъ на представленіе ему проектовъ и изъ числа нѣсколькихъ избралъ проектъ архитектора Пакасевича. Между тѣмъ сперва между Грузинскимъ дворянствомъ, а послѣ и по всему Кавказу открыта была подписка на сооруженіе тріумфальной арки, и собрано было 4.349 рублей. Комитетъ заключилъ контрактъ съ архитекторомъ Райсомъ, объявившимъ цѣну за сооруженіе тріумфальной арки въ 28 т. р. и представившимъ требовавшійся на то залогъ. Для выдачи подрядчику Райсу задаточныхъ денегъ въ количествѣ пяти тысячъ рублей, комитетъ, не имѣя достаточно денегъ, обращался къ гражданскому губернатору съ просьбою выдать въ ссуду изъ суммъ намѣстника одну тысячу рублей, что̀ и было исполнено, съ требованіемъ возмѣщенія этихъ денегъ изъ суммъ, предполагавшихся къ поступленію по подпискѣ. Этимъ закончились дѣйствія комитета, и только по избраніи д. с. совѣтника Кипіани *) въ должность губернскаго предводителя дворянства, онъ составилъ записку, въ которой между прочимъ, объясняя непоступленіе денегъ по подпискѣ, предлагалъ 4 тысячи рублей, собранные на это сооруженіе, присоединить къ капиталу отдѣляемому дворянствомъ съ воспитательною цѣлью и изъ приращеній учредить двѣ стипендіи имени генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго.

Вторая бумага Тифлискаго архива есть отзывъ начальника главнаго управленія барона Николаи отъ 17-го Августа 1867 года, № 5.408-й, Тифлискому гражданскому губернатору.

---

*) Г. Кипіани не пользовался расположеніемъ кн. Барятинскаго, особенно по его дѣйствіямъ въ устройствѣ Мингреліи. Въ своемъ мѣстѣ объ этомъ будетъ изложено подробнѣе. А. З.

„Содержаніе отношенія вашего превосходительства отъ 1-го прошлаго Іюля за № 29 по сооруженію тріумфальной арки въ память покоренія Восточнаго Кавказа, я имѣлъ честь докладывать Великому Князю Намѣстнику, и Его Императорское Высочество, согласно предложенію вашему, изволилъ приказать существующій по этому комитетъ закрыть, предоставя Тифлисскому дворянству привести въ исполненіе это предложеніе собственными средствами“.

Въ оффиціальныхъ бумагахъ уже не писали объ аркѣ „въ честь покорителя Восточнаго Кавказа“, а „въ память покоренія“.

На свѣтѣ все измѣнчиво. Забывчивое равнодушіе къ заслугамъ, внезапные порывы и вскорѣ совершенное охлажденіе—явленія по преимуществу свойственныя Россіи...

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Отношеніе князя А. И. Барятинскаго военному министру отъ 27 Августа 1859 года. № 465. Главная квартира близъ аула Кегеръ.

Вчера я отправилъ въ Симферополь для передачи въ Петербургъ телеграфическую депешу о взятіи Гуниба и плѣненіи Шамиля.

Итакъ мюридизму нанесенъ послѣдній ударъ. Судьба Восточнаго Кавказа рѣшена окончательно. Послѣ 50-ти лѣтъ кровавой борьбы насталъ въ этой странѣ день мира.

Изъ предыдущаго отзыва моего, отъ 22 Августа № 379, вашему высокопревосходительству извѣстно, что я приказалъ прекратить безплодные переговоры съ Шамилемъ и приступить къ овладѣнію Гунибомъ.

Войска кругомъ Гуниба были расположены слѣдующимъ образомъ: на восточномъ фасѣ два баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка, съ 4-мя горными орудіями, подъ командою командира этого полка полковника Кононовича; на сѣверномъ фасѣ другіе два баталіона Ширванскаго полка, 1-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, одинъ баталіонъ Самурскаго полка, 5-ть сотенъ конно-иррегулярнаго полка и двѣ сотни конной милиціи, подъ начальствомъ г.-м. князя Тарханъ-Моуравова; на южномъ два баталіона Апшеронскаго полка, два батальона Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый батальонъ, подъ командою командира Апшеронскаго полка полковника Тергукасова; на западномъ фасѣ два батальона Дагестанскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ командира сего полка полковника Радецкаго.

Расположеніе это показано на прилагаемомъ планѣ Гуниба.

Командованіе означенными передовыми войсками и непосредственныя распоряженія инженерными работами я поручилъ генералъ-маіору Кесслеру, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля.

Въ тотъ же день генералъ-маіоръ Кесслеръ, осмотрѣвъ подробно мѣстность, приступилъ къ заготовленію туровъ, фашинъ, лѣстницъ, крючьевъ и другихъ принадлежностей для осады и штурма.

Осмотръ доступовъ на вершину горы обнаружилъ, что восточный скатъ ея, хотя слабѣйшій и доступнѣйшій по природнымъ условіямъ, представляетъ однакоже едва ли не самыя большія препятствія, потому что пути по немъ затруднены чрезвычайно крѣпкими искусственными преградами и бдительно охранялись большею частію Гунибскаго гарнизона. По этой причинѣ имѣлось въ виду предпринять рѣшительныя дѣйствія съ этого фаса только въ крайнемъ случаѣ, предпочитая имъ, если представится къ тому возможность, нападеніе съ котораго нибудь изъ остальныхъ 3-хъ фасовъ; а для отвлеченія вниманія осажденныхъ и чтобы заставить непріятеля быть въ постоянномъ ожиданіи рѣшительнаго наступленія нашего съ восточнаго фаса, приказано было полковнику Кононовичу постепенно подвигаться впередъ къ заваламъ этого фаса съ помощью осадныхъ работъ, производство которыхъ поручено инженеръ-капитану Фалькенгагену.

Въ ночь на 24-е число стрѣлки Ширванскаго полка, подъ огнемъ непріятеля, выдвинулись впередъ и расположились не въ дальнемъ разстояніи отъ заваловъ за камнями, помѣстивъ резервъ въ строеніяхъ брошеннаго непріятельскаго хутора.

Въ теченіе 24-го числа генералъ-маіоръ Кесслеръ объѣхалъ войска сѣвернаго фаса и сдѣлалъ распоряженія къ занятію въ слѣдующую ночь пунктовъ близъ скалистыхъ обрывовъ верхней части горы. Въ этомъ же смыслѣ отданы приказанія и войскамъ южнаго и западнаго фасовъ.

Предъ разсвѣтомъ 25 числа, по распоряженію начальника войскъ южнаго фаса полковника Тергукасова, командиръ 1-го баталіона Апшеронскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Егоровъ, подойдя къ скалистому обрыву и видя, что непріятель не замѣтилъ его движенія по причинѣ густаго тумана, рѣшился воспользоваться удобнымъ моментомъ повести баталіонъ далѣе на вершину горы. Мѣстность, заранѣе осмотрѣнная охотниками, представляла въ этомъ пунктѣ такія большія препятствія для нападенія, что осажденные, считая ее вѣроятно недоступною для насъ, содержали здѣсь только незначительный караулъ. Передъ нападающими какъ стѣны возвышались одинъ надъ другимъ три скалистыхъ крутыхъ обрыва, каждый отъ 8 до 10 саженей высоты, только въ одномъ мѣстѣ разсѣченные узкою поперечною трещиною.

130 охотниковъ, предводимыхъ капитаномъ Скворцовымъ и прапорщикомъ Кушнеревымъ, обутые въ лапти и поршни, съ лѣстницами и крючьями, подсаживая другъ друга, въ совершенной тишинѣ вскарабкались на террасу, отдѣляющую нижній обрывъ отъ втораго; вслѣдъ за ними дви-

нулся и баталіонъ, оставя стрѣлковую роту внизу на мѣстахъ, удобныхъ для обстрѣливанія верхнихъ уступовъ. Не останавливаясь на первой террасѣ, охотники, а за ними и баталіонъ, уже подъ огнемъ замѣтившаго ихъ непріятеля, съ помощію лѣстницъ и веревокъ взошли на вторую террасу и вслѣдъ затѣмъ на верхнюю плоскость Гуниба, гдѣ къ 6-ти часамъ утра собрался уже весь баталіонъ. Между тѣмъ охотники окружили непріятеля въ примкнутыхъ къ скаламъ завалахъ; 7 человѣкъ захватили въ плѣнъ, 15 убиты на мѣстѣ (въ числѣ убитыхъ находятся и три бывшія вооруженными женщины), а остальные скрылись, пользуясь туманомъ.

Вскорѣ затѣмъ подошли сюда еще двѣ роты 4-го баталіона того же полка, и тогда полковникъ Тергукасовъ двинулся къ самому селенію Гунибъ, находившемуся оттуда еще верстахъ въ 8-ми, и на дорогѣ соединился съ 21-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, который, имѣя въ головѣ охотниковъ подъ командою подпоручика Теріева, въ тоже время овладѣлъ съ боя крѣпкими непріятельскими завалами, правѣе занятыхъ Апшеронцами.

Одновременно и войска сѣвернаго фаса (верстахъ въ 15-ти отъ Апшеронцевъ) подъ личнымъ начальствомъ генералъ-маіора князя Тарханъ-Моуравова, съ такими же трудностями и съ такимъ же блистательнымъ мужествомъ поднялись на Гунибъ съ противоположной сѣверной покатости. Взойдя на высоты, князь Тарханъ-Моуравовъ направилъ шедшую въ головѣ стрѣлковую роту Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою подпоручика Микеладзе, и сотню конно-иррегулярнаго полка съ есауломъ Джафаръ-агою, а вслѣдъ за ними и весь гренадерскій баталіонъ подъ командою подполковника Габаева къ палаткѣ Шамиля и въ тылъ устроенныхъ на восточномъ скатѣ укрѣпленій, а послѣ въ обходъ аула.

Озадачные появленіемъ нашихъ войскъ съ разныхъ сторонъ, горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать отъ стѣнъ южнаго фаса вверхъ, преслѣдуемые съ низу выстрѣлами Ширванскихъ стрѣлковъ. Большая часть мюридовъ, въ томъ числѣ и самъ Шамиль съ сыновьями, бѣжали къ селенію Гунибъ и засѣли по саклямъ. Вслѣдъ за бѣгущими отъ стѣнъ мюридами полковникъ Кононовичъ двинулъ быстро вверхъ 1-й и 2-й Ширванскіе баталіоны съ 4-мя горными орудіями, а полковникъ Радецкій поднялся въ это время съ большимъ трудомъ съ западной стороны.

Между тѣмъ партія мюридовъ челов. до 100, изъ числа бѣжавшихъ въ разсыпную отъ укрѣпленій, отрѣзанная отъ аула, собралась на лѣсистомъ холмѣ, въ лѣво отъ ведущей къ аулу дороги и тамъ, засѣвши за камнями, открыла частую пальбу по подымавшимся снизу ротамъ Ширванскаго полка. Одна и вслѣдъ за ней другая рота этого полка были направлены, чтобъ выбить мюридовъ изъ-за камней.

Горцы, не видя никакого спасенія, выхватили шашки и кинжалы и бросились на встрѣчу Ширванцамъ; тутъ завязалась хотя непродолжительная, но жаркая и кровавая рукопашная схватка; сброшенные съ холма мюриды кинулись на стоявшій внизу у непріятельскаго орудія караулъ

нашъ, но преслѣдуемые съ тылу были отброшены внизъ къ небольшому ручью, гдѣ окружены со всѣхъ сторонъ и истреблены всѣ безъ исключенія.

Когда такимъ образомъ войска съ разныхъ сторонъ устремились къ аулу, генералъ-маіоръ Кесслеръ, имѣя въ виду приказаніе мое употребить всѣ усилія, чтобы Шамиль достался намъ живымъ въ руки, остановилъ натискъ войскъ, уже готовыхъ ворваться въ Гунибъ, и расположилъ ихъ такимъ образомъ, чтобы преградить защищавшимся въ аулѣ мюридамъ всѣ пути къ отступленію.

Въ это время я лично прибылъ вмѣстѣ съ командующимъ войсками въ Прикаспійскомъ краѣ на мѣсто боя и приказалъ остановить перестрѣлку съ засѣвшими въ Гунибѣ мюридами, предложивъ имъ сдаться, не подвергая напрасно аула (въ которомъ было много женщинъ и дѣтей) всѣмъ ужасамъ штурма. Послѣ переговоровъ, длившихся около двухъ часовъ, Шамиль, видя аулъ окруженный густою цѣпью войскъ, готовыхъ ворваться въ него, рѣшился сдаться. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ приближенныхъ мюридовъ онъ тутъ же явился ко мнѣ, повергая безусловно свою судьбу милосердію Государя Императора. Я приказалъ отвести его въ лагерь главной квартиры. На другой день прибыли сюда же два его сына и все семейство.

При овладѣніи Гунибомъ взято четыре орудія, одно крѣпостное ружье и Шамилевская сѣкира; въ плѣнъ захвачено около ста мюридовъ, и такое же число убито. Потеря съ нашей стороны заключается: въ 19 нижнихъ чинахъ и двухъ милиціонерахъ убитыхъ, 7 офицерахъ, 114 нижнихъ чинахъ и 7-ми милиціонерахъ раненыхъ. Контуженныхъ 2 офицера и 19 нижнихъ чиновъ.

Геройскій подвигъ овладѣнія Гунибомъ блистательно закончилъ рядъ безпримѣрныхъ подвиговъ, совершенныхъ въ послѣднее время славными войсками Его Императорскаго Величества, которыми я имѣю счастіе командовать. Я не нахожу достаточно словъ, чтобы достойно оцѣнить заслуги всѣхъ чиновъ отъ генерала до солдата. Они всѣ исполнили свой долгъ съ мужествомъ и самоотверженіемъ, ставящими ихъ выше всякой похвалы.

Теперь еще разъ могу повторить: полувѣковая война на Восточномъ Кавказѣ окончена; народы, населяющіе страну отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги, пали къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

Я сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ устройствѣ во всѣхъ новопокоренныхъ обществахъ нашего управленія и 28-го числа возвращаюсь въ Тифлисъ.

Съ сердечнымъ счастіемъ поспѣшаю сообщить обо всемъ этомъ вашему высокопревосходительству, для всеподданнѣйшаго доклада Его Императорскому Величеству.

Б. Письмо Великаго Князя Константина Николаевича.

Позволь отъ души обнять тебя, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, послѣ ряда подвиговъ, исполненныхъ тобою въ теченіе этого лѣта, не только славныхъ сами по себѣ, но, главное, по тѣмъ огромнымъ и прочнымъ послѣдствіямъ, которыя они будутъ имѣть и которыя ты съумѣешь изъ нихъ вывести. Ты уже составилъ тѣмъ твоему имени такое мѣсто въ нашей исторіи, которое ничто у тебя не отниметъ. Радуюсь, что ты получишь это письмецо именно въ Николаевѣ, гдѣ мы въ первый разъ съ тобой поближе сошлись, гдѣ я узналъ и научился цѣнить тебя. Нѣкоторые разговоры, которые мы тогда съ тобою тамъ имѣли, никогда не изгладятся изъ моей памяти. Я убѣжденъ, что ты увѣренъ, что никто болѣе меня не радовался твоему счастію и не гордился твоею славою.

Вчера былъ у насъ обычный Кавказскій Комитетъ, весьма сухой и неинтересный, потому что кромѣ обыкновенныхъ текущихъ дѣлъ тамъ почти что ничего не бываетъ. Съ нетерпѣніемъ жду, когда придетъ твое представленіе объ окончательномъ устройствѣ Общества для распространенія христіанской вѣры. Зная, какъ это дѣло тебѣ близко къ сердцу и какую огромную пользу ты съумѣешь изъ него вывести, я буду его поддерживать всѣми силами.

Впрочемъ у насъ все тихо и спокойно, и ничего особаго нѣтъ. По морской части внесено въ Государственный Совѣтъ представленіе о новомъ учрежденіи министерства и портовъ, которое есть плодъ пятилѣтней постоянной работы. Вообще все идетъ по этой части помаленьку впередъ къ извѣстной цѣли. Иное идетъ хорошо и легко, другое встрѣчаетъ большія или меньшія препятствія. Но безъ борьбы ничего достигнуть нельзя, и я отъ нея не отказываюсь.

Ну, прощай, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Обнимаю тебя еще разъ отъ души и отъ всего сердца желаю продолженія нашей дружбы.

22 Сентября 1859 г. Стрѣльна.

В. Письмо князя Барятинскаго Великому Князю Константину Николаевичу.

2 Ноября 1859 г. Тифлисъ.

Ваше Императорское Высочество.

Письмо Вашего Высочества, отъ 22-го Сентября, доставило мнѣ невыразимое счастіе. Я не могу найти достаточно словъ, чтобы высказать чувства моей искренней, душевной благодарности за такое вниманіе къ моимъ трудамъ, какимъ Ваше Высочество удостоиваете меня. Дѣйствительно, Всевышнему угодно было благословить оружіе храброй Кавказской арміи; усилія наши увѣнчались полнымъ успѣхомъ, и великія предначертанія Государя Императора приведены въ исполненіе. Счастливый достиженіемъ такихъ результатовъ, я вознагражденъ уже свыше мѣры Его Величествомъ; но милостивыя слова Вашего Высочества составляютъ для меня новую и драгоцѣнную награду.

Воспоминанія о Николаевѣ, въ которомъ я имѣлъ счастіе снискать особое расположеніе Вашего Высочества, запечатлѣны неизгладимо въ моей душѣ; но, къ сожалѣнію, письмо ваше я получилъ не тамъ, а въ Тифлисѣ, гдѣ послѣ возвращенія изъ Дагестана упорная болѣзнь приковала меня къ постели.

Благочестивое участіе ваше въ дѣлѣ учрежденія Общества возстановленія христіанской вѣры совершенно необходимо для осуществленія столь важнаго предположенія. При могущественномъ содѣйствіи Вашемъ оно, безъ всякаго сомнѣнія, окончится успѣшно. На этихъ дняхъ я представляю его въ Кавказскій Комитетъ и съ большимъ нетерпѣніемъ буду ожидать результата. Это дѣло въ настоящее время пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія мы теперь свободнѣе можемъ вносить слово Христа въ неприступныя доселѣ горы, незащищаемыя уже болѣе изувѣрствомъ фанатиковъ; а нѣсколько сотъ бѣглыхъ солдатъ-ренегатовъ, теперь раскаявшихся и водворенныхъ мною въ горахъ, принесутъ своимъ вліяніемъ и знаніемъ языка большую пользу.

Искренно радуюсь, что труды Вашего Высочества по морской части приносятъ благотворные плоды. Чѣмъ болѣе борьбы въ достиженіи цѣли тѣмъ, безъ сомнѣнія, болѣе заслуги для виновника ея достиженія, и такія заслуги, какъ ваши, на такомъ важномъ поприщѣ государственной дѣятельности, достойно оцѣнятся Отечествомъ.

Около половины Декабря, если здоровье мнѣ позволитъ, надѣюсь выѣхать отсюда въ Петербургъ для разрѣшенія нѣсколькихъ важныхъ вопросовъ, до устройства Кавказа относящихся. Тогда я буду имѣть счастіе лично вновь принести Вашему Высочеству безпредѣльную мою благодарность за лестное и дорогое вниманіе ваше.

Г. Письмо А. В. Головнина къ князю А. И. Барятинскому. (съ Французскаго).

Царское Село, 21 Сентября 1859 г.

Только что возвратились мы съ Великимъ Княземъ изъ Англіи, какъ пришли извѣстія о блестящихъ успѣхахъ, одержанныхъ вами на Кавказѣ. Отъ всего сердца поздравляю васъ, и позвольте выразить вамъ, что всѣ истинные потріоты, съ которыми я говорилъ объ этихъ успѣхахъ, глубоко вамъ благодарны за Россію. Вы начертали ваше имя въ исторіи крупными буквами и прибавили блестящую страницу къ исторіи царствованія Императора. Разумѣется, онъ *поздравляетъ себя* съ тѣмъ, что выбралъ васъ своимъ намѣстникомъ. Беру на себя смѣлость напомнить вамъ о письмѣ, которое я написалъ вамъ изъ Парижа, получивъ извѣстіе о вашемъ назначеніи. Думаю, что я предвидѣлъ то благо, которое оно принесетъ Россіи и ту славу, которая прибавится къ настоящему царствованію. Что болѣе всего наполняетъ удивленіемъ, это то, что, одерживая блестящія побѣды на полѣ сраженія, намѣстникъ Кавказа занимался своимъ гражданскимъ управленіемъ; я съ глубокимъ вниманіемъ читалъ въ Палермо уставъ, который вы прислали Великому Князю относительно учрежденія внутренней администраціи страны.

Большое путешествіе Великаго Князя въ Іерусалимъ, Грецію и въ Турцію было очень интересно, но не на столько полезно, какъ этого ожидали, въ особенности если подумать обо всѣхъ расходахъ, которые оно причинило Россіи, Греціи, Турціи и Греческому духовенству. Мы получили уполномочіе посѣтить эти страны за нѣсколько дней до отъѣзда, что дѣлало невозможнымъ предварительное изученіе, серьезное чтеніе и т. д. Мы оставались въ Палестинѣ всего 10 дней, въ Греціи 10 и въ Турціи 10, что едва достаточно, чтобы имѣть понятіе объ этихъ странахъ, но чтобы ихъ изучить слишкомъ мало. Мы посѣтили эти мѣста, когда сезонъ уже былъ въ концѣ и жары становились невыносимыми, что уменьшало также возможность посвятить время изученію. Вотъ почему это путешествіе, стоющее такъ дорого, не принесло результатовъ, какихъ можно было бы ожидать. Надо отдать справедливость необыкновеннымъ способностямъ Великаго Князя и его памяти: имѣя слишкомъ мало времени, чтобы читать о странахъ, которыя онъ обозрѣвалъ, онъ много наблюдалъ и многое удержалъ въ памяти.

Послѣ короткаго пребыванія въ Петербургѣ, мы уѣхали въ Англію. Это новое путешествіе, продолжавшееся всего шесть недѣль, было очень полезно. Великій Князь ѣхалъ въ Англію на «Свѣтланѣ", фрегатѣ, построенномъ по новой системѣ во Франціи и возвратился на прекрасномъ фрегатѣ „Генералъ-Адміралъ", построенномъ въ Америкѣ. Проведя по восьми дней на каждомъ изъ нихъ, онъ подробно ихъ изучилъ. Морскія ванны принесли ему пользу. Онъ два раза обѣдалъ въ Осборнѣ

у королевы, гдѣ былъ принятъ очень привѣтливо, и самъ убѣдился, что донесенія нашихъ дипломатовъ относительно нерасположенія Англичанъ къ намъ по меньшей мѣрѣ преувеличены, такъ какъ Англійскій народъ повсюду встрѣчалъ Великаго Князя съ большимъ уваженіемъ. Его Высочество отправился въ Лондонъ осмотрѣть броненосные фрегаты, которые строитъ Англійское правительство и никому не показываетъ. Онъ провелъ четыре часа въ Англійскомъ банкѣ, который ему показали въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ кладовыхъ банка мы видѣли наши полуимперіалы на сумму 18 милліоновъ рублей, что́ меня крайне опечалило.

Я отъ того говорю вамъ съ такою откровенностью о Великомъ Князѣ, что знаю ту истинную дружбу, которую вы къ нему питаете, и вотъ почему я хочу, чтобы вы знали, что, несмотря на полученное мною повышеніе въ званіе государственнаго секретаря, я не покидаю Великаго Князя, но занимаюсь съ нимъ лишь серьезными дѣлами, свободный отъ массы мелкихъ канцелярскихъ дѣлъ, отнимавшихъ у меня ежедневно нѣсколько часовъ.

Возвратясь въ Петербургъ въ началѣ этого мѣсяца, мы нашли много утѣшительнаго во внутреннемъ управленіи: цѣлая система финансовыхъ мѣръ, придуманныхъ Рейтерномъ, утверждена Императоромъ; работы по освобожденію крестьянъ подвигаются, и надо отдать справедливость комитетамъ Ростовцова, которые занимаются дѣломъ очень добросовѣстно.

Д. Письмо графа П. Д. Киселева къ князю Барятинскому (съ Французскаго).

Парижъ, (28 Октября) 9 Ноября 1859 г.

Князь Горчаковъ передалъ мнѣ карту Кавказа съ описаніемъ восточнаго берега Чернаго моря. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить вамъ искреннюю благодарность за эту присылку, дополняющую всѣ мои данныя о странѣ, которую вы упрочили за Имперіею. Искренно поздравляю васъ съ этимъ успѣхомъ; я давно предугадывалъ подобный результатъ, котораго ваша неуклонная твердость во всѣхъ отношеніяхъ заслужила. Желаю, чтобы ваша славная карьера съ такимъ же успѣхомъ шла впередъ во имя чести нашего оружія и славы нашего возлюбленнаго Монарха. Мнѣ остается только прибавить, что во Франціи съ глубокимъ интересомъ слѣдили за побѣдами Кавказской арміи, и я думаю, съ большею симпатіею нежели ихъ сосѣди по ту сторону Ла-Манша. Но, что́ бы они ни говорили, побѣда очевидна, и оцѣнка ея не можетъ быть умалена.

Продолжайте, дорогой князь, пользоваться плодами вашей прекрасной побѣды, и вы прибавите къ исторіи нашего общаго Отечества еще одну блестящую страницу. Считаю себя счастливымъ, что могу воспользоваться случаемъ не для того, чтобы передать вамъ свои обычные привѣты, но чтобы выразить тѣ чувства, которыми я проникнутъ къ вамъ и которыя должны быть раздѣлены каждымъ Русскимъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СЛОВА „КОРМЛЕНІЕ".

Въ 1-ой книжкѣ «Русскаго Архива» за текущій годъ помѣщена любопытная статья Д. И. Иловайскаго «Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго». На стр. 9-ой между прочимъ сказано: «первыя дѣйствія нашихъ воеводъ противъ мятежниковъ были не всегда удачны; силы, оставленныя въ Казани и Свіяжскѣ, оказались недостаточны для укрощенія всего края. Въ Москвѣ на первое время не обратили должнаго вниманія на его трудное положеніе, и лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ Государь во время своей поѣздки по монастырямъ поручилъ «о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти» (т. е. о раздачѣ кормленій въ награду служилымъ людямъ за покореніе Казани). Бояре эти «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша».

Въ этомъ случаѣ слову *кормленіе,* очевидно, приданъ современный намъ смыслъ *питанія, эксплуатаціи въ свою личную, частную пользу.* Я знаю, что г. Иловайскій далеко не первый впалъ въ эту ошибку: такъ напр. покойный профессоръ С. М Соловьевъ такъ же понималъ это слово. Но это не вѣрно.

Кормленіе, на старинномъ языкѣ, значитъ *правленіе.* Дать кому либо городъ или область «*въ кормленіе*» значитъ поручить ему управленіе этой мѣстностью или, какъ сказали бы теперь, сдѣлать его губернаторомъ. Бояре «*начаша о кормленіяхъ сидѣти*»—значитъ: бояре стали совѣщаться объ устройствѣ управленія вновь завоеваннымъ царствомъ.

Передняя часть корабля, которая даетъ *направленіе* всему судну, называется *корма* или *кормило.*

Человѣкъ *управляющій* кораблемъ называется *кормчій.*

Книга, сборникъ законовъ объ *управленіи* церковью, называется *Кормчая книга.*

Всѣ эти слова: корма, кормило, кормчій, кормчая книга, несомнѣнно одного корня со словомъ *кормленіе;* но въ нихъ очевидно нѣтъ ничего общаго съ понятіемъ о *питаніи,* объ *эксплуатаціи* въ свою

личную, частную пользу, и всѣ они прямо указываютъ на понятіе объ *управленіи*.

Изъ принадлежащихъ мнѣ старинныхъ, родовыхъ грамотъ я приведу здѣсь четыре. Двѣ первыя чуть ли не самыя древнія изъ извѣстныхъ до сихъ поръ, въ которыхъ встрѣчается слово *кормленіе*.

1.

Се язъ князь великій, Василей Івановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Бориса Яковлевича Голохвастова Числяки да Ордынцы съ пятномъ и со всѣми пошлинами въ кормленіе, по тому жъ какъ было за намѣстникомъ за Московскимъ за княземъ Даниломъ Васильевичемъ. И вы всѣ люди Числяки да Ордынцы чтите его и слушайте; а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего *).

(Писано на листкѣ длиною $5\frac{1}{2}$, шириною $3\frac{3}{4}$ вершка. На оборотѣ вверху подпись: «Князь Великій Василей Івановичъ всеа Русіи». Въ концѣ, на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, совершенно сохранившаяся).

2.

Се язъ князь великій, Іванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Игнатья Борисовича Голохвастова городкомъ Шуею съ правдою и съ пятномь и съ корчмою въ кормленіе. И вы всѣ люди того городка чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было преже сего. А кто по кого взведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца того города, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ ставитъ передъ Игнатьемъ или передъ его тіуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Игнатьемъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцевъ передъ Игнатьемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ князь великій велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

(Писано на листкѣ длиною въ $6\frac{3}{4}$, шириною въ 3 вершка. Въ концѣ, на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, совершенно сохранившаяся. На оборотѣ двѣ надписи; первую (очевидно подпись имени великаго князя) отъ побѣлѣвшихъ чернилъ трудно разобрать; другая очень хорошо сохранившаяся: «Городъ Шую съ правдою и съ пятномъ и съ корчмою на другой годъ отъ оспожнина лѣта ѕн осмаго до оспожнина дни лѣта ѯн девятаго», и другой рукой въ строку: «А подписалъ царя и великаго князя діакъ Іванъ Выдоровъ 7056 (1548)».

*) Сохранены здѣсь и ниже только характерныя особенности въ правописаніи подлинниковъ. П. Б.

3.

Се язъ царь и великій князь Іванъ Васильевичъ, всеа Русіи, пожаловалъ есми Івана Борисовича Голохвастова Пунемою и Шубачемъ и Вещь-озеромъ подъ Григорьемъ Семеновымъ сыномъ Плещеева въ кормленіе. И вы всѣ люди тое волости чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежъ сего. А кто по кого взведетъ моего царя и великаго князя пристава, а будутъ оба исца тоё волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ ево тіуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ царь и великій князь велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

(Писано на листкѣ длиною въ $5^1/_4$, шириною въ $3^1/_4$ вершка. Наоборотѣ вверху: «царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси». Въ концѣ на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, которой уцѣлѣла только половина, съ изображеніемъ хорошо видимымъ на обѣихъ сторонахъ).

4.

Се язъ царь и великій князь, Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи, пожаловалъ есми Рахманина Борисовича Голохвастова Троецкою третью и Заозерье подъ Іваномъ подъ Замыцкимъ въ кормленіе и со всѣмъ по тому, какъ было за Іваномъ. Писанъ лѣта ҂зѯа Мая въ д. 7061 (1553).

(Писано на листкѣ длиною въ $4^1/_4$, шириною въ $3^1/_4$ вершка. На оборотѣ вверху: «царь и велики князь Иванъ Васильевичъ всеа Руси». Въ концѣ, на загибѣ края, привѣшена, на красномъ шелковомъ снуркѣ, красновосковая государственная печать, вполнѣ сохранившаяся).

*

Въ первой изъ этихъ грамотъ не названъ никакой городъ, ни область, ни вообще какая-либо отдѣльная мѣстность, изъ чего слѣдуетъ, что она имѣла силу на пространствѣ всей тогдашней Россіи. Если, какъ я утверждаю, *кормленіе* значитъ *управленіе*, то смыслъ этой грамоты состоитъ въ томъ, что великій князь Василій Ивановичъ поручилъ Борису Голохвастову управленіе прямыми налогами; а въ этомъ нѣтъ ничего не только невозможнаго, но даже невѣроятнаго. Такая должность могла быть возложена только на человѣка уже заслужившаго довѣріе государя; но Борисъ Голохвастовъ такимъ до-

вѣріемъ несомнѣнно пользовался: еще въ 1509 г. онъ былъ посломъ у короля Сигизмунда, съ поклономъ отъ великаго князя и съ грамотой о порубежныхъ дѣлахъ. Въ 1515 г. онъ посланъ въ товарищахъ съ посломъ Васильемъ Коробовымъ къ Селимъ-Шахъ-Салтану въ Царь - Градъ а въ 1519 году отправленъ посломъ къ тому же Салтану. Если же признать, что г. Иловайскій вѣрно толкуетъ слово *кормленіе*, то надо допустить чудовищную мысль, что *кормленіе* одного Бориса Яковлевича Голохвастова обходилось Россіи дороже, чѣмъ Татарская дань. *Ордынцами*, какъ извѣстно, назывались тѣ, кто платилъ особый, прямой государственный налогъ, изъ совокупности котораго составлялась*) дань Золотой Ордѣ; а Борисъ Голохвастовъ получилъ въ кормленіе не только всѣхъ людей Ордынцевъ, но и всѣхъ *Числяковъ «со всѣми пошлинами»*, да еще *«съ пятномъ»* (штемпельнымъ сборомъ). Похоже ли это на Москву XVI вѣка?

Сыновья Бориса Яковлевича, Игнатій, Романъ (Рахманъ) и Иванъ никогда не занимали особенно-виднаго положенія среди Московскаго служилаго люда. Въ одной изъ принадлежащихъ мнѣ грамотъ Ивана Васильевича, отъ 1546 года, Романъ названъ *Кубенскимъ волостелемъ*; Иванъ въ разныхъ походахъ показанъ стрѣлецкимъ головой, и всѣ трое поименованы по городу Ярославцу въ грамотѣ царя и в. к. Ивана Васильевича 1550 г. о поверстаніи помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, *лучшихъ слугъ*, тысячи человѣкъ, землями въ 60—70 верстахъ отъ Москвы (Древн. Р. Вивл., изд. 2, ч. VIII, стр. 29).

Если даже дѣтямъ боярскимъ, хотя бы и *лучшимъ слугамъ*, но которые все-таки считались *тысячами*, давались въ кормленіе, т. е. въ частное, личное пользованіе, такіе города, какъ Шуя и цѣлыя области со всѣми государственными доходами, *«съ правдой, съ пятномъ и съ корчмой»*, то для удовлетворенія той же потребности въ кормленіи у людей гораздо болѣе знатныхъ и властныхъ, какъ бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и пр. не хватило бы и всей Россіи, а на нужды государства и на самого царя вовсе ничего не осталось бы.

Г. Иловайскій замѣчаетъ, что кормленія раздавались служилымъ людямъ *въ награду* за услуги. Въ извѣстномъ смыслѣ, это конечно вѣрно; вѣдь и теперь, когда Государь жалуетъ кого либо министромъ, сенаторомъ, губернаторомъ и проч., онъ даетъ ему не синекуру, не средство для личнаго обогащенія, а должность, государственную службу; но это дается не кому попало, а только тѣмъ, кто прежней службою уже доказалъ свои способности и усердіе, т. е. заслужилъ такое пожалованіе. Такъ было и въ XVI вѣкѣ, хотя въ ту пору государственная служба была пожизненно обязательна для каждаго дворянина.

*) Т. е. нѣкогда, ибо въ XVI вѣкѣ этой дани уже не было. П. Б.

Въ нашемъ современномъ, разговорномъ и литературномъ языкѣ есть много очень обыкновенныхъ, употребительныхъ словъ, которыя существовали и пять-шесть вѣковъ тому назадъ, но имѣли тогда совершенно другой смыслъ. Такихъ словъ, не говоря о другихъ источникахъ, по одному Славянскому тексту Евангелія легко насчитать до полусотни. Укажу здѣсь на нѣсколько примѣровъ.

1. *Воръ.* Теперь воромъ можно назвать только виновнаго въ кражѣ; болѣе важный преступникъ, напр. убійца, если онъ ничего не укралъ, все таки не воръ. Въ старину виновный въ кражѣ назывался *тать*, а *воръ*—значило преступникъ; поэтому всякій убійца, измѣнникъ—воръ; кн. Курбскій—воръ; самозванецъ Тушинскій—воръ.

2. *Отказъ, отказать* не значило какъ теперь *refuser*, *ausschlagen*, а значило *отвѣчать, дать отвѣтъ.* Такъ напр. в. к. Иванъ Васильевичъ III приказалъ послу своему кн. С. И. Ряполовскому молвити князю Александру Литовскому: «Іоаннъ, Божіею милостію государь всеа Руси и великій князь, тебѣ великому князю Александру, брату своему и зятю, велѣлъ говорити: съ Божіею волею сталось межи насъ братство и любовь и свойство. Ино пригожъ мнѣ къ твоей матери и къ твоей братьѣ послати съ поминки, и ты бы ко мнѣ *отказалъ*, какова къ тебѣ твоя мати и братья твои съ тобою въ любви ли. Что твоя мысль про то, какъ тому быти, ко мнѣ бы еси о томъ *отказалъ*». (Дѣла Польск. № 1, стр. 416).

3. *Отвѣчать, отвѣщать,* не значитъ *répondre*, *antworten*, а только *сказать, говорить.* По современному смыслу этого слова можно *отвѣчать* только тому, кто самъ способенъ говорить, а по старинному *отвѣщать* можно и неодушевленному предмету. Іисусъ не нашелъ плодовъ на смоковницѣ: «*И отвѣщавъ рече ей*» (Ев. отъ Марка, гл II, ст. 14).

4. *Хотѣть* не значитъ *желать, вожделѣть*, *vouloir*, *désirer*, *wollen*, *wünschen*: «Сотнику же нѣкоему рабъ болѣ злѣ, *хотяше умрети*»... (Маркъ, гл. 7, ст. 2); это очевидно не значитъ *желалъ*, а *долженъ былъ* умереть.

5. *Разумѣть* значитъ *чувствовать, ощущать*, хотя бы только физически: «и *разумѣ тѣломъ*, яко исцѣлѣ отъ раны». (Маркъ, гл. 6, ст. 29).

6. *Годъ* теперь значитъ опредѣленный періодъ времени въ 12 мѣсяцевъ; въ старину это понятіе передавалось словомъ *лѣто*, а *годъ* значило *время*, которое могло быть и долго, и коротко: «по обычаю священничества, ключися ему покадити вшедъ въ церковь Господню. И все множество людей бѣ молитву дѣя внѣ, *въ годъ ѳуміама*». (Лука, гл. 1, ст. 10). Поэтому *иногда* не противуположно слову *всегда*; *иногда* значило *въ иное время, прежде*: «Ведоша же его къ Фарисеомъ, иже

бѣ *иногда слѣпъ*» (Іоаннъ, гл. 9, ст. 13). Въ производныхъ словахъ и теперь еще слово *годъ* по старинному значитъ *время*; такъ *погодить* не значитъ *отложитъ на годъ*, а только *повременить*, хотя бы нѣсколько минутъ.

7. *Правда* теперь значитъ die Wahrheit, la vérité, истина; въ старину это значило: *судъ*, *правосудіе*; поэтому и *кормленіе* давалось «*съ правдой*» т. е. съ обязанностью и правомъ суда, какъ одной изъ функцій правленія. «Яко аще не избудетъ *правда* ваша паче книжникъ и фарисей»... (Матѳ. гл. 5, ст. 20); по латыни: Nisi abundaverit vestra *justicia* amplius quam illa scribarum et pharisaeorum; по французски: si votre *justice* ne surpasse... по нѣмецки: Es sei denn eure *Gerechtigkeit* besser...

8. *Зима* не значитъ, какъ теперь, три мѣсяца въ году, а вообще *холодъ*, *стужа*, которые могутъ быть и лѣтомъ. «Днесь зима, чермнуетбося дряселуя небо» (Матѳ. гл. 16, ст. 3), по латыни: *Hodie erit tempestas*, по французски: *de l'orage*, по нѣмецки: *Ungewitter*.—«*Слуги огнь сотворше, яко зима бѣ*» (Іоаннъ, гл. 18, ст. 18). По лат. «quia *frigus* erat»; по франц. «parce qu'il faisait froid», по нѣмец. «denn es war kalt».

*

Ошибка всегда и вездѣ возможна, даже для самыхъ ученыхъ людей, и если бы невѣрно истолковывалось другое слово, это могло бы не имѣть значенія; но тутъ искажается весь смыслъ нашей исторіи. Если бы *лучшіе слуги* дѣйствительно заботились прежде всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а государственныя дѣла откладывали; если бы наши Московскіе великіе князья и цари, послѣ стольких усилій и такихъ жертвъ народной кровью, не умѣли сдѣлать ничего лучшаго изъ вновь завоеваннаго царства, какъ отдать его на растерзаніе этимъ алчнымъ боярамъ: то не доросло бы Московское княжество до размѣровъ Россіи.

Д. Голохвастовъ.

ПО ПОВОДУ НЕВѢРНАГО ПОКАЗАНІЯ О ГЕНЕРАЛѢ ФАДѢЕВѢ.

Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива" за прошлый 1888-й годъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій", на страницѣ 238-й, по поводу извѣстнаго письма въ отвѣтъ на письмо Н. Н. Муравьева къ Ермолову, сказано: „Общая молва гласила, что письмо было составлено въ кабинетѣ князя Барятинскаго Мирскимъ при содѣйствіи Ростислава Фадѣева (онъ тогда былъ въ Тифлисѣ при начальникѣ штаба и *вскорѣ высланъ* въ батарею въ крѣп. Воздвиженскую), и всѣ этому вѣрили".

Изъ словъ этихъ можно заключить, что Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ высланъ начальникомъ штаба княземъ Барятинскимъ въ батарею за какую нибудь провинность. Показаніе это совершенно неправильно. Ничего подобнаго не было, и никто его въ батарею не высылалъ. Не говоря уже о томъ, что при расположеніи князя А. И. Барятинскаго къ Фадѣеву этого никакъ не могло случиться, но Фадѣевъ въ это время (1855 г.) *вовсе въ батарею не ѣздилъ.* Онъ пріѣхалъ изъ батареи въ Тифлисъ 24-го Декабря 1852-го года; въ Февралѣ 1853-го прикомандированъ къ начальнику артилеріи въ Тифлисѣ, гдѣ и остался; 23-го Сентября того же 1853-го года причисленъ состоять при князѣ Бебутовѣ, который, при открытіи военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, былъ назначенъ командовать дѣйствующимъ корпусомъ въ Александрополѣ, куда Фадѣевъ съ нимъ и отправился. Два раза онъ пріѣзжалъ оттуда не надолго въ Тифлисъ къ роднымъ: въ концѣ Января 1854 года (вмѣстѣ съ княземъ Бебутовымъ) и въ концѣ Сентября. Въ 1855 г., по прибытіи въ край главнокомандующаго Н. Н. Муравьева, Фадѣевъ былъ отправленъ имъ въ началѣ Апрѣля по особо-важному порученію въ Севастополь, гдѣ пробылъ мѣсяцъ, а по возвращеніи въ Тифлисъ черезъ недѣлю отправленъ курьеромъ въ Александрополь и тамъ состоялъ при Муравьевѣ. За нѣсколько дней до сдачи Карса Фадѣевъ, не предвидя болѣе военныхъ дѣйствій и раздосадованный нѣсколькими неумѣстными выходками Муравьева, отпросился возвратиться въ свою батарею и 19-го Ноября пріѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ пробылъ до 19 Мая 1856-го г., и *тогда* только поѣхалъ въ батарею. Въ Сентябрѣ того же 1856-го г. онъ получилъ изъ Москвы предписаніе отъ новаго намѣстника князя А. И. Барятинскаго пріѣхать въ Тифлисъ къ прибытію его, а въОктябрѣ вторичное приказаніе объ этомъ же, вслѣдствіе чего 22 Октября 1856 г. Фадѣевъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, пробывъ въ батареѣ пять мѣсяцевъ.

Изъ всего этого неопровержимо явствуетъ, что Р. А. Фадѣевъ, выѣхавъ изъ своей батареи на линіи въ Декабрѣ 1852 г. и пробывъ въ Тифлисѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій до 19 Мая 1856 г., находился въ отсутствіи изъ батареи ровно 3 года и 6 мѣсяцевъ безъ 5 дней, и стало быть въ 1855 г. онъ никакъ не могъ быть *вскорѣ высланъ въ батарею въ крѣпость Воздвиженскую.* Все выше изложенное можетъ быть несомнѣнно доказано документами, понынѣ хранящимися въ семействѣ покойнаго Р. А. Фадѣева, также какъ и въ дневникѣ его отца.

Надежда Фадѣева.

ИЗЪ ДНЕВНИКА и ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1853-й годъ.

Наступаетъ новый, важный періодъ всемірной исторіи, въ которомъ Россіи предстоитъ важная роль. Да благословитъ Богъ начинанія Государя на славу, могущество и благоденствіе Россіи! Для меня, кажется, нѣтъ мѣста ни въ его арміяхъ, ни въ совѣтахъ. Буду радоваться успѣхамъ другихъ.

13-го Января.—Получилъ на дняхъ письмо отъ А. П. Ермолова. Разговоръ съ гр. Киселевымъ, навѣстившимъ меня вчера утромъ. Новые виды въ случаѣ новыхъ по службѣ оскорбленій. Первый, отдаленный, но важный шагъ къ тому, сколько ни люблю и сколько ни привыкъ къ службѣ. Нельзя же долго служить противъ воли высшаго начальства. Прилежнѣе заняться матеріальными интересами, слишкомъ для службы (то есть цѣлую жизнь) мною пренебреженными, тѣми, которыми уже владѣю, но которые можно лучше устроить для доставленія возможности прожить безъ службы съ семействомъ.

22-го. Договоръ 28 Іюля (9 Августа) 1847 года между уполномоченнымъ Е. И. В. графомъ Блудовымъ и Бутеневымъ съ одной стороны и кардиналомъ Ламбрускини со стороны папы. Учреждается седьмая въ Россіи Римско-католическая епархіи въ Херсонѣ, съ капитуломъ и семинаріей. Булла папы по сему случаю. Посланіе папы Пія IX къ Восточнымъ. Архіепископа Иннокентія возраженіе на это, весьма замѣчательное силою доводовъ и краснорѣчія. Узналъ отъ адмирала Рикорда, что Великій Князь вступаетъ въ управленіе морскимъ мини-

стерствомъ, по случаю отъѣзда князя Менщикова въ отпускъ, я полагаю въ Константинополь.

23-го. Вчера вошелъ ко мнѣ съ к. Каплановымъ Шамиль, сынъ извѣстнаго главнаго Имама. Онъ совершенно, кажется, обрусѣлъ, говоритъ чисто порусски, но свой языкъ вовсе забылъ. Онъ служитъ штабъ-ротмистромъ въ уланскомъ полку въ Твери, но носитъ свой Черкесскій красивый мундиръ. У него остались въ памяти сцены его плѣна и пребыванія въ моемъ семействѣ.

1-го Февраля. L'histoire de Bavière, a dit Montgelas, c'est le répertoire des occasions manquées et des moments perdus.

5-го.—Вчера, пріѣхавъ въ комитетъ, увидѣлъ съ перваго взгляда на предсѣдателѣ и всѣхъ членахъ блѣдныя и длинныя лица. Изъ отрывочныхъ объясненій узналъ, что, по доносу начальника отдѣленія Тараканова, оказывается значительное похищеніе денегъ (980 т. сер.), умершимъ директоромъ канцеляріи Политковскимъ обще съ казначеемъ совершенное. Скоро пріѣхали два члена Государственнаго Совѣта Анненковъ и Игнатьевъ и членъ Госуд. Контроля Христіани. Они объявили Высочайшее повелѣніе изслѣдовать это дѣло, наложивъ предварительно запрещеніе на имущество предсѣдателя и членовъ. Плутовство вѣроятно кроется въ пріемѣ съ почты денегъ самимъ Политковскимъ или казначеемъ по довѣренности предсѣдателя и въ присвоеніи ихъ съ уничтоженіемъ документовъ, и это вѣроятно съ давняго времени. Всѣ суммы, къ свѣдѣнію членовъ перечнемъ сообщенныя, состоятъ въ ящикѣ на лицо и ежемѣсячно были свидѣтельствованы. Теперь производится слѣдствіе. Такъ оканчиваю трудовую жизнь раззореніемъ семейства за плутовство и неспособность другихъ. Главный плутъ былъ тайный совѣтникъ, давно высшимъ начальствомъ подозрѣваемый и оставленный однако директоромъ! Что дѣлала тайная полиція? Вотъ ея дѣло. Дѣло нашего комитета—предметъ разговора и при дворѣ, и въ городѣ.

12-го Мая выѣхалъ изъ Петербурга и пріѣхалъ 15-го вечеромъ въ Сувалки Августовской губерніи. Сегодня въ 10-ть утра навѣстилъ губернатора Тикеля. Вытребовалъ по эстафетѣ къ себѣ администратора моего маіората Слупскаго; надѣюсь, что онъ завтра пріѣдетъ. Отсюда 95 верстъ до Кракополя,

главной усадьбы. Обѣдалъ у графа Гейдена вдвоемъ и провелъ съ нимъ пріятно время. Ein Oesterreichischer Commentar zu der Russischen Darstellung des Ungarischen Revolutionskrieges, дѣльно написанный; хотя и мнѣ въ немъ на мою долю достается, но съ приличіемъ, которое стоило бы объясненія. Автору неизвѣстны были мои инструкціи и повелѣнія, иногда противорѣчивыя.—Замѣтное въ первый разъ дрожаніе руки, теперь почти переставшее.

17-го Мая. Новые виды на счетъ маіората, выгоды и пріятность личнаго въ немъ пребыванія, даже съ сохраненіемъ нынѣшняго администратора. Прогулка съ нимъ же по саду. Встрѣча съ его женой; m-me Нарбутъ. Посѣтилъ воинскаго начальника полковника Кучковскаго и познакомился съ семействомъ. Жена virago. Онъ самъ побочный братъ Бибикова министра.

18-го Мая. Опытъ животнаго магнетизма надъ столомъ, съ терпѣніемъ и успѣхомъ предпринятый. Я остался свидѣтелемъ, не участникомъ.

Пріѣздъ и знакомство съ администраторомъ маіората Слупскимъ. Мой ультиматумъ. Буду ожидать отвѣта. Визитъ женѣ г-ла Сиверса. Умная и пріятная старушка. Прогулка по саду съ m-me Нарбутъ. Обѣдъ съ г. Гейденомъ глазъ на глазъ. Воспоминанія съ Кавказа. Къ 24-му ждутъ великую княгиню Марію Николаевну сюда на обѣдъ и ночлегъ.

19-го. C'est une souveraine injustice que de juger les choses relatives d'après des principes absolus. Nul ne doit être apprécié que dans la situation qui lui est faite par le temps, les événements, les circonstances, au milieu desquels il est placé par une force de choses indépendante de lui.

Il avait horreur de la démagogie, qui rabaisse les âmes et qui décompose les sociétés; la boue et le sang répugnaient à sa nature, comme à sa conscience. Il possédait la véritable aristocratie des peuples: la noblesse des instincts. C'était le gentilhomme moderne relevant du peuple et prenant ses titres dans son âme et sa dignité dans ses sentiments.

22-го. Пріѣхалъ въ Петербургъ 25-го. Встрѣтилъ в. к-ню Марію Николаевну. Экипажи придворные, въ Варшаву отправленные на встрѣчу вдовствующей королевѣ Аннѣ Павловнѣ.

Погода во всю дорогу была прекрасная. Ни одной нигдѣ непріятности и рядъ пріятныхъ и кроткихъ ощущеній. Князь Михаилъ Горчаковъ вытребованный пріѣхалъ изъ Варшавы. Это безъ сомнѣнія для важнаго назначенія по дѣламъ съ Турціей. Всѣ увѣрены въ войнѣ. Мнѣ что-то не вѣрится.

Вчера отъ в. к-ни Елены Павловны пріѣзжала фрейлина m-elle Раденъ. В. к-я желаетъ меня видѣть. Поручилъ благодарить за вниманіе и прислать приказаніе, гдѣ, когда и въ какой формѣ.

24-го Мая. Вчера возобновилъ знакомство съ женою г-ла Лидерса. Достойная и пріятная старушка. Я нашелъ семейство ихъ въ тревогѣ послѣ только что полученнаго изъ Одессы письма, полнаго ожиданія неминуемой войны, послѣ оставленія к. Менщиковымъ Константинополя и его прибытія въ Одессу. Все не вѣрю войнѣ, а только занятію княжествъ безъ сопротивленія.

29-го Мая. Прогулка въ лѣтнемъ саду. Вошли въ домъ Петра Великаго. Встрѣча и разговоръ съ сенаторомъ Лубяновскимъ и его дочерью. Слухъ о пріемѣ к. Горчакову въ Петергофѣ, несходный съ моими догадками о причинѣ его вызова изъ Варшавы.—По поводу сродства вещественнаго созданія съ одушевленнымъ, воспоминаніе объ очарованной рощѣ въ Освобожденномъ Іерусалимѣ Тасса.

30-го Мая. К. Горчаковъ главнокомандующимъ южною арміею. Забота въ Петергофѣ. Число больныхъ и умирающихъ отъ холеры продолжаетъ умножаться.

6-го Іюня. Вчера былъ на Каменномъ острову въ половинѣ третьяго у в. к. Елены Павловны, потомъ у Екатерины Михайловны и у принца Георга, нѣсколько разстроенный въ здоровьѣ, что отозвалось кажется и въ разговорѣ. Ежедневные пожары въ городѣ, вѣроятно отъ продолжительной засухи, но подающіе поводъ къ подозрѣнію поджоговъ.

14-го. Мои грезы на яву, не по лѣтамъ и не по обстоятельствамъ. Чего жду? Рѣшенія дѣлъ въ Константинополѣ, высылки денегъ изъ маіората, починки экипажей. Но зачѣмъ спѣшить? Грустное положеніе старика А. П. Ермолова изъ устъ его сына: онъ въ рукахъ слуги, овладѣвшаго имъ ко вреду и отчужденію семейства. Сильная холера въ гренадерскомъ кор-

пусѣ, пришедшемъ изъ Новгорода въ лагерь на Пудость. Встрѣча съ старикомъ Карпенко въ лѣтнемъ саду; онъ разрушается надушенъ будто набальзамированъ, и не смѣетъ проситься на отдыхъ.

16-го Іюня. Манифестъ противъ Турціи. Письма къ г. Орлову, Ортенбергу, Ростовцову и Катенину. Непонятное происшествіе съ кн. Л. Кочубеемъ. Вчера сынъ Николай отправился съ квартирьерами въ Красносельскій лагерь.

17-го. Отвѣтъ вчера же г. Орлова, дружескій. Рѣшеніе объ отъѣздѣ отложено до Субботы. Войска наши вѣроятно перешли границы княжествъ. Снова предстоитъ вовсе неожиданно въ мои лѣта, если не ошибаюсь, выборъ перемѣны важнѣйшій въ жизни, въ которомъ участвуютъ и чувства.

20-го. Слабый лучъ, такъ неожиданно освѣтившій было поздній часъ пройденнаго поля жизни, угасъ также внезапно и кстати. Къ чему повела бы эта вспышка догарающаго свѣтильника? Прочелъ кампанію 1848-го года г. Радецкаго въ Италіи, отъ возмущенія Милана и побѣдительнаго возвращенія туда Австрійцевъ. Много поучительнаго въ этомъ пробужденіи духа въ народѣ и арміи.

Ce qu'il y a de plus difficile dans la politique expectante, c'est de savoir quand un pouvoir qui penche tombera.—Est-ce une loi de nature que la puissance d'une nation soit incompatible avec la supériorité d'intelligence des individus?—On ne prouve rien en attaquant la religion avec l'esprit positif, car la religion est d'un autre ordre. Le sentiment religieux porte avec lui sa certitude; il n'est donné à la raison ni de la fortifier ni de l'affaiblir. Il ne sert de rien de chicaner les religions sur les absurdités qu'elles peuvent offrir au point de vue de bon sens; c'est vouloir argumenter l'amour et prouver à la passion qu'elle est bien peu raisonnable. L'homme fait la vérité de ce qu'il croit et la beauté de ce qu'il aime.

Les écoles exclusives sont dans la science ce que les partis sont en politique: chacune a raison à son tour et par quelque côté, et il est aussi impossible à l'homme éclairé de se renfermer dans l'une d'elles que de donner à la fois raison à toutes.

Toute expression est une limite, et le seul langage qui ne soit pas indigne des choses divines, c'est le silence; mais la nature humaine ne s'y résigne pas.

Il est un joug que les plus mâles intelligences ne peuvent entièrement secouer: ce joug—c'est l'esprit de leur temps.

24-го Іюня. Le vrai—c'est l'ordre pensé; le bien—c'est l'ordre réalisé; le beau—c'est l'ordre exprimé; le type—c'est l'ordre universel du Créateur.

Циркуляръ правительства за подписью г. Нессельроде отъ 20-го Іюня. Письмо Решидъ-паши отъ 16-го къ нему же. Все вмѣстѣ для меня такъ непостижимо, такъ несходно съ недавнимъ еще направленіемъ нашей политики на Востокѣ, что не могу не видѣть особенной въ этомъ случаѣ, очевидной воли Провидѣнія для какой нибудь важной цѣли. Кто угадаетъ ее?

28-го. Остаюсь безъ отвѣта изъ Петергофа, безъ вѣстей о происходящемъ, кромѣ газетныхъ, неполныхъ и часто искаженныхъ.

Le malheur de bien des esprits de nos jours c'est de ne croire qu'à l'habileté et à la force materielle. La force morale qu'une conscience honnête peut opposer à toutes les violences, à tous les excès, on ne la connaît pas, ou plutôt on en parle sans s'y fier. Il y a cependant une puissance mystérieuse et invincible à la longue dans cet instinct de l'honneteté, qui juge souverainement les faits, les révolutions, les spectacles du monde, indépendamment du succès qui suit le souffle variable du vent.

3-го Іюля. Михаилъ, почти уже офицеръ, пріѣхалъ изъ Петергофскаго лагеря и, кажется, останется.

On ne voit rien bien distinctement encore, mais on sent quelque chose suspendu en l'air.

L'histoire, pleine d'indulgence pour les entraînements des âmes naturellement bienveillantes, a, peut-être, le droit de juger avec plus de sévérité celles qui, n'ayant pour l'humanité en général que séche-resse et rudesse, portent dans quelques affections intimes une faiblesse où l'on ne peut plus voir que le résultat de préférences égoïstes.

6-го Іюля. Вчера написалъ письмо г. А. Ѳ. Орлову съ цѣлію выдти изъ настоящаго неопредѣленнаго положенія. Г-лъ Остенъ-Сакенъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса на мѣсто г-ла Оффенберга. Ширазъ въ Персіи разрушенъ землетрясеніемъ. Скончался в. герцогъ Веймарскій, супругъ Маріи Павловны. Холера здѣсь замѣтно усиливается: до семи сотъ больныхъ, до пятидесяти умирающихъ.

8-го. Совершаются событія, важныя въ настоящемъ и долженствующія породить міровыя послѣдствія, въ особенности для Россіи. Религіозная и политическая распря съ Турціею; экспедиція Перовскаго въ центральной Азіи. Антагонизмъ Англіи. 6-го получилъ отвѣтъ г. А. Ѳ. Орлова съ дружескимъ совѣтомъ не уѣзжать въ деревню; останусь хотя въ трудной борьбѣ съ недостаточными для здѣшней жизни средствами.

26-го Іюля. Handelsbladt (Амстерд. газ.) указываетъ на средство, употребляемое во всей южной Германіи для удаленія крысъ и мышей отъ хлѣбныхъ житницъ. Средство это состоитъ въ томъ, что разсыпаютъ по землѣ около житницъ или *развѣшиваютъ* по стѣнамъ липовые цвѣты, одного запаха которыхъ будто бы достаточно для отогнанія этихъ хищныхъ животныхъ.

29-го Іюля. Посѣтилъ баронъ Торнау, бывшій офицеръ ген. штаба, теперь въ отставкѣ. Въ первые мѣсяцы моего командованія на Кавказѣ, онъ былъ выручепъ изъ двухъ-годоваго слишкомъ плѣну у горцевъ. Подробности военныхъ сценъ при Гурко и Нейдгардтѣ, непостижимыя, въ особенности подъ Бортунаемъ и Гергебилемъ. Впрочемъ разсказщикъ боленъ самодовольствіемъ въ высокой степени.

9-го Августа. Ce n'est pas par des services réels et durables qu'on captive les classes populaires: les améliorations qu'on peut apporter à leur sort ne sont presque jamais assez palpables pour être immédiatement appréciées. Il faut, pour émouvoir la foule, des coups de théâtre, il faut la saisir subitement par l'imagination ou par le coeur; mais cette émotion communicative, cette volonté insinuante, cet art de lancer une idée et d'intéresser la majorité à son succès, c'est le lot du génie. Le plus grand malheur d'un homme qui écrit pour ses contemporains—c'est de n'être plus de son temps.

Dans l'histoire, la période du péril moral pour les peuples n'est par celle de leurs efforts vers l'agrandissement, mais celle qui succède à une grandeur acquise.

Si votre esprit se dirige vers l'étude des sciences mathématiques ou naturelles, n'oubliez pas les lettres, ces nourricières de votre enfance. Les lettres ne sont pas seulement le charme de l'esprit, elles élèvent l'âme et consolent au besoin les tristesses du coeur.

15-го. Вчера до обѣда явился ко мнѣ второй сынъ мой Михаилъ уже офицеромъ.

24-го. Вчера прекрасное дитя, Наталія Полль, красота Корреджіевой школы, среди танцевъ, музыки, шума, подбѣжала ко мнѣ, наклонила свою головку къ моему лицу и тихо спросила: что̀ вы, дядюшка, такъ грустны? Правда я грустенъ, даже не въ мѣру моего положенія.

26-го Августа. Годовщина Бородинской битвы. Немного насъ бывшихъ въ ней собралось бы, если бы ее вздумали праздновать. Полк. Пихельштейнъ, раненый подъ Бородинымъ и въ каретѣ убитаго графа Кутайсова отправленный мною въ Москву, навѣстилъ меня. Онъ одряхлѣлъ. Благодарю Бога за сохраненіе тѣлесныхъ и умственныхъ силъ въ сравненіи съ моими ровесниками, которыхъ встрѣчаю. Запросъ капитула орденовъ нѣтъ ли мнѣ какихъ препятствій вступить въ составъ кавалерской думы Св. Владимира; отвѣчалъ, что нѣтъ никакихъ.

Le refus du gouvernement anglais d'accorder à Napoléon le titre d'empereur, pendant sa détention à l'île de St. Hélène, fut peut-être une petitesse; mais ceux qui en font un sujet d'attaque contre le cabinet d'alors, ne songent peut-être pas assez au danger que présentait une simple reconnaissance verbale des droits de Napoléon au trône de France. En pareil cas, les mots sont des choses. Il serait difficile de prouver qu'aucune des puissances alliées se fût conduite à l'égard de Napoléon aussi bien que le fit l'Angleterre. Il est vrai qu'il languit dans sa captivité de St. Hélène; mais aujourd'hui même que nous avons l'avantage de pouvoir considérer les choses d'un point de vue rétrospectif, il faut avouer franchement qu'il est presque impossible de voir quelle autre mesure que sa détention, avec toutes les conditions de sûretes nécessaires, aurait pu être prise dans un cas aussi exceptionnel.

29-го Августа. Съ генераломъ Мельниковымъ ѣздилъ вчера на дачу на Каменномъ острову къ графу Бобринскому и остались обѣдать въ его семейномъ кругу. Жена его, урожденная г-я Самойлова, милая и умная женщина, и два сына составляли наше общество. Съ удовольствіемъ провелъ у нихъ нѣсколько часовъ. Дѣло Перовскаго на Сыръ-Дарьѣ не имѣетъ особенной важности. Это месть за прошлогоднюю неудачу на этой точкѣ, гдѣ Коканцы хотѣли утвердиться на переправѣ. Съ Перовскимъ ходилъ отрядъ въ 1800 человѣкъ. Въ городѣ по этому случаю разнесся ложный слухъ о взятіи Хивы. Дворъ переѣхалъ на Елагинъ островъ.

L'arbre à pain, qui atteint les dimensions de notre chêne ordinaire, projette vers son sommet de grandes branches latérales. Son feuillage est d'un vert très foncé. Son fruit, recouvert d'une écorce très-épaisse, a la grosseur d'un petit pain. On le cueille avant sa maturité et on le fait cuire au four. L'intérieur, qui ne contient ni graine ni noyau, ressemble alors à la mie du pain de froment, et forme un aliment très nutritif. Ce fruit se récolte pendant huit mois de l'année.

Les hommes d'aujourd'hui seront plus heureux: dispensés d'un laborieux apprentissage, ils recueilleront sans avoir semé; leur destinée ne leur coûtera nul effort; ils jouiront du bonheur de leur patrie sans y être pour rien, et s'étonneront qu'on ait pris tant de peine avant eux pour des choses aussi indifférentes que les affaires pnbliques.

La gloire désintéresse les nations; elle donne au pouvoir plus d'indépendance, elle calme ou décourage les partis, comme une grande passion glace dans l'âme toutes les autres.

По случаю ранней смерти поэта Карла Рено трогательный фельетонъ Жанена.

Et l'on parle des grandeurs de ce bas monde! Ah, que les hommes seraient modestes, s'ils pouvaient voir sans cesse et sans fin d'où ils viennent, où ils vont et quelles traces légères ça laisse ici bas, une génération de braves gens!

Сегодня или завтра выѣзжаетъ Государь чрезъ Москву въ Варшаву, оттуда, какъ говорятъ, въ Ольмюцъ, потомъ въ Кіевъ.

2-го Сентяб. Бѣдный князь В. В. Долгоруковъ! Давно ли провели мы пріятный день на его дачѣ, съ сыномъ Сергіемъ, возвратившимся изъ за границы, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ счастливую перемѣну въ направленіи его ума, даръ слова и благородство чувствъ—даже выраженіе лица его, хотя болѣзненное, получило особенную красоту. Теперь онъ впалъ внезапно въ помѣшательство ума съ припадками бѣшенства. Бѣдный отецъ!

3-го. Qu'est-ce qu'on appelle en France l'art de *bien écrire* c'est sacrifier sans cesse à la mesure du langage la saillie et souvent la franchise de la pensée. C'est dire tout au plus la moitié de ce que l'on pense et au moins un quart de ce que l'on ne pense pas.

Il semble que la barbarie veille sans cesse à côté de la civilisation pour épier ses défaillances.

6-го. Le mot *urbanité* n'est pas seulement le synonime de *politesse*. Il servait à exprimer ce tour piquant dans l'esprit, ce ton de plaisanterie fine que l'on prenait dans la bonne compagnie de la capitale.

8-го. Все еще не выхожу, но грустное расположеніе духа уступило мѣсто впечатлѣніямъ болѣе возвышеннымъ, благодаря безсмертному созданію Тацита (de moribus Germanorum), которое не знаю въ который разъ я прочелъ вчера. Оно меня поразило болѣе чѣмъ когда либо совершенствомъ сочетанія мысли съ изяществомъ слога. И таково родство ощущеній душевныхъ, что я могъ безъ усилія, послѣ продолжительнаго отупѣнія чувствъ духовныхъ, заключить мой день сердечнымъ воззваніемъ къ Создателю. Oui Tacite, il survivra ton Agricola, grâce à ton impérissable burin!

10-го. Утро тихое, пасмурное, осеннее, пріятное однако. У большаго, открытаго настежъ окна, сижу какъ на открытомъ воздухѣ; глаза отдыхаютъ на зеленой стѣнѣ деревьевъ Таврическаго сада. Вчера навѣстилъ меня графъ Бобринскій.

Война съ Турціей можетъ теперь вспыхнуть отъ разныхъ случайностей и возбужденныхъ страстей, чему поданъ поводъ. Вò время ли это?—Puisque il est impossible de réunir à la fois, et une grande réputation et une grande tranquillité, que chacun jouisse des avantages du siècle où il vit, sans décrier celui où il ne vit pas.

11-го. 13-я дивизія посажена на суда для отправленія въ Сухумъ-Кале. Два милл. сер. изъ Опекунскаго Совѣта. Страсти народныя въ Турціи расшевелены и могутъ дать поводъ къ происшествіямъ, разсчетамъ политики не подлежавшимъ.

14-го Сент. Дѣвица Депрерадовичъ, семнадцати лѣтъ, съ которою дѣти мои такъ недавно прогуливались въ Таврическомъ саду, на дняхъ, послѣ короткой воспалительной болѣзни, скончалась. Вдова г-на Фрейтага также нѣсколько дней уже въ смертныхъ мукахъ. Молодой князь Сергій Долгоруковъ, котораго провѣдываю почти всякій день, тоже, кажется, въ положеніи безнадежномъ и жалкомъ.

17-го. Люди вдовы г-жи Квитницкой въ Павловскѣ подали на нее в. к. Конст. Ник. прошеніе о жестокомъ съ ними обращеніи. Они отобраны у нея.—Катилина Саллюстія въ этотъ разъ показался мнѣ еще совершеннѣе, чѣмъ въ прежнихъ чтеніяхъ.

Современныя въ Европѣ происшествія придаютъ еще болѣе занимательности этой безсмертной картинѣ борьбы порока съ добродѣтелью, безначалія съ порядкомъ, бѣдности съ богатствомъ. Но высшая хвала и почесть доблести передъ порокомъ есть самъ Саллюстій, рабъ послѣдняго и въ такихъ изящныхъ чертахъ превознесшій первую.

Дунай раздѣляетъ теперь двѣ арміи нетерпѣливыя сразиться. Турки въ особенности бѣшенствуютъ. Это расположеніе можетъ уничтожить всѣ расчеты и дѣйствія политики. Окончательный успѣхъ въ случаѣ войны будетъ нашъ; но, противъ убѣжденія многихъ, я полагаю, что онъ будетъ стоить крови, болѣе крови чѣмъ въ прошедшей войнѣ съ Турками, хотя и тогда армія растаяла, но отъ другихъ причинъ, могущихъ повториться.

19-го Сент. Внезапная кончина отъ холеры жены к. В. А. Долгорукова, военнаго министра. Новый видъ Восточнаго вопроса; опасность отъ возбужденнаго фанатизма, могущаго одержать верхъ надъ расчетами политики. Выходки противъ Россіи газеты Times. Городъ начинаетъ оживляться возвращеніемъ его жителей съ дачь.

20-го. Поздній вечеръ у Сумарокова; не узналъ ничего новаго, кромѣ вступленія части соединеннаго флота въ Дарданеллы, по желанію Порты, для устрашенія фанатиковъ и въ случаѣ нужды для покровительства Европейцевъ въ Константинополѣ. Это полумѣра. Она можетъ еще болѣе озлобить оскорбленныхъ мусульманъ и ускорить взрывъ.

Malheureusement il est difficile au coeur, quelque excellent qu'il soit, de faire autant de bien que l'esprit peut faire de mal par un seul mot.

23-го. Вчера противъ обыкновенія обѣдалъ въ Шахматномъ клубѣ въ первый разъ; я не зналъ даже о его существованіи. Встрѣтилъ много знакомыхъ: трехъ братьевъ Кочубеевъ, Сталыпина Монго (какъ его называютъ не знаю почему), Безобразова г-ла, Клюпфеля и пр. Сосѣди мои за столомъ были г-фъ Безбородко и г-лъ Броневскій, Фредро насупротивъ. Послѣдній напомнилъ мнѣ о дѣвицѣ Христіани, артисткѣ на віолончелѣ, съ которою года четыре назадъ я былъ пріятно знакомъ въ бытность ея въ Петербургѣ. Послѣ обѣда игроки въ шахматы

усѣлись за игру; наконецъ, общее вниманіе обратилось на партію Шумова и Максимова, и вокругъ стола ихъ образовался тѣсный кругъ любопытныхъ. Это двѣ знаменитости шахматной игры.

24-го. Рано вчера, еще при открытомъ окнѣ, неожиданно вошелъ молодой графъ Орловъ, возвратившійся изъ за границы съ своею матерью. Пріятные полчаса съ нимъ. Новое свиданіе Государя съ императоромъ Австрійскимъ и вѣроятно съ королемъ Прусскимъ въ Варшавѣ. Соединенная эскадра Англо-французская въ Мраморномъ морѣ. Восточный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ. Трудно теперь будетъ уладить его безъ войны.

День разстроенъ засѣданіемъ въ Думѣ Владимирскаго ордена съ 12-ти до 4-хъ часовъ. Сколько неяснаго, подающаго поводъ къ разногласію, въ предметахъ доступныхъ полной опредѣлительности. Сегодня графъ Блудовъ и Танѣевъ защищали противныя мнѣнія. Это ихъ поле. Дѣло шло о постановленіяхъ гражданскихъ.

Сынъ к. В. В. Долгорукова князь Сергій очнулся отъ помѣшательства и пришелъ въ полный разсудокъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ впалъ въ такую слабость, что сомнѣваются въ его жизни. Онъ исповѣдался и причастился.—Англійскія газеты по случаю Восточнаго вопроса въ выходкахъ противъ Государя и Россіи доходятъ до наглости.

27-го. Кн. С. В. Долгоруковъ умеръ. Надобно навѣстить глубоко огорченнаго отца. Это былъ у него одинъ сынъ. Одна дочь за Львомъ Кирилл. Нарышкинымъ, также помѣшанная, лечится въ Парижѣ. Другая за княземъ Владимиромъ Андреевичемъ Долгоруковымъ, говорятъ, опасно поражена несчастіемъ брата и сестры.

Прусскій король точно былъ въ Варшавѣ для свиданія съ императорами. Государь сдѣлалъ ему контрвизитъ въ Берлинѣ, откуда, не возвращаясь въ Варшаву, ѣдетъ чрезъ Кенигсбергъ въ Петербургъ. Полагаютъ, что къ 1-му Окт. прибудетъ. Не к. Менщиковъ, а Бебутовъ, говорятъ, назначенъ командовать войсками на Азіатской съ Турціею границѣ. К. Горчаковъ стоитъ въ Большой Валахіи, сосредоточенной, не занимая Малую.

Napoléon n'est pas un homme de Plutarque, mais de Machiavel.

Еще съ большею справедливостію можно это сказать о племянникѣ императорѣ.

29-го Сентяб. Увлекательно чтеніе Histoire de la Restauration Ламартина, особливо тамъ гдѣ онъ забываетъ изумлять неслыханными фразами, близкими иногда къ галиматьѣ. Описанія тюремнаго заключенія дофина и сестры его, въ послѣдствіи герцогини Ангулемской, также похищеніе герц. Енгіенскаго и смерть его во рву Венсеня, не уступятъ лучшимъ страницамъ великихъ творцовъ всѣхъ временъ. Въ этихъ картинахъ даръ слога становится выше всѣхъ созданій изящныхъ искуствъ. Ни живопись, ни зодчество, ни скульптура не сравнятся съ нимъ.

2-го Октября. Mépriser son ennemi est le gage du succès au commencement des luttes de peuple à peuple; c'est le piège du vainqueur après les longues campagnes, où l'on a soi-même enseigné la guerre à ses rivaux.

La bataille de la vie paraît être définitivement perdue. Il s'agit d'en ramasser les débris et d'en former un modeste abri pour ma famille.—Араго (Францискъ), астрономъ и замѣчательный человѣкъ, скончался въ Парижѣ на 68-мъ году.

Послѣ круженія столовъ, которое было затихло, закружились головы отъ столовъ будто пишущихъ, о чемъ теперь общая вездѣ молва. Чтò за новая тайна или новая болѣзнь ума человѣческаго и передъ чѣмъ? Государь возвратился изъ важнаго путешествія своего въ Варшаву, Ольмюцъ и Берлинъ вчера утромъ.

4-го Октября. Признакъ нерасположенія императора Французовъ, запретившаго своему генералу Гюену принять приглашеніе Государя пріѣхать на маневры въ Варшаву. Угрозы Омера, главнокомандующаго Турецкой арміи на Дунаѣ. Курьеръ отъ Горчакова.

5-го. Новые слухи съ Юга. Пріѣхалъ адъютантъ кн. Менщикова полк. Краббе курьеромъ къ Государю. Война, кажется, неизбѣжна. Слухъ объ умерщвленіи султана повторяется. Братъ его будто избранъ на престолъ. Менщиковъ главнокомандующимъ. 3-й корпусъ выступилъ въ княжества: все слухи. Après avoir confisqué, parce qu'on a condamné, on condamne pour avoir à confisquer. La férocité se rassasie, la cupidité jamais.

7-го. Вчера съ г-мъ П. П. Мельниковымъ въ 4 часа по-

ѣхали къ графу Бобринскому; застали у него канцлера гр. Нессельроде, который вышелъ ко мнѣ; короткій, но любопытный разговоръ съ нимъ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Гр. Бобринскій сказалъ мнѣ, что, по странному случаю, въ минуту моего нежданнаго пріѣзда они говорили обо мнѣ. Г. Нессельроде уѣхалъ, а мы остались на обѣдъ.

Кажется, Англія и Франція согласны не принимать участія въ предстоящей съ Турціей войнѣ, съ условіемъ и намъ не извлекать никакой пользы въ случаѣ нашихъ успѣховъ противъ нея, подобно послѣдней войнѣ 28-го и 29-го годовъ. А жертвъ людьми и деньгами она будетъ стоить огромныхъ! Работы Варшавской желѣзной дороги остановлены.

9-го. Вчера былъ въ засѣданіи Владимирской Думы. Нѣсколько словъ съ гр. Ридигеромъ. Сожалѣніе гр. А. Ѳ. Орлова, что отдалъ мое письмо Государю. Оно раздражило его противъ меня. Настоящія и предстоящія политическія и военныя обстоятельства, по его мнѣнію, могутъ это поправить. И безъ того не жалѣю о моемъ поступкѣ.

Въ 11-ть ночи записка г. Сумарокова съ вопросомъ, точно ли я призванъ въ Царское на совѣщаніе. Вижу, что сплетни начались уже. Еще болѣе уединиться и остеречься.

Вчера была годовщина Наварина. Въ числѣ членовъ Думы былъ адмиралъ Авиновъ, командовавшій караблемъ въ этомъ сраженіи. Поздравивъ его, я напомнилъ гр. Ридигеру сдѣлать тоже. Авиновъ былъ съ Агличанами въ Трафальгарѣ съ Нельсономъ. Старикъ былъ тронутъ этими доказательствами вниманія. До того я не былъ знакóмъ съ нимъ.

10-го Октября. Г. И. Полль ѣздилъ къ Ростовцову. Слова послѣдняго о важномъ будто бы назначеніи меня ожидающемъ, о чемъ не имѣю однако ни откуда еще ни слова. Потомъ г-лъ Сумароковъ, съ своей стороны слышавшій о томъ же, пришелъ узнать по любопытству или по участію. Онъ въ разговорѣ неосторожно коснулся до незажившей еще въ душѣ раны и получилъ строгій отвѣтъ. Тѣсны понятія этого человѣка, по сердцу кажется благонамѣреннаго. Участіе в. к-ни Елены Павловны. Мысль предоставить Австріи занять Малую Валахію — неужели она согласится? Это втянуло бы ее въ наше дѣло. Въ Швеціи наша дипломація не удалась. Въ Копенгагенѣ успѣхъ. Надѣются

на Германію, а демагоги на сторожѣ. А Наполеону не достаетъ военной славы; а Англія раздражена. Ужели опять обязательство отказаться отъ всякаго пріобрѣтенія послѣ успѣховъ войны раззорительной!

Дѣйствительно, кажется, идетъ дѣло обо мнѣ, но сильно и можетъ быть неодолимо противодѣйствіе. Не огорчусь и не оскорблюсь: мои лѣта обыкновенно лѣта покоя. Употребятъ, то силы сохранены; но опытъ неблагодарности отнимаетъ всякій порывъ. Холодное и строгое исполненіе своего долга остается, вмѣстѣ съ увѣренностію въ новой неблагодарности. Но что̀ въ этомъ! Недалеко уже дойти до конца труженической арены долга и совѣсти. Свѣтскій успѣхъ невѣренъ ни на томъ, ни другомъ пути, но сохраненъ и при неудачѣ человѣкъ въ своемъ сознаніи, гордомъ противъ людей, смиренномъ и благодарномъ противъ Творца. И въ настоящемъ есть вознагражденіе!

14-го Октярбя. Встрѣча съ толстымъ и умнымъ Жеребцовымъ. Онъ выскочилъ какъ юноша изъ кареты, увидѣвъ меня. У него украли 65 т. рубл. сер.

15-го. Распоряженіе начальства отправить изъ всѣхъ полковъ гвардіи по нѣскольку офицеровъ въ южную армію и желаніе старшаго сына попасть въ число ихъ зажгло его, и онъ мечется цѣлые дни по этому дѣлу. Квинтетъ изъ Лучіи, удачно исполненный Николаемъ, было мое лучшее впечатлѣніе дня; также запахъ резеды въ залѣ.

16-го Окт. Состоящій при нашемъ посольствѣ въ Вашингтонѣ Катакази, въ письмѣ своемъ къ отцу-сенатору, описываетъ обращеніе свое отъ вольтеріанизма къ вѣрѣ въ пишущіе и предсказывающіе столы послѣ личнаго опыта!

La tente est certainemeut un des asiles les plus commodes et les plus naturels de l'homme; elle n'insulte pas par sa durée à la brièveté de nos jours; elle est en harmonie avec ce que nos destins ont d'errant et de passager; elle ne nous prêche pas, comme les lourdes demeures bâties à chaux et à mortier, une morale sédentaire. Libre, voyageuse, guerrière, elle vous dit: pars, je te suis!

20-го Порученіе дружеское гр. А. Ѳ. Орлова по случаю предстоящаго о войнѣ манифеста. Еще подумаю. Поздно домой и безпокойный сонъ. Въ головѣ устроивались мысли. Великолѣпное сѣверное сіяніе, какого никогда еще не видывалъ.

Первое дѣло съ Турками на Дунаѣ оффиціально объявленное при подъемѣ нашей флотилiи къ Галацу мимо Исакчи и Тульчи.

Провелъ часа три у гр. Ридигера, засталъ у него Тенгоборскаго, прiѣхавшаго изъ Вѣны. Онъ имѣлъ ко мнѣ порученiе кланяться отъ графа Вальмодена. Дочь Тенгоборскаго выходитъ или вышла за графа Эрнеста Эстергази. Мнѣнiе г. Ридигера о вчерашнемъ сообщенiи мнѣ г. Сумарокова, съ моимъ сходное. Подождать, пока обстоятельства лучше выяснятся. Ожиданiе манифеста.

23-го Вчера, въ часъ по полудни, на Марсовомъ полѣ парадъ гвардiи въ присутствiи Государя. Съ Владимиромъ я поспѣлъ и нашелъ очень хорошее мѣсто. Манифеста еще не читалъ.

25-го M-elle Христiани, артистка на вiолончеллѣ, съ которою нѣсколько лѣтъ тому я познакомился здѣсь прiятнымъ образомъ, тогда прекрасная, пылкая и умная женщина, умерла отъ холеры въ Новочеркасскѣ на Дону. Тамошнiе жители ставятъ ей памятникъ на могилѣ. Это извѣстiе, найденное въ газетѣ Инвалидъ, набросило вчера тѣнь на душу.

27-го Окт. Тихое нехолодное осеннее утро. Видъ на Неву при легкомъ туманѣ. Она была гладка какъ огромное платиновое зеркало и казалась широка какъ морской заливъ. Слухъ о перемирiи съ Турками.

28-го. Встрѣча и разговоръ съ Катакази и Краснокутскимъ. Турки въ трехъ мѣстахъ переправились чрезъ Дунай; наши отступили—телеграфическое извѣстiе. На счетъ подробностей и послѣдствiй съ безпокойствомъ ожидаютъ отъ к. Горчакова донесенiя. Tant vaut l'homme, tant vaut la loi. Tant vaut le chef, tant vaut l'armée.

Вчера Государь получилъ двухъ курьеровъ отъ к. Горчакова и к. Воронцова. Первый донесъ отъ 20-го этого мѣсяца, что Омеръ-паша перешелъ Дунай, занялъ Калафатъ и укрѣпляетъ его, что к. Горчаковъ намѣренъ допустить его окончить переправу, отдалиться отъ Калафата внутрь края и тогда атаковать его. При семъ проситъ летучаго парка. К. Воронцовъ доноситъ, что Турки собираются въ силахъ при Батумѣ, съ намѣренiемъ начать наступательныя дѣйствiя и заключаетъ словами *„милости просимъ.“* Это понравилось Государю.

Между тѣмъ вчера же въ собраніи Географическаго Общества разнесся слухъ, принятый съ восхищеніемъ за истину, что к. Горчаковъ уже разбилъ Омера-пашу на голову, прижалъ его къ Дунаю и къ Австрійской границѣ, что въ плѣну уже 18 т. Турокъ. Соображая съ достовѣрными извѣстіями вышеупомянутыми, эта вѣсть преждевременна. Къ тому же сегодня рано утромъ пріѣзжалъ ко мнѣ молодой графъ Орловъ, которому подобное происшествіе было бы извѣстно, и онъ ничего не зналъ. Да и оно было бы немедленно опубликовано по городу.

Между Германштадтомъ и Вѣной устроенъ электро-магнетическій телеграфъ, а отъ перваго въ Бухарестъ конная курьерская почта.

30-го Окт. Рядъ дней важнѣйшихъ въ жизни князя Горчакова. Мѣсто рѣшенія, полагаю, будетъ на Ольтѣ, вѣроятно около Слатина. Онъ будетъ стараться отбросить Омера къ границѣ Трансильваніи, отрѣзавъ отъ Дуная. Но для этого нужно разбить его совершенно. Чтобы встрѣтить Турокъ еще въ Малой Валахіи, необходимо ослабить себя отрядами для наблюденія средняго и нижняго Дуная.

Отъ Бухареста до Слатина шесть переходовъ. Отъ Калафата до Слатина пять. Князь Горчаковъ сосредоточитъ все, что возможно. Чтобы воспрепятствовать этому, Турки вѣроятно покажутъ видъ переправы изъ Рущука или Туртукая. Искусно было бы со стороны Турокъ привлечь, какъ теперь, вниманіе и силы кн. Горчакова на Мал. Валахію, быстро переправить значительныя силы въ Туртукаѣ, угрожая Бухаресту и тылу князя. Числительныхъ силъ у Турокъ для этого довольно. Найдется около Омера Европеецъ, который ему это посовѣтуетъ. Тогда задача будетъ труднѣе, за то и успѣшное ея рѣшеніе славнѣе.

31-го Окт. Не вѣрится мнѣ, чтобы переправа въ Калафатѣ была главнымъ предпріятіемъ Турокъ, а не средствомъ отвлечь изъ Большой Валахіи большую часть нашихъ войскъ, чтобы произвесть на среднемъ Дунаѣ настоящую переправу своими главными силами. Посмотримъ.

2-го Ноября. Jean Paul voulait qu'en chaque famille on prît une demi-heure par semaine pour réfléchir à toutes les bonnes et aimables

qualités des gens avec qui l'on vit: sage conseil pour garder la justice et la paix.

Въ Субботу обѣдалъ у гр. Бобринскихъ; кромѣ П. П. Мельникова никого чужихъ не было. К. Гагаринъ. St. Donato, великолѣпный замокъ Анатоля Демидова въ Тосканѣ. Рѣдкое собраніе картинъ и мраморовъ. При возстаніи народномъ во Флоренціи, для спасенія великаго герцога, не имѣвшаго въ ту минуту никакого готоваго средства, Демидовъ купилъ пароходъ съ нанятой прислугой и предложилъ великому герцогу, на которомъ онъ и ушелъ.—Дѣло несчастное въ Азіи. Истребленіе Турками двухъ ротъ, взятіе Николаевскаго поста съ двумя орудіями.

3-го Ноября. Телеграфическое извѣстіе объ успѣхѣ одержанномъ надъ 28 т. корпусомъ Турокъ, переправленныхъ изъ Туртукая въ Большую Валахію и разбитыхъ восемью баталіонами. Подробности ожидаются съ курьеромъ. Это согласно съ прежними моими предположеніями.

4-го. К. Горчаковъ, полагаю, въ затруднительномъ положеніи, и ожидаемый курьеръ не привезетъ донесеній о чемъ нибудь рѣшительномъ и выгодномъ, не смотря на послѣднее телеграфическое извѣстіе. Туртукайское дѣло могло быть частное, незначительное. Наступленіе на сторонѣ непріятеля. Надѣяться можно однако, что не на долго. Откроютъ, наконецъ, глаза и ошибки исправятъ. Малую Валахію почитаю занятою непріятелемъ. О к. Менщиковѣ забыли, даже перестали его бранить; между тѣмъ послѣдствія неудачнаго его посольства тяжко и опасно отзываются для Россіи.

5-го Ноября. Сегодня, проснувшись, получилъ записку отъ Сумарокова. Онъ пишетъ между прочимъ: Je vous répéterai les paroles de Monseigneur, dites ce matin sur la rencontre vis-à-vis de Tourtoukay: „La bravoure des troupes admirable, la perte considérable, un succès minime et la situation du prince Gortshakoff devient très précaire“. Это значитъ, я полагаю, что Турки за Дунай не прогнаны, что часть войскъ бывшая въ дѣлѣ—авангардъ, за которымъ переправится корпусъ дѣйствующій на Бухарестъ. Все это по программѣ. Искусство покуда на сторонѣ Турокъ.

Думаю, что к. Горчаковъ сосредоточится передъ Бухарестомъ на Аржисѣ, между Томасешти и Гудешти. Тамъ можетъ быть дѣло; желаю, но не увѣренъ, чтобы оно было рѣшительное,

чтобы заставило Турокъ переправиться обратно за Дунай. Полагаю, что они устроятъ укрѣпленный лагерь на нашемъ берегу противъ Туртукая, какъ убѣжище въ случаѣ неудачи.

7-го Ноября. Г.-м. Мельниковъ, Алексѣй Петровичъ, былъ за маневры посланъ Государемъ на два дня на гауптвахту. Левшинъ разсказалъ странный случай съ Омеръ-пашей. Когда онъ усмирялъ Боснію, то знакомый Левшину Сербскій священникъ былъ принятъ пашею-ренегатомъ. Умный и просвѣщенный священникъ въ разговорѣ наединѣ съ Омеромъ довелъ его до такого увлеченія, что, прощаясь съ нимъ, Омеръ приложился къ его рукѣ и вскричалъ: „благослови!".

8-го. Раздражительное состояніе души успокоить занятіемъ кабинетнымъ, устраняя всякое сужденіе и, если можно, даже мысли о дѣлахъ, на участіе въ коихъ я не призванъ. Не легко однако на душѣ; угрюмость ли, почти неизбѣжная спутница накопившихся лѣтъ, или дѣйствительное затрудненіе по всѣмъ моимъ дѣламъ вслѣдствіе непонятнаго преслѣдованія сверху. А чувствую, что есть что-то въ моей головѣ, чѣмъ бы могъ еще быть полезнымъ моему отечеству. И оставаться празднымъ!

10-го Ноября. Пересматривалъ свои бумаги. Депеши изъ Константинополя доставили особенное удовольствіе, напомнивъ эти важные, историческіе дни, въ противоположность происходящему въ настоящее время. И съ тѣми же лицами: лордомъ Редклейфомъ и Решидъ-пашею, тогда великимъ визиремъ, теперь только мин. иностр. дѣлъ!—Молчаніе послѣ курьера изъ Бухареста не дурной ли признакъ? Не было ли опять встрѣчи невыгодной и поважнѣе? Теперь все возможно, пока примутся настоящія мѣры послѣ урока, какъ у насъ и вездѣ часто бываетъ.

13-го Ноября. Вчера г. Сумароковъ вошелъ ко мнѣ въ часъ, когда я взялся уже за каску для прогулки, и просидѣлъ до двухъ. Односторонніе взгляды на происшествія. Извѣстіе объ опасной болѣзни князя Воронцова. По иностраннымъ газетамъ будто бы важныя неудачи на нашей Азіатской границѣ.

Красавица Штрандманъ, на праздникѣ в. к. Елены Павловны сильно обожженная, не вышла еще изъ опасности и страдаетъ ужасно. Встрѣтилъ на прогулкѣ адъют. Веймарна, который, туша на ней горѣвшее платье, самъ обжогъ сильно руки.

14-го Ноября. Вчера пріятная прогулка съ двумя младшими пѣшкомъ. Встрѣча съ Государемъ, внимательный взглядъ. Ночь была ненаглядная для Пулковской обсерваторіи.

15-го Ноября. Кн. Воронцову лучше. Еще дивизію изъ шестаго корпуса на Кавказъ. Получу нужныя карты. 3-й корпусъ отчисленъ изъ Западной въ Дунайскую армію.

17-го. Вечеромъ вчера навѣстила дочерей моихъ Таня Лазарева, дочь покойнаго адмирала. Она принесла извѣстіе, по ея словамъ оффиціальное, что на Черномъ морѣ была встрѣча, при которой взято два Египетскихъ парохода.

22-го Ноября. И Швеція, кажется, хочетъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и напоминаетъ о Финляндіи. Вѣроятно приведеніе гвардіи въ военное положеніе.

23-го. Au-dessus de ces maux terribles, il y a un mal plus terrible: c'est quand la vie intellectuelle et morale des peuples est attaquée dans la racine même, lorsqu'au milieu des délices de la paix, de la prospérité des intérêts matériels, des illusions trompeuses produites par l'augmentation factice de toutes les forces de l'état, les croyances religieuses se détruisent, les idées morales s'égarent, les esprits s'énervent dans les voluptueuses jouissances, l'orgueil s'exalte, la vanité se propage, tous les liens sociaux et domestiques se relâchant à la fois, et le culte des intérêts matériels venant remplacer la vertu par l'égoïsme, les sentiments élevés par les passions astucieuses et basses.

24-го Ноября. Что дѣлать? Бѣда, о бѣда! жалобнымъ женскимъ голосомъ подъ моими окнами произнесенныя слова рано разбудили и не дали заснуть. Принять ли это, по гомеровскому и вообще древнихъ повѣрію, за предзнаменованіе новаго какого нибудь несчастія? Послѣ всего, что̀ уже въ этомъ году было со мною, не мудрено, что еще что нибудь случится по поговоркѣ, что бѣда одна не приходитъ, а одна за другою слѣдуетъ. Дерзкій противъ Россіи тонъ Англійскихъ журналовъ. Значительнѣе осторожное поведеніе Французскихъ. Умноженіе во Французской арміи егерскихъ полковъ. Затруднительное положеніе Германіи, особенно Австріи, въ настоящемъ столкновеніи по Турецкому вопросу.

29-го Ноября. Вчера на прогулкѣ съ двумя младшими узналъ о побѣдѣ, одержанной надъ Турками подъ Ахалцыхомъ

г.-л. Андрониковымъ. Взяты орудія и знамена. Сегодня выходъ, молебствіе во дворцѣ и выносъ придворныхъ знаменъ. Стихи Ѳедора Глинки на настоящее положеніе Россіи противъ Европы, неудачно прочтенные полковникомъ Минквицомъ.

30-го Ноября. Между тѣмъ какъ праздновали вчера во дворцѣ разбитіе Турецкаго отряда подъ Ахалцыхомъ, получено чрезъ прибывшаго адъютанта к. Меншикова подполк. Сколкова извѣстіе объ истребленіи Турецкой эскадры 18-го Ноября, на Синопскомъ рейдѣ, вице-адмираломъ Нахимовымъ. Адмиралъ Османъ-паша, раненый, взятъ въ плѣнъ. У Турокъ по донесенію к. М. истреблено 7 фрегатовъ, 1 шлюпъ, 2 корвета, 1 пароходъ и нѣсколько транспортовъ. Наша потеря 1 об.-офиц. и 33 нижнихъ чиновъ убиты и 230 ранены.

2-го Декабря. Вчера первое засѣданіе Георгіевской Думы. Словесныя подробности и планъ Синопскаго морскаго сраженія. Вице-адмиралъ Нахимовъ награжденъ орденомъ Георгія 2-й степени. Ожидаютъ извѣстій отъ г.-л. Бебутова изъ Азіи. На Дунаѣ все тихо.

4-го Декабря. Вышедши вчера съ дѣтьми пѣшкомъ, встрѣтилъ г. Штрандмана, который остановилъ, чтобы сообщить мнѣ извѣстіе, полученное съ курьеромъ изъ Азіи о побѣдѣ, одержанной г. Бебутовымъ надъ Турками. Взяты 24 орудія, знамена и проч. Прошедши нѣсколько шаговъ далѣе, встрѣтилъ Сумарокова, ѣхавшаго ко мнѣ съ тѣмъ же извѣстіемъ. На набережной графъ Мюнстеръ подтвердилъ все это, прибавивъ, что Орбельянъ раненъ двумя пулями. Статья въ Revue des deux mondes «La guerre du Caucase». *Истина* и *вымыселъ.* Это похвальное слово Шамилю и князю Воронцову. Катастрофа послѣдняго при возвращеніи изъ Андіи представлена блистательной побѣдой. Этого довольно чтобы оцѣнить остальное. А. П. Ермолову въ счастливыхъ и достойныхъ выраженіяхъ отдана справедливость. Вѣрно опредѣлены его характеръ и народность.

6-го Дек. По убѣжденію пріятелей ѣду въ первый разъ во дворецъ на торжественный выходъ, по случаю одержанной въ Азіи побѣды и тезоименитства Государя.

10-го Дек. Я получилъ вечеромъ отъ гр-ни Ржевуцкой, урожденной Дашковой, очень милое, дружеское письмо, объясняющее все, что̀ довело ее до замужества. Отвѣтъ ей.

14-го Дек. По утру посѣтилъ полк. Милютинъ. Занимательный съ нимъ разговоръ. Настоящее положеніе Кавказа. На правомъ флангѣ Аминъ получилъ званіе паши, и край названъ пашалыкомъ. Истинное значеніе перваго дѣла Орбельяна. Тревога въ Тифлисѣ. Приготовленія къ отправленію института дѣвицъ. Потомъ пріѣхалъ и посидѣлъ Лазаревъ Армянинъ. Смерть Заводовскаго на Кавказѣ незамѣтна. На его мѣсто нѣтъ назначенія.

16-го. Вчера утромъ графъ Орловъ молодой провелъ съ часъ у меня. Добрыя вѣсти объ А. П. Ермоловѣ. Руководство къ бою съ Турками, составленное въ Бухарестѣ.

Que feriez-vous, disait Frédéric II à un gentilhomme français, si vous étiez roi de Prusse?—Moi, sire, répondit le gentilhomme en grélotant, je chercherais une dupe qui consentît à troquer mon royaume contre une belle terre aux environs de Marseille.

17-го Декаб. Les chagrins qui nous viennent des hommes nous révoltent et nous font oublier Dieu; les grandes infortunes qu'Il nous envoie nous ramenent à Lui. La stérilité de l'esprit produit l'entêtement; quand on n'a qu'une idée, on y tient.

Если соединенные флоты Англійской, Французской и Турецкой выйдутъ въ Черное море, что̀ будетъ?

Вчера встрѣча съ канцлеромъ г. Нессельроде и горячее его привѣтствіе. Привычка или чувство? Пальмерстонъ вышелъ изъ министерства вѣроятно съ тѣмъ, чтобы составить новое, свергнувъ настоящее. Это министръ войны. Персія объявила войну Турціи. Новый поводъ къ раздраженію для Англіи. Почти вѣрно, что соединенные флоты Англіи, Франціи и Турціи вошли въ Черное море. Чрезвычайно важно и любопытно, что̀ изъ этого выйдетъ? Кажется, въ Малой Валахіи около Калафата что-то было.

Говорятъ, въ нашей арміи много больныхъ; вѣроятно, но сомнѣнія нѣтъ, что въ Турецкой ихъ гораздо болѣе. Въ послѣдней дѣйствуютъ не однѣ климатическія причины, но и недостатокъ устройства въ разныхъ видахъ.

Страшно за войска, которыя всю зиму проведутъ въ походѣ.

19-го Дек. Въ восемь вечера съ Сумароковымъ къ г. А. Ѳ. Орлову. Застали его съ министромъ финансовъ Брокомъ, который тотчасъ уѣхалъ. Продолжительный и занимательный разговоръ за чаемъ. Новыя доказательства, что настоящій оборотъ

дѣлъ не былъ предусмотрѣнъ. „Алексѣй видитъ, куда меня втянули". Воинственный духъ всегда мирнаго канцлера. Вступленіе соединенныхъ флотовъ въ Черное море остается еще телеграфическимъ извѣстіемъ безъ подверждения. Нѣсколько дней ни откуда никакихъ новыхъ извѣстій. Болѣзненная наружность Г. И. на балу. Ожиданіе новыхъ жертвъ людьми и деньгами, если настоящее положеніе общихъ дѣлъ не измѣнится.

21-го Декаб. Въ новой нотѣ четырехъ державъ Оттоманской Портѣ требуютъ уравненія правъ христіанъ съ мусульманами. Это гораздо болѣе чѣмъ требованіе Россіи, поведшее къ войнѣ съ Турціей, и можетъ дать новый видъ всему дѣлу. Покровители Турціи со своими флотами въ Босфорѣ могутъ внезапно обратиться въ опаснѣйшихъ враговъ ея.

22-го Дек. Праздникъ въ Смольномъ монастырѣ двадцатипятилѣтія управленія Императрицы.—Третьяго дня застрѣлился полковникъ генер. штаба Кузминскій отъ опасенія впасть въ сумашествіе, противъ котораго долго боролся всею твердостію характера. Это выразилъ онъ въ оставленномъ имъ письмѣ.

23-го Декабря. По Невѣ еще не ѣздили, только поспѣшно дѣлаютъ на нее спуски. Встрѣтилъ два раза Государя съ непривѣтливымъ, строгимъ взглядомъ. Какъ мало гуляющихъ! На набережной вовсе никого, на Невскомъ проходящихъ болѣе, чѣмъ гуляющихъ. Кончивъ Саллюстія, взялъ опять лѣтописи Тацита. Онѣ укрѣпляютъ, а не утѣшаютъ и не смягчаютъ душу.

24-го Дек. Сынъ князя Воронцова пріѣхалъ изъ Тифлиса, какъ полагаютъ, чтобы способствовать увольненію отца отъ занимаемаго поста, по изнеможенію.—Пальмерстонъ опять поступилъ въ министерство прежнимъ званіемъ.

25-го Дек. Отъ канцлера г. Нессельроде конвертъ съ письмомъ отъ г.-м. Бенкендорфа изъ Берлина. Онъ прислалъ переводъ на Нѣмецкій сочиненія Милютина о кампаніи 1839-го на Кавказѣ.

26-го Дек. На дняхъ умеръ статсъ-секретарь Лонгиновъ въ глубокой старости. Слухъ о назначеніи к. Меншикова на мѣсто к. Воронцова продолжается. Резервъ гвардіи формируется. Вниманіе мое въ эту минуту поражено сближеніемъ двухъ эпохъ исторіи человѣчества: настоящій праздникъ Рождества Христова съ открытою передо мною лѣтописью правленія

Тиверія, при которомъ Христосъ явился и совершилъ Свой подвигъ, въ началѣ темный, незамѣтный, потомъ охватившій своимъ ученіемъ почти весь образованный міръ и доселѣ могущественнѣе всѣхъ пружинъ дѣйствующій на судьбы народовъ и отдѣльныхъ лицъ. И теперь, осьмнадцать столѣтій послѣ Него, Его именемъ готовится переломъ на Юго-востокѣ, исходъ котораго извѣстенъ одному Богу. Православная Россія противъ Имперіи Магомета, въ защиту притѣсненной вѣры Христовой. По противорѣчію и нелѣпости дѣйствій человѣческихъ, орудій Провидѣнія, католичество и протестантство, Франція и Англія, на одномъ камнѣ Христовой вѣры съ Грекороссійскимъ исповѣданіемъ сооруженныя, возстаютъ противъ Россіи въ защиту поклонниковъ Магомета. Чтò одолѣетъ? Политика мірская правителей, или именемъ вѣры возбужденные народы? И удивительно, возстали свои на своихъ, народъ на народъ. Персія магометанская противъ Турціи, христіане на христіанъ за Турцію, утѣсняющую и избивающую своихъ безоружныхъ христіанъ. Это еще хаосъ, который не замедлитъ устроиться; не понимаютъ покуда одни другихъ. Никто не хочетъ войны, и всѣ какъ бы невольно готовятся скрестить оружіе. Мудрствующая и часто слѣпая политика хочетъ противиться высшему предопредѣленію, не признавая знаменій времени. Ясно, что Туркамъ нѣтъ мѣста въ Европѣ. Вопросъ только въ томъ, кому она вся или части ея достанутся. Рѣшить его—дѣло Европейскаго конгресса, а не оружія между равносильно устроенными арміями государствъ Европейскихъ.

Сегодня навѣстилъ Демидовъ. Онъ пріѣзжалъ съ приглашеніемъ всего семейства къ нему на канунъ новаго года. Принимая у себя всѣ родныя семейства въ этотъ день, я долженъ былъ отказаться. Онъ взялъ книжку кампаніи 1839-го года Милютина. По его словамъ г-лъ Реадъ назначенъ на мѣсто к. Воронцова; вѣрно потому, что это невѣроятно, по степени неспособности сопряженной съ дряхлостію этого человѣка. Хотѣли конечно открыть поприще к. Барятинскому, начальнику штаба, человѣку съ благороднымъ, но неопытнымъ честолюбіемъ, ничѣмъ или очень мало покуда оправданнымъ. Эристовъ, неизвѣстный мнѣ, назначенъ, по словамъ Демидова, на мѣсто умершаго Заводовскаго, командующимъ на Кавказѣ.

27-го Дек. Вечеръ вчера провелъ у г. Сумарокова. Говорили о вновь вышедшей брошюрѣ Погодина, содержаніе которой изустно и неловко было мнѣ передано. Le vin est tiré, il faut le boire, говорятъ Французы; взялся за гужъ не говори, что не дюжъ, говоритъ Русскій народъ. Но для того чтобы сознательно дѣйствовать политикой и оружіемъ, необходимо знать, какими побужденіями и какими средствами руководствуются противники, оставляя пустой шумъ и возгласы тѣмъ, которые повинуются одной страсти, не слушая разсудка. Противъ Россіи возстали теперь всѣ главныя державы Европы, однѣ открыто, другія покуда тайно. Тутъ нечему удивляться; слѣдуетъ только готовиться, если нельзя уже оставить съ достоинствомъ начатаго дѣла и отложить его до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ. Какъ могла западная Европа смотрѣть равнодушно на настоящее столкновеніе Россіи съ Турціей, грозившее на этотъ разъ неминуемою гибелью послѣдней и грознымъ для всѣхъ приращеніемъ силъ и безъ того страшной уже могуществомъ Россіи? И потому всѣ противъ нея, но по причинамъ различнымъ и съ цѣлію различною. Тутъ поле для политики Русской. Англія открыто и всѣми средствами противустанетъ ей, чтобы остановить опасное усиленіе и вліяніе Россіи на Азію, порабощеніемъ своему вліянію Персіи и оттуда грозя владычеству ея въ Остъ-Индіи.

28-го Декабря. Австрія приступомъ къ Восточному вопросу поставлена въ величайшее затрудненіе. На большомъ пространствѣ граница съ владѣніями Турціи, въ прошедшихъ съ нею войнахъ имѣвъ уже нѣкоторыя изъ нихъ въ рукахъ своихъ, она предназначила себѣ въ случаѣ распаденія Турецкой имперіи на свою долю западныя ея области. Тутъ она въ столкновеніи съ Россіею. Благодарность за недавнюю услугу, вообще добродѣтель политикѣ чуждая, не долго будетъ удерживать ее отъ противодѣйствія Россіи. Согласно же съ нею дѣйствовать, предварительно условясь о раздѣлѣ, препятствуетъ ей ненадежность Итальянскихъ ея владѣній, такъ недавно успокоенныхъ, гдѣ вліяніе Франціи, въ случаѣ разрыва, можетъ для нея быть весьма опасно, не говоря уже о Венгріи столько же ненадежной.

Невозможно, чтобы Франція въ дружномъ согласіи съ Англіей послѣдовала до конца за нею. Интересы ихъ въ настоящемъ

дѣлѣ и въ другихъ такъ различны! Полагаю даже, что присутствіе Французскаго флота, соединенное съ Англійскимъ въ Босфорѣ, послужитъ, наконецъ, скорѣе препятствіемъ чѣмъ пособіемъ для послѣдняго въ исполненіи честолюбивыхъ видовъ Англійскаго кабинета. Конечно они согласно покуда дѣйствуютъ къ прекращенію начатой войны и въ желаніи сохранить цѣлость имперіи Турецкой; но въ дальнѣйшихъ понудительныхъ къ тому средствахъ, въ случаѣ, если употребленныя доселѣ мѣры окажутся недостаточными, онѣ разойдутся. Здѣсь для дипломатовъ широкое поле; важность вопросовъ требуетъ отличныхъ дарованій и головъ истинно-политическихъ, а не закоснѣлыхъ въ старой колеѣ бюрократовъ.

29-го Декабря. К. Воронцовъ проситъ только отпуска на шесть мѣсяцевъ, а не замѣщенія. Этимъ объясняется, опасное однако, оставленіе Реада въ головѣ управленія.

Слухъ о рѣзнѣ въ Константинополѣ и отъѣздъ будто бы Англійскаго и Французскаго пословъ оттуда. Въ настоящее время все возможно, чтò недавно еще показалось бы нелѣпо. Враждебный противъ Россіи духъ Англійскихъ журналовъ.

30-го Декаб. Проходятъ послѣдніе дни этого года, роковаго для меня и для семейства. Еще благодарю Создателя, прежде всего за сохраненіе и здоровье дѣтей, потомъ за оставленіе хотя скудныхъ средствъ на ихъ содержаніе. Завѣщанный мнѣ несчастною, покойною ихъ матерью долгъ тревожитъ меня. Всѣ усилія употреблю, если продлятся дни мои, уплатить его, чтобы оставить дѣтямъ пріютъ спокойный отъ преслѣдованія заимодавцевъ. Чтò готовитъ намъ наступающій годъ? Ужели оставятъ меня празднымъ зрителемъ среди бурь угрожающихъ моему отечеству? И на томъ же театрѣ, гдѣ, благодаря Провидѣнію, успѣхъ увѣнчалъ мои дѣйствія въ бояхъ и въ политикѣ! Не изнемогъ я еще ни тѣломъ ни душею, а поступаютъ со мной какъ съ безполезнымъ, отупѣвшимъ оружіемъ! Но да будетъ надо мною воля Божія! Не можетъ далекъ быть отъ меня общій всѣмъ удѣлъ—и не однимъ притѣсненнымъ.

1854-й годъ.

1-го Января. Роковой для меня съ семействомъ 53-й и неизвѣстный предстоящими судьбами 54-й годъ, проводили и встрѣтили у меня четыре съ моею семьи: Полль, Михайловскіе и племянники Андрей и Константинъ, первый съ двумя дѣтьми, кажется весело. Мои всѣ восьмеро въ комплектѣ. Это начало года уже несравненно пріятнѣе начала прошедшаго.

Il commençait à comprendre la difficulté de combattre ces âmes douces et sans révolte qui, solidement ancrées sur une foi, flottent dans l'orage sans jamais céder ni périr. Nous avons tout un instinct d'association qui nous fait tendre à l'accord avec ce qui nous entoure; il faut que l'homme imite, s'il ne donne pas l'exemple.—Elle avait ce don d'assimilation qui force les âmes à se hausser au niveau de la nôtre et qui établit autour de nous une sorte de température morale dont nous sommes le foyer.

Поутру былъ г. Брунъ, умный и пріятный человѣкъ. Разные въ городѣ толки по поводу болѣзни канцлера гр. Нессельроде. Воинственныя привѣтствія офицерамъ во дворцѣ. Забылъ встрѣчу и разговоръ съ докторомъ Мандтомъ. Полковникъ Краббе пріѣхалъ курьеромъ отъ к. Меншикова, вѣроятно по поводу ожиданія въ Черномъ морѣ соединенныхъ флотовъ изъ Босфора, еще не вошедшихъ, не смотря на газетныя извѣстія. Высокій духъ нашихъ моряковъ Черноморскаго флота.

2-го Янв. Дѣла идутъ ничѣмъ не лучше, но въ душѣ болѣе спокойствія. Изъ глубины души благодарю Бога, что въ строгихъ испытаніяхъ прошлаго года на меня ниспосланныхъ, смиреніе и покорность противъ судьбы и сохраненіе достоинства противъ людей меня не оставляли. А были дни горькіе! Молю Его, чтобы въ нынѣшнемъ подобныхъ не было.

4-го Янв. Съ сыномъ Михаиломъ ѣздилъ въ первый разъ въ театръ видѣть Рашель въ роли Камиллы въ Гораціяхъ. Превосходно! Но кромѣ ея, всѣ прочія, особливо женщины, производятъ дѣйствіе похожее на пародію.

5-го Янв. Вечеръ у Сумароковыхъ. Продолженіе толковъ о послѣдствіяхъ вступленія соединенныхъ флотовъ въ Черное море и о возможномъ планѣ кампаніи сухопутной Дунайской

арміи безъ содѣйствія нашего флота. Молчалъ, не замѣтивъ ничего основательнаго, стоющаго обсужденія. Странная вѣра г.-а. Безака къ отвѣтамъ его стола, въ особенности на счетъ А. П. Ермолова, что онъ сохраняется судьбой для блага Россіи. Когда бы! Г-жа Поликарпова, родственница г. Блудова. Еще опасно больной старикъ Хитровъ.

6-го. Графъ А. Ѳ. Орловъ куда-то отправляется. Съ придворной конюшни отправлены къ нему экипажи. Полагаютъ, что въ Турцію. Думаю, что въ Парижъ или вѣроятнѣе въ Вѣну.

7-го. На дняхъ былъ у меня младшій сынъ А. П. Ермолова, похожій на него чертами лица. Съ чувствами отцовской нѣжности принялъ его. Гр. А. Ѳ. Орловъ уѣхалъ въ Вѣну. Конечно, необходимо для будущихъ военныхъ соображеній на Дунаѣ утвердить пріязненныя отношенія съ Австріей. Все еще нѣтъ описанія дѣла въ Малой Валахіи—невыгодный признакъ. Слухъ о назначеніи Н. Н. Муравьева съ корпусомъ войскъ въ Финляндію. Онъ изъявилъ желаніе взять сына моего Николая въ адъютанты. Это была бы для него полезная школа. Разсказываютъ, что послы въ Константинополѣ Англійскій лордъ Редклейфъ и Французскій Барагай д'Илье (Baraguay d'Hiller) должны были имѣть конференцію и сойтись въ домѣ у перваго въ назначенный часъ. Барагай д'Илье со своей свитой прибылъ минутъ пять ранѣе и не засталъ Редклейфа, выѣхавшаго верхомъ на прогулку. Подождавъ съ четверть часа, онъ потерялъ терпѣніе и вышелъ, но при выходѣ встрѣтилъ хозяина, который извиняясь просилъ его воротиться. На это Барагай д'Илье отвѣчалъ ему: „Vous savez, monsieur l'ambassadeur, que l'exactitude est la politesse des princes; à plus forte raison elle doit être celle de leurs représentants. Si vous désirez me parler, vous viendrez chez moi". Съ Редклейфомъ такъ должно обращаться. Я знаю это на удачномъ опытѣ въ 1849-мъ году на той же сценѣ.

9-го. Дѣло подъ Калафатомъ г-ла Анрепа навело грусть на дворъ и общество. Потеря наша огромна, 2025 ч. изъ строя выбыло. Распоряженія очевидно нелѣпы. Почти всю ночь провелъ безъ сна. Тоска какъ свинецъ лежитъ на груди.

Il est triste de le reconnaître, mais les hommes spéciaux, qui ont étudié la question des corvées en Russie, ne pensent pas que l'on

puisse y renoncer de si tôt. Ils s'accordent en général sur trois points: d'abord la masse des capitaux nécéssaires à l'exploitation par le travail salarié n'est point en proportion avec l'étendue des terres arables; en second lieu, en beaucoup de contrées le produit du sol ne couvrirait pas les frais d'exploitation; enfin, dans un certain nombre de provinces sans mouvement commercial, il est plus facile aux paysans d'acquitter sa redevance en nature que de payer une redevance quelconque en argent. Quant à le doter purement et simplement de la terre qu'il cultive, c'est une hypothèse, que l'on n'admet point en Russie. La conséquence d'une semblable mesure serait de ruiner radicalement la grande propriété: les paysans émancipés à ces conditions, ayant assez de terre pour se suffire par eux-mêmes, ne consentiraient pas à travailler, même aux prix les plus élevés, sur la terre de l'ancien seigneur. On voit donc que la législation actuelle de la propriété en Russie n'est point entiérement arbitraire. Avant que l'on puisse renoncer soit au systême de l'obroc, soit à celui des corvées, il faut que la population de l'empire, déjà énorme, mais éparpillée sur un territoire bien plus considérable encore, se soit notablement accrue.

Сегодня утромъ графъ Алексѣй Өеодоровичъ Орловъ выѣхалъ въ Вѣну. Г.-л. Дуббельтъ исправляетъ его должность. К. Меншиковъ г.-м. назначенъ на мѣсто г.-м. Львова, директора канцеляріи и начальникомъ собственнаго Государева конвоя. Получилъ отъ дежурнаго генерала памятную на текущій годъ книжку.

12-го. Сегодня г. А. Ө. Орловъ вѣроятно пріѣхалъ въ Варшаву, на пути въ Вѣну; онъ выѣхалъ не совсѣмъ здоровый. Усердно желаю ему успѣха въ его важномъ и щекотливомъ порученіи. По письму изъ Бухареста к. Горчаковъ выѣхалъ къ Калафату, двинувъ туда значительную часть войска. Непріятно теперь быть въ кожѣ Анрепа. Но чѣмъ онъ виноватъ? Кто въ немъ заблуждался? Дорого было бы такой цѣной узнавать людей.

14-го. Обѣдъ у к. В. В. Долгорукова съ к. Ридигеромъ, Сумароковымъ, к. Влад. Долгорукимъ, Кукольникомъ. Послѣдній читалъ свою пьесу по поводу Синопской побѣды, въ шесть дней написанную. Даръ чтенія выше самой пьесы.

18-го. Пародія Рашели сыномъ Михаиломъ очень удач-

на. Покуда это его талантъ. Бѣшенаго смѣха было много, тихаго въ этотъ вечеръ не доставало. А этотъ предпочтительнѣе.

19-го. Вечеръ провелъ у г-ла Сумарокова, гдѣ встрѣтилъ пріѣхавшаго на дняхъ Владимира Андреевича Глинку, стараго сослуживца. Онъ начальникъ горныхъ Уральскихъ заводовъ и пребываніе имѣетъ въ Екатеринбургѣ. Былъ еще Дивовъ и разсказалъ два забавные случая, въ путешествіе свое по Германіи съ нимъ бывшіе. Заѣхавъ въ какомъ-то городкѣ въ гостинницу, онъ потребовалъ у кельнера позавтракать курицу. Русскій бывшій съ нимъ человѣкъ отвѣчалъ, что у нихъ есть своя, но Дивовъ велѣлъ ее оставить и повторилъ приказаніе. Скушавъ поданную кельнеромъ, онъ потребовалъ и свою, и также съѣлъ. Когда кельнеръ вошелъ, то Дивовъ, обратясь къ нему, закричалъ на него: какого урода ты подалъ мнѣ; смотри: четыре ноги, двѣ головы, сколько крыльевъ! Тотъ посмотрѣлъ, увѣрился во всемъ и такъ испугался, что выбѣжалъ какъ помѣшанный изъ комнаты. На водахъ, не помню, кажется въ Киссингенѣ, Дивовъ взялъ на себя устроить для развлеченія стрѣльбу въ цѣль (tir) и поручилъ это Нѣмцу, тамошнему жителю. Въ одно утро Нѣмецъ вбѣгаетъ къ нему и въ отчаяніи объявляетъ, что разные приготовленные для того предметы ночью украдены. Все это не составляло большой суммы. Дивовъ успокоилъ его, и Нѣмецъ вышелъ Тотчасъ затѣмъ постучался кто-то опять въ двери Дивова. Онъ позвалъ, и вошелъ опять тотъ же Нѣмецъ. Чтò еще, спросилъ его Дивовъ.—Ничего, я постучался, потому что забылъ это сдѣлать при входѣ.

20-го. Les voies de fer ne remplacent que les grandes routes et ne suppléent pas aux chemins de petite communication, qui ne sont pas les moins importants pour l'agriculture.

Послѣ завтрака пріѣхала Пелагея Вас. Муравьева съ дочерью. М. А. Фонъ-Визинъ живетъ въ 60-ти верстахъ отъ Москвы грустно съ женою. Два взрослые уже сыновья его умерли. Возвращаясь изъ Сибири, онъ двумя часами только не засталъ въ живыхъ достойнаго своего брата Ивана Александровича, съ нетерпѣніемъ, послѣ столькихъ лѣтъ бѣдственной разлуки, его ожидавшаго. Строга была къ нему судьба!—Почти оффиціальное извѣстіе о новомъ пораженіи Коканцовъ на Сыръ-Даріи, при Акмечети, если не ошибаюсь, при чемъ взято 16 орудій.

22-го Января. Дѣло на Сыръ-Дарiи при фортѣ Перовской подтвердилось и публиковано. 17-ть орудiй, множество запасовъ захвачено. Вылазка была ночью. Начальникъ гарнизона подполковникъ Огаревъ произведенъ черезъ чинъ въ генералъ-маiоры.

Въ третьемъ часу зашелъ къ к-нѣ Барятинской; засталъ у нея к. Витгенштейна, чертами лица напоминающаго своего славнаго и благороднаго отца, и ничѣмъ другимъ. Жена его вышла за извѣстнаго Листа въ Веймарѣ. Дочь сватаютъ за Талейрана, бывшаго при посольствѣ въ Петербургѣ. Потомъ прiѣхала гр-ня Толь, съ которою возобновилъ знакомство. Наконецъ еще молодой к. Витгенштейнъ, кажется офицеръ конной гвардiи. Наружность этого счастливѣе. Съ П. П. Мельниковымъ на обѣдъ къ Бобринскимъ. Обѣдъ въ семействѣ и въ первый разъ съ молодою графиней, рожд. Шуваловой. Это были лучшiе часы моего дня и многихъ. Достойное, благородное семейство! Хозяйка съ высокой душой, умомъ отличнымъ и съ привѣтливостью лучшаго тона. Слухи дня, будто бы тѣснѣе сближенiе съ Австрiей и Пруссiей противъ Англiи и Францiи. Инвентари, грозящiе Русскимъ губернiямъ и по несвоевременности только отложенные до Ноября. Говорю, грозящiе, потому что мало вѣрю благоразумiю и обдуманности мѣръ, исходящихъ отъ настоящаго министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ оставилъ печальную память въ губернiяхъ прежняго своего управленiя. Ожидаютъ сюда фельдмаршала.

У Бобринскихъ обѣдала старушка г-жа Крузе, внука адмирала, отразившаго при Екатеринѣ Шведскiй флотъ подъ Петербургомъ. Окна зимняго дворца дрожали, говорятъ, во время дѣла. Она получаетъ пенсiю вслѣдствiе прошенiя поданнаго Государю въ минуту крайности, въ которомъ она привела девизъ, данный Екатериною въ гербъ ея дѣда. Не помню его точно; похоже на слѣдующее:

Громами отразилъ онъ громъ
И городъ защитилъ и домъ.

Отъ Рущука до Рахова на Дунаѣ 160 верстъ. Основанiе дѣйствiй (base d'opération): взять Систово и Никополь; оставить подъ наблюденiемъ всѣ Турецкiя крѣпости на нижнемъ

Дунаѣ. Отъ Систова до Адріанополя, на Тырново, Драново, Габрово, Казанлыкъ, Эски-Сарай и Хирманли 240 верстъ—12 маршей и четыре или пять дневокъ. Главная колонна — 30 т.

Отъ Никополя на Плевну, Ловчу, Траянъ, Филипополи, Хирменли до Адріанополя 300 верстъ, 15 переходовъ, пять или шесть дневокъ. Вторая колонна въ 15 т. Изъ Траяна она въ сообщеніи съ главною, чрезъ Духовую и Дерели на Габрово. Отъ Рахова на Врацу, Софію, Ихтиманъ, Татаръ-Базарджикъ, Филипополь, Папасли, Хирменли до Адріанополя 365 верстъ, 18 маршей, 6 дневокъ. Третья колонна 10 т. Одна кампанія, смѣлая, быстрая. Подвижные магазины сколько возможно конные. На волахъ удобно снабжать одни главные магазины. Если соединенные флоты не оставятъ къ тому времени Черное море, то изъ Адріанополя направить сильную колонну на Галиполи и стараться овладѣть фортами на берегахъ Гелеспонта и даже на Азіатскомъ, а потомъ уже думать о Константинополѣ.

24-го Января. Вечеръ у Сумарокова. К-я Мещерская, рожд. княжна Оболенская, прекрасная и пріятная женщина; красота Востока, брюнетка. За партіей весьма занимательный разговоръ съ Безакомъ; раздражительные своею неосновательностію перерывы и мнѣнія хозяина, иногда и Дивова. Слабыя стороны Севастопольскихъ укрѣпленій. Полевая мортира принца Георга Мекленбургскаго. Черта характера г-ла Сакена по поводу постройки батарей въ Одессѣ. Дерзкій отвѣтъ Англійскаго кабинета на вопросъ нашего, съ какою цѣлію Англійскій флотъ вошелъ въ Черное море. Опасное положеніе нѣкоторыхъ фортовъ нашихъ на Восточномъ берегу. Настоящій духъ разныхъ сословій въ Польшѣ. Пробужденныя въ нихъ политическими обстоятельствами надежды.

25-го. Великолѣпное утро. Солнце пышно свѣтитъ на лазури неба. Деревья Таврическаго сада, насупротивъ Итальянскаго окна моего кабинета, блестятъ миріадами брилліантовъ инея, едва шевеля вершинами, на голубомъ полѣ воздуха. Прекрасная картина! Морозъ сухой и крѣпкій.

26-го Янв. Въ Парижѣ даютъ пьесу Les Cosaques, наполненную насмѣшками противъ Русскихъ. Въ большомъ обществѣ спросили одного Русскаго: Avez-vous vu les Cosaques.—Non, отвѣчалъ онъ, j'étais trop jeune alors, намекая на 1814 и 15-й годы.

Это имъ самимъ показалось такъ ловко, что отвѣтъ помѣщенъ и въ газетахъ.

27-го Янв. Графъ Естергази, Австрійскій посланникъ, если не ошибаюсь, пріѣхалъ, тому уже нѣсколько дней; но о пріемѣ его ничего еще не слышно. Онъ встрѣтился въ Варшавѣ съ гр. Орловымъ; о послѣдствіяхъ встрѣчи говорили невыгодно.

Продолженіе моихъ грезъ на яву. Этапы первой колонны: 1-я Тырново, 2-я Габрово, 3-я Казанлыкъ, 4-я Карабунаръ, 5-я Хирменли, 6-я Джезаиръ или Мустафа-паша.

2-й колонны: 1-я Плевна, 2-я Ловча, 3-я Траянъ, 4-я Илиджи, 5-я Папасли, 6-я Семиша—до Хирменли.

3-й колонны: 1-я Враца, 2-я Софія, 3-я Ихтиманъ, 4-я Татаръ-Базарджикъ до Папасли.

Въ случаѣ надобности, если Турецкая армія двинулась бы изъ Шумлы противъ первой колонны, то вторая можетъ, смотря по обстоятельствамъ, изъ Плевны, Ловчи и Траяна двинуться въ соединеніе съ первой. Встрѣча и первыя дѣла могутъ быть подъ Тырновымъ и Драновымъ. Въ случаѣ побѣды рѣшительной, соединенныя колонны вмѣстѣ преслѣдуютъ до Османбазара и потомъ идутъ уже на Селимно (Сливны), Енеджели на Адріанополь. Самая возможность наступательнаго дѣйствія за Дунаемъ подчинена, если не содѣйствію, то по крайней мѣрѣ надежному неутралитету Австріи. Третья колонна подымаетъ съ собою Сербовъ и способствуетъ вооруженію Румеліотовъ и Албанцовъ христіанскаго племени. Деньги найдутъ тамъ и средства продовольствія, хотя бы скудныя, въ помощь запаснымъ.

28-го. Разговоръ до втораго часа ночи о важномъ, можно сказать, роковомъ положеніи Россіи. Наши посланники въ Парижѣ и Лондонѣ, Киселевъ и Бруновъ, выѣхали. Это оффиціально. Австрія и Пруссія колеблятся и склоняются на сторону Англіи и Франціи. Швеція не надежна. Польша надѣется. Демократы, анархисты радуются. Для нихъ открыто поле дѣйствій, съ котораго такъ недавно и кроваво были они сбиты и, казалось, подавлены. Если это такъ, то вся огромная наша западная граница, и далеко въ ея глубину, въ опасности. Крымъ, Кавказъ, Грузія также. Постоимъ за сохраненіе всего, но устоимъ ли?

Много нужно было неудачъ, чтобы не сказать ошибокъ,

всякаго рода, старыхъ и новыхъ, особливо новѣйшихъ, чтобы придти въ это положеніе. Русскую Россію отстоимъ навѣрно, благодаря славному народу; но придаточную, иноплеменную, оружіемъ и политикой въ полтора вѣка пріобрѣтенную, будутъ у насъ оспаривать. Неяснымъ еще взглядомъ вижу за насъ Славянскіе языки, единовѣрцевъ милліонами, Грековъ; но эти слишкомъ близко подъ рукой враговъ нашихъ, чтобы съ пользою и рѣшительно возстать за насъ; позже, можетъ быть. Если суждено намъ сдѣлаться царствомъ восточнымъ, то тамъ быть можетъ настоящій театръ истиннаго, прочнаго могущества Россіи. Тамъ даже война образовательна. Въ Европѣ намъ давно уже нечего дѣлать. Она намъ враждебна, и нечего ей отъ насъ и намъ многаго не должно было заимствовать. Петербургъ, какъ столица Имперіи, повредилъ намъ несказанно, неисчислимо. Все отъ него сдѣлалось трудно, усильно, сурово. Центръ управленія на оконечности Имперіи и самый неблагодарный! Почему не въ Торнео? А выборъ, кажется, былъ! Москва, освященная всѣмъ, что̀ драгоцѣнно для народа, вѣрой, исторіей, преданіями, жертвами двухъ завоевателей въ два вѣка, живописнымъ своимъ положеніемъ. Оттуда наложена рука Россіи на Востокъ, на Татарскую тогда Волгу, Уралъ, Сибирь, цѣлыя царства, лучшія, неотъемлемыя: ручательство прочнаго нашего могущества, только въ иномъ противъ теперешняго видѣ, противъ котораго вся соединенная Европа сломаетъ себѣ зубы, и задрожитъ, когда очнемся, забредшая въ Индію Англія. А Нижній-Новгородъ, средоточіе внутренней промышленности и базаръ Россіи съ Азіей, тоже съ дорогими для народа преданіями, центръ умной, сильной, красивой Русской породы! Соприкосновеніемъ чрезъ Петербургъ съ Европой, даже при правителяхъ великихъ, чѣмъ сдѣлались мы, и во что̀ мы не наряжались умомъ, языкомъ и наружностію? То мы Голландцы, то Пруссаки въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, то Французы, то Англичане. Всего болѣе боялись мы и стыдились быть Русскими! Обезьяны Европы! И звучный, полный, благородный языкъ свой мы предоставили употребленію, какъ сами говоримъ, непросвѣщенной части народа и сословіямъ не имѣющимъ средствъ просвѣщенія; а сами въ своихъ гостиныхъ, говоря между собою, мы Русскіе, стараемся, чтобы насъ приняли не за Русскихъ, а за Францу-

зовъ по языку. Мы накликали на себя кару Провидѣнія Божія! Оно же и спасетъ и возвысить насъ, когда очнемся. Тогда дастъ Богъ и все сохранимъ, оправдавъ народную пословицу: „что̀ взято, то свято“.

29-го. Января. Тысячъ шестьдесятъ нашей Валахской арміи не праздно наблюдаютъ за Нижнимъ Дунаемъ. Часть ея, даже половина, переправится выше Рущука за Дунай и обложитъ его. По личному осмотру моему въ 1846-мъ году, слабою стороною этой крѣпости полагаю западную. Она сблизи командуется высотами. Овладѣніе ею расширяетъ и обезпечиваетъ значительно наше основаніе дѣйствій (base d'opération). Оно заняло бы болѣе 200 верстъ.

30-го. К. В. В. Долгоруковъ доставилъ мнѣ записку Погодина о Восточномъ, по моему Турецкомъ, вопросѣ: нашъ Восточный еще впереди и шире Турецкаго). Я прочелъ ее два раза со вниманіемъ, котораго она заслуживаетъ. Но она изобличаетъ ученаго и патріота, а не политика. Написанная въ Декабрѣ и доведенная до высшаго начальства, она могла даже имѣть небезвредное вліяніе на ходъ этого дѣла. Она написана по внушенію негодованія противъ вмѣшательства Запада въ наше дѣло съ Турціей; но въ политикѣ не сердятся, а хладнокровно разсчитываютъ пользы, силы и благовременность дѣйствій. Въ запискѣ указываются наше право и благость цѣли, къ которой мы стремимся. Все это хорошо, но прежде всего будьте сильны и изберите вѣрно ваше время: тогда то и другое прекрасно; иначе они обратятся противъ васъ. Въ политикѣ нѣтъ ничего простаго, все сложно. Успѣхъ все вѣнчаетъ, все оправдываетъ. И завоеваніе Алжира и Остиндіи, и Финляндіи, и раздѣлъ Польши, все, все независимо отъ права. Весь вопросъ состоитъ въ этомъ: готовы ли вы силами и политически—вѣрно ли избрали время для приступа къ исполненію вашего предпріятія? Если же вы взяты будто въ расплохъ, когда тѣ, которыхъ вы почитали своими союзниками, колеблятся даже оставаться неутральными и готовы присоединиться къ вашимъ врагамъ; если двѣ морскія державы, враждебно недовѣрявшія одна другой, по первому приступу вашему къ дѣлу вдругъ соединились и заодно возстали противъ васъ и явились вмѣстѣ тамъ, откуда слѣдовало вамъ начать: вы сдѣлали ошибку, и вопросъ, кажется,

можно было отложить до удобнѣйшаго времени. Въ дальнѣйшемъ логическомъ развитіи своего мнѣнія авторъ, въ выходкѣ противъ Австріи, полагаетъ, что лучше имѣть ее противъ себя, чѣмъ за насъ; безъ сомнѣнія, но ее одну, а не съ цѣлымъ Западомъ. Въ Турецкомъ вопросѣ мы именно съ Австріей въ столкновеніи и по землямъ, и по народностямъ, о которыхъ дѣло идетъ. Но съ нею можно бы и согласиться, уступивъ ей, хотя бы до времени, то, что̀ ей сподручно и чего безъ стыда и униженія передъ Европой она уступить не можетъ. Развѣ Европа и особливо Австрія могли допустить Россію овладѣть всею Европейскою Турціей? Что̀ имъ до варварства управленія Турецкаго и угнетенія христіанъ! На это смотрятъ, терпятъ и по временамъ жалѣютъ; но какъ имъ такъ быстро, въ полтора вѣка шагнувшую и темную для нихъ, какъ говоритъ авторъ, Россію, допустить въ Константинополь безъ сильнѣйшаго сопротивленія? Да это вѣковой главный вопросъ, на который Европа ясно и тайно готовилась безпрерывно. О томъ свидѣтельствуютъ дипломатическіе факты гласные и тайные. Къ рѣшенію его безъ удостовѣренія полнаго, какъ намѣрена дѣйствовать Австрія, приступать не слѣдовало. Дипломатъ съ властію слова и характера объяснилъ бы ей до очевидности, что если она, изъ опасенія непосредственныхъ для нея послѣдствій отъ завоевательныхъ видовъ Франціи на Италію и Германію, послѣдуетъ теперь враждебной для насъ политикѣ Франціи и Англіи, то она только временно отдаляетъ отъ себя эту опасность, но увеличиваетъ ее до гибели, когда Россія, ею въ настоящей борьбѣ выданная, пристанетъ тогда къ врагамъ ея. Заключивъ же съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ и увлекши къ тому же Германію и даже безъ нея, борьба становится по крайней мѣрѣ равною: тутъ и признательность за оказанныя ей Россіею услуги и быть можетъ спасеніе, должна въ числѣ доводовъ найти свое мѣсто. Въ запискѣ своей авторъ въ упоеніи Славянизма говоритъ, что Славяне вездѣ сотнями тысячъ готовы подняться за насъ; но для этого прежде нужно побѣдою очистить себѣ путь до нихъ и тогда еще вооружить и устроить. Самые готовые изъ нихъ, Сербы и Босняки, подъ рукой у Австріи и безъ ея согласія не станутъ за насъ, не смотря на свое желаніе. Безъ содѣйствія или по крайней мѣрѣ неутралитета вѣрнаго, пріязненнаго, мы не можемъ дѣйство-

вать правымъ нашимъ флангомъ наступательно; лѣвымъ же не можемъ, лишенные содѣйствія флота. Мы осуждены будемъ на войну оборонительную. Какъ же дойти до Славянскихъ племенъ? Если, увлеченные ненавистію къ Туркамъ, они не смотря на то возстанутъ, то горе имъ! Того ли мы хотѣли, приступивъ къ этому роковому вопросу?

1-го Февраля. Посѣтилъ меня полковникъ Милютинъ. Замѣчательный разговоръ съ этимъ весьма умнымъ человѣкомъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и о родѣ войны намъ предстоящей. Подробности дѣла подъ Калафатомъ. Г.-а. графъ Анрепъ отрѣшенъ и замѣщенъ г.-л. Липранди. Утро провелъ въ чтеніи двухъ донесеній г. Погодина, въ 1839-мъ и 1842-мъ годахъ, о Славянскихъ племенахъ въ Европѣ.

Вечеръ 30-го Янв. провелъ у Безака до 2-го часа. Г-нъ Купріяновъ, Данези, непріязненныя мнѣ лица; много говорилъ съ ними, вовсе по обыкновенію моему забывая всякую непріязнь. Отовсюду привѣтствія и ожиданія будто бы неминуемаго для меня назначенія въ настоящемъ трудномъ положеніи общихъ дѣлъ. Гр. Орлова все еще нѣтъ, но скоро его ожидаютъ. Соединенные флоты оставили Черное море и возвратились въ Босфоръ. Послы Англійскій и Французскій при нашемъ дворѣ, лордъ Сеймуръ и Кастельбажакъ, получили паспорты къ отъѣзду.

2-го Февр. La Russie dans son droit, par Moseley: отлично, съ сильной и безпристрастной діалектикой написанная брошюра. Сочиненная Англичаниномъ, судя по заглавію, она можетъ имѣть вліяніе на умы въ Англіи. Право вмѣшательства Россіи въ дѣла Турціи, по покровительству своихъ единовѣрцевъ, подданныхъ Турціи, мастерски доказано. Право вещь прекрасная, и говорить нечего; но право международное, политическое, къ сожалѣнію опредѣлено менѣе всѣхъ правъ и совершенно подчинено въ дѣйствительности политическимъ разсчетамъ и настоятельное предъявленіе его—благовременность (opportunité). Для насъ въ этомъ состоитъ вопросъ.

3-го Февр. Г-нъ Обручевъ просидѣлъ часа два утра. Новое доказательство, что отъ человѣка, даже способностей посредственныхъ, но занимавшаго важныя должности, можно узнать много замѣчательнаго. Новая граница Оренбургской губерніи. Китайская стѣна Перовскаго, на 500 верстъ разстоянія, остав-

ленная на 20-ти. Акмечеть на Сыръ-Дарiи. Александръ Великiй доходилъ туда и основалъ колонiю Кирополисъ; Чингисъханъ тамъ перешелъ Сыръ-Дарью. Теперь фортъ Перовскiй. Воспоминанiя изъ Польскаго похода. Поступокъ ненавистный и неприличный противъ Обручева при отрѣшенiи его отъ командованiя. Потери при неудачной экспедицiи Хивинской, 20 т. лошадей, 12 т. верблюдовъ и двѣ трети людей на 300-хъ верстахъ. Опасны зимнiе походы. Любопытно узнать, какъ совершится походъ войскъ слѣдующихъ на Кавказъ и къ Дунайской армiи въ настоящее время.—Старшiя дочери возвратились въ 4 часа утра съ балу у Давыдовыхъ. Съ сыномъ Михаиломъ просидѣлъ вдвоемъ за полночь. Со вчерашняго дня потеплѣло; вѣтеръ и по временамъ вьюга. Ночью слышалъ безпрерывный шумъ отъ деревьевъ Таврическаго сада, напомнившiй голосъ моего парка въ Тимчихѣ.

4-го Февр. Съ утра 20 выстрѣловъ изъ крѣпости возвѣстили городу о рожденiи дочери Великаго Князя Константина Николаевича. Одна гренадерская дивизiя 10-го выступаетъ въ Финляндiю. Стычка незначительная подъ Журжей.

6-го Февр. Встрѣча съ Государемъ: блѣдный, долгiй и гнѣвный взглядъ. Кажется, не подаю къ тому никакого повода. Между тѣмъ слухъ о назначенiи въ Персiю, по обстоятельствамъ большой важности.

Соединенные флоты, по газетнымъ извѣстiямъ, вошли опять въ Черное море. Девять фортовъ нашихъ на восточномъ берегу подвержены большой опасности. Рѣшились ли оставить ихъ въ промежутокъ свободнаго плаванiя по Черному морю въ отсутствiи флотовъ?

11-го Февр. Вечеръ у Сумарокова. Разговоръ занимательный съ Безакомъ. Прiѣздъ фельдмаршала имѣлъ послѣдствiемъ разныя перемѣны въ прежнихъ предположенiяхъ. Г-лъ Сумароковъ съ гвардейскою дивизiей въ Кронштадтъ. Г-лъ Муравьевъ съ двумя гренадерскими въ Царство Польское. Одна гренадерская въ Финляндiю. Одна гвардейская въ Ревель, Балтiйскiй Портъ и Ригу подъ вѣдѣнiемъ г.-л. Берга.

Манифестъ о войнѣ съ Англiей и Францiей, въ выраженiяхъ умѣренныхъ кромѣ текста, которымъ онъ заключается.

Самое любопытное и рѣдкое въ политическомъ ходѣ дѣлъ

есть своеручное письмо императора Французовъ Наполеона къ Государю, преданное публичности въ газетахъ. Это поступокъ кондотьери на престолѣ, для котораго нѣтъ приличій, ни преданій, ни будущности. Онъ этимъ отдаетъ на судъ народныхъ страстей, возбужденныхъ демократической горячкою, сношенія, по всѣмъ приличіямъ и преданіямъ дипломатики, подлежащія тайнѣ, покуда не наступитъ для нихъ позже судъ непристрастной исторіи. Это очевидно месть за уклоненіе отъ принятой между царствующими формы (mon frère), въ отвѣтъ на его письмо къ Государю, которымъ онъ извѣщалъ о своемъ избраніи въ императоры Французовъ, сдѣлавшееся къ сожалѣнію тогда же гласнымъ. Но это не оправдываетъ ни его политики, ни приличія формъ. Богу извѣстно, чѣмъ это кончится. Кто бы могъ, еще менѣе года тому, предсказать, что Россія, могущественная тогда силой и правомъ, которыхъ она была главнѣйшею представительницей и щитомъ въ Европѣ противъ безначалія и демократической внѣшней политики Англіи, будетъ стоять одна, безъ союзниковъ, такъ недавно ею спасенныхъ, противъ Турціи, Англіи и Франціи, въ добычу насмѣшкамъ и сужденіямъ Европейскихъ газетъ и демагоговъ! Дорого стало уже теперь и Богъ знаетъ чего еще стоить будетъ занятіе княжествъ Молдавіи и Валахіи. Графу Ридигеру предстоитъ, кажется, назначеніе; давно не видалъ его. Вчера отправились вслѣдствіе принятыхъ рѣшеній три фельдъегеря къ кн. Воронцову, Меншикову и Горчакову.

Le sort des nations, qui dépend beaucoup de Dieu, dépend aussi un peu d'elles-mêmes. L'opinion qu'elles se font de leur destinée influe sur cette destinée même. L'estime qu'elles conçoivent de leur caractère accroît ou diminue les qualités ou les défauts dont elles sont douées. Le jour sous lequel elles envisagent leur passé se reflète sur leur avenir. Il n'y a que Dieu dans le monde qui soit de force à supporter la solitude.

12-го Февр. Утромъ былъ у меня Назимовъ, бывшій въ мое время на Кавказѣ рядовымъ въ Кабардинскомъ полку по дѣлу 14-го Дек., теперь въ отставкѣ, сѣдой и сухой старикъ, но съ душой еще неусталой. Онъ хлопочетъ здѣсь о принятіи изобрѣтеннаго имъ для Кавказскихъ рѣкъ походнаго моста. Понтоны тамъ не годятся.

Pascal dit que c'est traiter indignement la raison de l'homme que de la mettre en parallèle avec l'instinct des animaux, puisqu' on ôte la principale différence, qui consiste en ce que les effets du raisonnement augmentent sans cesse, au lieu que l'instinct demeure toujours dans un état égal. Les ruches des abeilles étaient aussi bien mesurées il y a mille ans qu' aujourd' hui, et chacune d'elles forme cet hexagone aussi exactement la première fois que la dernière. Il en est de même de tout ce que les animaux produisent par ce mouvement occulte. La nature les instruit à mesure que la nécessité les presse; mais cette science fragile se perd avec les besoins qu' ils ont. Comme ils la reçoivent sans étude, ils n'ont pas le bonheur de la conserver, et toutes les fois qu'elle leur est donnée, elle leur est nouvelle, puisque la nature n'ayant pour objet que de maintenir les animaux dans un ordre de perfection bornée, elle leur inspire cette science simplement nécessaire et toujours égale, de peur qu'ils ne tombent dans le dépérissement, et ne permet pas qu'ils y ajoutent, de peur qu'ils ne passent les limites qu'elle leur a prescrites.

13-го Февраля. Сѣверное сіяніе, предвѣстіе для народа страшныхъ событій.

Отвѣтъ Государя на письмо Наполеона, публикованный въ газетахъ, сильный и исполненный достоинства. Храмъ Януса еще не отворенъ настежъ: оставлена возможность, хотя сомнительная, затворить его. Воспользуются ли?

15-го Февр. Г.-а. Шильдеръ подъ Рущукомъ сжегъ Турецкій пароходъ и нанесъ потерю крѣпостной флотиліи; узнаю его.—Встрѣтилъ Государя.—Въ парламентѣ рѣчь лорда Грея, осуждающая дѣйствія министерства, доведшія до разрыва съ Россіею, сильная доводами. Она найдетъ отголосокъ въ Англіи. Статья Times'а противъ своеручнаго письма Наполеона къ Государю, благоразумная и основательная.

16-го Февр. Для встрѣчи грозы, собирающейся на Россію, устроиваются три арміи: сѣверная подъ начальствомъ Наслѣдника, западная въ Царствѣ Польскомъ и Курляндіи (гл. квартира въ Варшавѣ подъ начальствомъ г. Ридигера, но подчиненнаго фельдмаршалу), Дунайская подъ личнымъ его предводительствомъ (гл. квартира Фокшаны). Затѣмъ еще Азіатская армія съ Кавказомъ подъ начальствомъ к. Воронцова. (гл. кв. въ постели въ Тифлисѣ). Продолженіе приготовленій въ Кронш-

тадтѣ. Кронштадтскій фортъ. Затруднительное положеніе г. Ридигера. На всемъ огромномъ пространствѣ расположенія небывалой арміи не нашлось для меня мѣста.

17-го Февр. Пріѣхалъ проститься Б. А. Перовскій, отправленный въ Полтаву для надзора за рекрутскимъ наборомъ. Опять это непонятное дѣло о представленіи къ наградамъ за дѣла въ Венгріи офицеровъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ. Случай или новое преслѣдованіе?

18-го Февр. Рѣчь лорда Росселя въ нижней палатѣ $^{5}/_{17}$ Февраля. Послѣ этой рѣчи сближеніе уже невозможно, развѣ съ паденіемъ нынѣшняго министерства въ Англіи. Не хороши также настоящія наши отношенія къ Германіи. Какъ могло все это случиться въ такое короткое время и послѣ столь высокаго значенія во внѣшней политикѣ, намъ такъ еще недавно принадлежавшаго?

19-го Февр. Возвращаясь домой, увидѣлъ у подъѣзда к-я Суворова, искавшаго моей квартиры. Занимательный и грустный съ нимъ разговоръ въ кабинетѣ. Новое доказательство непримиримой ненависти ко мнѣ ф. П. На прогулкѣ догналъ и поговорилъ съ Олсуфьевымъ. Рѣзкость сужденій о военномъ дѣлѣ людей вовсе къ тому ничѣмъ не призванныхъ и ему чуждыхъ. Гарнизоны фортовъ на восточномъ берегу Чернаго моря предоставлены своей судьбѣ. Вчерашняя статья въ J. de St-Pétersbourg, указывающая на предварительныя, Англійскому кабинету лично Государемъ чрезъ посла сдѣланныя открытія, въ случаѣ приступа къ Турецкому вопросу. Они обращены, кажется, Англіею противъ насъ. Цѣль этой статьи вѣроятно поселить недовѣрчивость между Франціей и Англіей.—Греція и Эпиръ уже метутся. Суліоты вспомнили прежніе подвиги и подняли оружіе. Все это преждевременно и можетъ быть подавлено до настоящаго развитія соединенными силами Турокъ и христіанскихъ союзниковъ ихъ, прежде чѣмъ какая либо отъ насъ помощь можетъ содѣйствовать имъ. Сколько бѣдствій порождено уже этимъ пагубнымъ приступомъ къ несчастному Турецкому вопросу и сколько ихъ предстоитъ еще!

20-го Февр. Вчера съ дочерьми и сыномъ Николаемъ на балѣ у графа Кушелева-Безбородко. Продолжительный и значительный разговоръ съ Наслѣдникомъ. Онъ глубоко прини-

маетъ и понимаетъ важность настоящаго положенія Россіи. Трогательное выраженіе участія въ происшедшемъ со мною. По разсчету времени Англійскій флотъ, по его мнѣнію, долженъ уже быть въ Балтикѣ. Онъ полагаетъ, что Англичане рѣшатся изъ хвастовства даже на высадки. Благосклонный намекъ, что и до меня дойдетъ очередь не оставаться празднымъ. Нѣсколько словъ съ Безакомъ. Артилерійскій департаментъ подчиненъ ему. Предположеніе, что Австрійскій корпусъ вступилъ въ Албанію и Боснію. Мы наканунѣ важныхъ, быть можетъ, роковыхъ происшествій. Обязательное слово графа Рибопьера. Участіе неизмѣнное к. Суворова. Картина Синопскаго сраженія Боголюбовымъ.

21-го Февр. По слухамъ, Австрія становится сомнительной. Пруссія не пропустила 20 т. ружей, выписанныхъ, кажется, изъ Бельгіи. Предполагаемыя средства усиленія обороны Кронштадта. Въ Балтійскомъ флотѣ покуда ни одного извѣстнаго имени. Нашъ Меттернихъ колеблется при новомъ непривычномъ для него оборотѣ дѣлъ въ Европѣ. Дипломатика неудавшаяся переходитъ для окончательнаго рѣшенія спора отъ циркуляровъ къ штыкамъ. Невозможность выхода Кронштадтскихъ дивизій флота для соединенія съ дивизіей Свеаборгской, за сплошнымъ льдомъ. Подводныя мины. Мнѣніе объ нихъ. О неприступности Свеаборга. Секретари вмѣсто пословъ, какъ бы ни были искусны, не замѣняютъ ихъ. Не одинъ умъ, характеръ человѣка, уже извѣстный изъ прежнихъ положеній, внушаетъ уваженіе и даетъ перевѣсъ въ политикѣ и войнѣ. Французы посылаютъ противъ насъ Алжирцевъ; не худо было бы противопоставить имъ Кавказцевъ. Правда, что они разогнаны. Слухъ, что к. Воронцовъ оставляетъ въ Мартѣ мѣсяцѣ Тифлисъ, по слабости здоровья.

22-го Февр. Тревожное расположеніе духа, отзывающееся даже ночью во снѣ: слѣдствіе откровенныхъ разговоровъ о важномъ настоящемъ положеніи дѣлъ. Зачѣмъ сообщать свой образъ мыслей, когда поле дѣятельности для меня закрыто? Но теперь говорятъ всѣ, и на это не обращается вниманія. Меня увѣряютъ, что мои мнѣнія и способъ изложенія ихъ, особенный отъ общаго, замѣтенъ и повторяется другими въ смыслѣ пріязни и непріязни, и потому можетъ для меня и семейства

имѣть вредныя послѣдствія. Быть можетъ. Не трудно наложить на уста печать и безмолвно ожидать и встрѣчать происшествія предусмотрѣнныя. По моему мнѣнію, главныя изъ нихъ отвратимы при иномъ способѣ дѣйствій и употребленіи разныхъ лицъ какъ въ политикѣ, такъ и въ войнѣ. А въ день вызова въ мою очередь на дѣятельность, если онъ наступитъ, принести въ душѣ и доказать на дѣлѣ всегдашнюю готовность служить своему отечеству и умереть за него. Теперь возставшей на Россію опасной бури противопоставленъ человѣкъ, обладающій въ высшей степени искусствомъ съ огромными средствами производить малыя дѣла. Да проститъ меня Богъ и Государь, если ошибаюсь; но убѣжденіе мое глубоко и чуждо всякой ненависти, несмотря на оскорбленія и гоненіе.

26-го Февр. L'énergie et le travail de l'homme, principal élément de son bien-être, supérieur à la bonté du sol et du climat: благосостояніе крестьянъ въ Остроботніи, даже въ Торнео; также въ Норвегіи. Нераздробимость фамильной земли въ управленіи старшаго въ семьѣ. Матеріальное благосостояніе Финляндіи, со времени присоединенія къ Россіи, возвысилось и жителями сознается.—Ожиданіе послѣдняго слова (ultimatum) изъ Парижа. Будбергъ, нашъ министръ въ Пруссіи. Невыгодныя мнѣнія о Лермонтовѣ, комендантѣ Свеаборгскомъ. Кронштедтъ, сдавшій намъ эту крѣпость, по общему мнѣнію, подкупомъ, не оставилъ по себѣ состоянія дѣтямъ. Знавшіе его близко не вѣрили подкупности, хотя затруднялись объяснить причину сдачи. Это остается темно.—Второй томъ „Мертвыхъ душъ" Гоголя въ рукописи; стараться достать.

27-го Февр. Утромъ вчера г.-л. Броневскій, потомъ г-лъ Сумароковъ. Первый объявилъ о предстоящемъ ему назначеніи начальникомъ штаба къ г-лу Ридигеру, по предложенію ему сдѣланному. Онъ будетъ полезенъ: при умѣ природномъ онъ не переставалъ укрѣплять его познаніями и упражнять на дѣлѣ по разнымъ званіямъ, черезъ которыя съ успѣхомъ проходилъ послѣ командованія полкомъ подъ моимъ начальствомъ. Проектъ кавалерійской академіи, составленный имъ. Теперь на дворѣ вьюга, тревожно напоминающая о большомъ числѣ войскъ и военныхъ транспортовъ, которые въ движеніи. Въ эти дни окончательно рѣшается вопросъ, быть ли почти всеобщей войнѣ

или отвратить ее уступкой княжествъ и права оффиціальнаго покровительства христіанъ Греческаго исповѣданія, Турецкихъ подданныхъ. Но послѣ взаимныхъ оскорбительныхъ выходокъ сближеніе невозможно. Послѣдствія предвидѣть трудно.

28-го Февр. Сегодня церемоніалъ крещенія новорожденной Вѣры Константиновны. Не поѣхалъ. Послѣ долгаго размышленія убѣжденіе, что на Польской границѣ противъ Австріи и Пруссіи военныхъ дѣйствій не будетъ, а только обсерваціонныя арміи въ присутствіи.

1-го Марта. Сколько живѣе, непрерывнѣе и отраднѣе ощущенія семейной жизни въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ! Тамъ всѣ члены семейства другъ другу сердцу ближе. Тихое вліяніе красивой природы, жизнь почти на открытомъ воздухѣ, дѣйствуютъ благотворно на тѣло и душу.

2-го Марта. Адм. Рикордъ обѣщалъ устроить поѣздку въ Кронштадтъ для осмотра этой угрожаемой крѣпости, почитаемой неприступною. Депутація Финляндскихъ лоцмановъ. Хорошія вѣсти для нашего дѣла изъ Пруссіи. Не сомнѣваюсь, что тѣмъ же кончится и съ Австріей. Странный, но возможный слухъ о происшествіи съ Наполеономъ въ Парижѣ. Вздорожаніе каменнаго угля. Найденный въ Суворовскихъ имѣніяхъ оказался негоднымъ. Утро великолѣпное. Солнце уже грѣющее на чистомъ небѣ при легкомъ морозѣ, безъ малѣйшаго вѣтра. Наружный воздухъ наполнилъ кабинетъ свѣжестію и весеннимъ запахомъ. Деревья Таврическаго сада одѣлись красивымъ иніемъ.

3-го Марта. Обѣдалъ въ 6 часовъ у в. к-ни Екатерины Михайловны, одинъ съ ея супругомъ, съ нею и фрейлиной, незнакомой мнѣ, пріятною и умною. Послѣ обѣда, à parte съ принцемъ о настоящихъ обстоятельствахъ и предстоящей кампаніи на Дунаѣ. Мысль перейти за Дунай, но оставаться по сю сторону Балкановъ, полагаю почерпнутою изъ разговоровъ съ фельдмаршаломъ; она стоитъ вниманія, если Англо-Французская армія дѣйствительно займетъ Еносъ, Адріанополь и Софію. Если же и Константинополь, требующій значительныхъ силъ, то она на прочихъ пунктахъ будетъ слаба; особливо если возстаніе Грековъ и Славянъ не будетъ къ тому времени подавлено, и неутралитетъ Австріи будетъ совершенно надеженъ. Это планъ не такъ какъ цѣль дѣйствій, а какъ приступъ къ нимъ,

чтобы, смотря по обстоятельствамъ, перейти къ чему либо болѣе рѣшительному, представляетъ выгоды.—Старшіе сыновья и дочери вчера съ утра катались на тройкахъ на острова, были въ оранжереяхъ г. Нессельроде и Гарфункеля. На прогулкѣ вчера встрѣтилъ ѣхавшаго ко мнѣ молодого гр. Орлова; онъ вышелъ изъ саней и прошелся со мною. Онъ ѣдетъ теперь въ Ревель, гдѣ прежде всего ожидаютъ появленія Англійскаго флота; потомъ въ армію на Дунаѣ. Обѣщалъ ему навѣстить отца сегодня. Государь въ отсутствіи—въ Гельзингфорсѣ и Свеаборгѣ.

4-го Марта. Одна изъ вредныхъ сторонъ назначенія на Дунай ф.....: неуживчивость его, вездѣ и особливо въ Венгерскую войну доказанная. А тамъ увѣренность въ пріязненномъ нейтралитетѣ Австріи необходима, между тѣмъ какъ виды и интересы наши съ нею въ столкновеніи. Навѣстилъ графъ Бобринскій. Пріятная вѣсть о новомъ доказательствѣ въ недавнемъ разговорѣ, благорасположенія ко мнѣ доброй Императрицы. Потомъ П. П. Мельниковъ. Приглашеніе и разговоръ его съ принцемъ Ольденбургскимъ о сооруженіи желѣзной дороги изъ Москвы въ Одессу. Запрещеніе вывоза за границу золота и серебра тотчасъ подѣйствовало вредно на курсъ нашихъ банковыхъ билетовъ.

5-го Марта. Обѣдалъ у Бобринскихъ, какъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Графиня хозяйка—образецъ женщины свѣтской, сохранившей вѣру во все высокое и благородное. Познакомился съ третьимъ ихъ сыномъ, лѣтъ тридцати, который управлялъ имѣніемъ, но по важнымъ настоящимъ обстоятельствамъ Россіи вступаетъ юнкеромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ на Дунаѣ.—Бутовскій.—Оттуда въ 9-ть часовъ поѣхалъ къ г. А. Ѳ. Орлову и засталъ его, какъ желалъ, одного. Очень занимательный разговоръ съ императоромъ Австрійск.; колебаніе послѣдняго. Письмо Государя—тонъ прежней пріязни до *ты*; подтвержденіе дружественнаго расположенія Пруссіи: 20 т. ружей, отправленныхъ къ намъ изъ Бельгіи и сперва задержанныхъ, теперь пропущены. Русскій экипажъ корабля, проданнаго по приказанію въ Тріестѣ, прибывшій чрезъ Гамбургъ въ Берлинъ, былъ угощенъ королемъ, причемъ былъ тостъ за Синопскую побѣду. Войска, вызванныя изъ Москвы въ подкрѣпленіе Петербургскаго гарнизона, ожидаются къ половинѣ Апрѣля; не

поздно ли?—Сынъ Ермолова изъ Тегерана съ извѣстіями странными: посланникъ нашъ к. Долгоруковъ ведетъ себя оскорбительно и грубо съ Персіянами, показавшими готовность содѣйствовать намъ. Г. Орловъ хочетъ выставить это Государю. На раутѣ у гр. Разумовской возобновилъ и сдѣлалъ много знакомствъ. Партія ералашу съ г-нями Протасовой, Кушелевой и Мейендорфомъ. К-я Юсупова и Карамзина, ур. Дука. Общій разговоръ объ ожидаемомъ прибытіи непріятельскаго соединеннаго флота къ Кронштадту и Петербургу съ десантомъ. Отчаянной предпріимчивости многое возможно. Мелководіе залива—недостаточное огражденіе. Для этого есть мелкія суда вооруженныя и просто лодки....

Явлюсь въ распоряженіе Наслѣдника при первомъ извѣстіи о приближеніи флота, отъ котораго ожидаю бѣшеныхъ предпріятій. Мнѣ что-то нѣсколько разъ приходитъ на мысль, что изъ ненависти къ Государю и хвастовства они сдѣлаютъ покушеніе на Петергофъ, какъ любимое пребываніе двора.—К. Воронцовъ уволенъ на шесть мѣсяцевъ въ отпускъ. Реадъ назначенъ командующимъ вмѣсто его на время!! И въ такихъ обстоятельствахъ! Я всегда признавалъ его здравый смыслъ, но довольно ли этого?

6-го Марта. Обѣдалъ у к. В. В. Долгорукова. Сузза и его жена; Рикордъ и к. Влад. Долгоруковъ. Живой, съ моей стороны слишкомъ живой, разговоръ, какъ бываетъ со мною, когда я долженъ говорить противъ обыкновенія громко, а к. В. В. и Рикордъ оба не дослышатъ. Первый шагъ сближенія съ военнымъ министромъ чрезъ его брата к. Владимира. Г. Ридигеръ долженъ былъ съ нами обѣдать, но отозванъ былъ къ Государю.

7-го Марта. Опасенія за Петербургъ со стороны Выборга. Изъ семи фортовъ на восточномъ берегу Чернаго моря гарнизоны сняты на суда и спасены. Въ Геленджикѣ гарнизонъ оставленъ. Хорошо ли?

8-го Марта. Рано вчера Клавдій Ермоловъ изъ Тегерана и съ Кавказа. И тамъ дипломатъ, достойный прочихъ выборовъ г. Нессельроде; а въ Тифлисѣ? Мелкая монета прежнихъ людей! Знаю, что такъ Несторъ говоритъ у Гомера при Ахиллахъ, Аяксахъ и др. Порадуюсь, если у насъ также появятся. Дипломатическая кампанія не удалась, а было на что опереться представи-

делямъ Россіи. Посмотримъ, что̀ скажетъ военная. Послѣдніе дни еще, быть можетъ, возможнаго сближенія и усмиренія грозящей бури проходятъ. Причины къ войнѣ, сначала спора выставленной, уже не существуетъ. Защитники Порты противъ нашихъ первоначальныхъ требованій требуютъ отъ нея теперь гораздо болѣе, требуютъ невозможнаго. Остаются одни оскорбительныя выраженія, во время переговоровъ въ рѣчахъ и актахъ, противъ всѣхъ приличій, вырвавшіяся. Оправдываетъ ли это войну?

Адмиралъ - старикъ Рикордъ назначается начальникомъ двухъ флотскихъ дивизій въ Кронштадтѣ. Въ случаѣ соединенія всѣхъ трехъ, состоять при Генералъ-Адмиралѣ.

9-го Марта Фельдмаршалъ нашелъ, что г-у Ридигеру нѣтъ нужды въ начальникѣ штаба, и потому назначеніе Броневскаго не состоится.

10-го. Еще причина, кромѣ многихъ другихъ, почему Австрія должна склониться на сторону Россіи, а не Франціи и Англіи. Съ Россіей она въ столкновеніи на счетъ новыхъ, будущихъ пріобрѣтеній въ случаѣ изгнанія Турокъ изъ Европы, а съ Франціей на счетъ своихъ лучшихъ провинцій, въ продолженіи столѣтій уже ей принадлежавшихъ и недавно еще, послѣ возмущенія, вновь ею покоренныхъ. Франція сторожитъ ихъ и при первомъ случаѣ подыметъ ихъ снова противъ Австріи.

Фельдмаршалъ долженъ былъ ночью выѣхать въ Варшаву и на Дунай.

11-го Марта. Фельдмаршалъ уѣхалъ. Г. Ридигеръ на отъѣздѣ. Ревель опустѣлъ, опасаясь бомбардированія Англо-Французовъ.

12-го Марта. Встрѣча и короткій разговоръ съ сенаторомъ Ковалевскимъ о братѣ его, посланномъ и дѣйствующемъ въ Черногоріи и Герцеговинѣ. Затруднительное положеніе Сербіи, готовой къ возстанію, но не довѣряющей Австріи. Стычки на Дунаѣ съ Турками при попыткахъ переправы на лѣвый берегъ.

13-го Марта. Браво Григоровичъ! Это языкъ и картины Русскіе, это дышетъ жизнію и бытомъ Русскимъ. Болѣе чѣмъ съ удовольствіемъ, съ участіемъ прочелъ я повѣсть его—Рыбаки.

14-го Марта. И такъ рѣшено. Съ огромными средствами избранъ самый робкій планъ дѣйствій противъ Турціи. Дунай-

ская армія переправилась или переправляется въ эти дни за Дунай, между Браиловымъ и Мачинымъ. Дунай въ томъ мѣстѣ имѣетъ болѣе 400 сажень ширины и ни одного острова. Берегъ непріятельскій занятъ батареями, и сзади ихъ на высотахъ позиція Турокъ. Въ случаѣ успѣха, вѣроятно большимъ урономъ купленнаго, армія вступитъ въ самый пустынный и нездоровый край Турціи и начнетъ осаждать лежащія по Дунаю крѣпости, въ которыхъ неуклюжіе въ полѣ Турки хорошо обороняются. До Силистріи 180 верстъ. Возстанію Славянъ и Грековъ никакой отъ того помощи. Огромныя средства на малыя дѣла, надъ которыми растаетъ армія и пройдетъ драгоцѣнное время. Хотятъ не отдаляться отъ Одессы, куда боятся высадки. Эти двѣ операціи розныя. Дунайская армія не можетъ оказать никакого пособія, и отряды изъ нея туда, въ случаѣ нужды, не поспѣютъ. Тамъ долженъ быть особый корпусъ. Продовольствіе тамъ легче, но оно вмѣстѣ съ войсками изведется для цѣли ничтожной. Валахія и Молдавія доставили бы и продовольствіе, и перевозочныя средства для плана болѣе стратегическаго. Фельдмаршалъ къ труднѣйшему, къ переправѣ, не могъ поспѣть, а поручилъ к. Горчакову. Въ случаѣ продолжительной осады Силистріи, Англо-Французы могутъ дѣлать тревожныя высадки, въ Кюстенджи, Мангаліи и особливо въ Варнѣ. Ничего сколько нибудь рѣшительнаго, грознаго для Турціи, побудительнаго къ миру.

15-го Марта. Ѣздилъ къ военному министру; засталъ у него новаго генералъ-контролёра, графа Кушелева-Безбородко; онъ оставался слишкомъ долго. По отъѣздѣ его объясненіе съ министромъ, возставившее наши прежнія пріязненныя отношенія. Онъ выразилъ между прочимъ сожалѣніе, что к. Меншиковъ, а не я, былъ отправленъ въ Константинополь. Тягостный бюрократическій порядокъ, формы котораго мелочами поглощаютъ время и отвлекаютъ отъ дѣлъ важныхъ, затрудняя вмѣстѣ съ тѣмъ ходъ ихъ. La forme emporte le fond, сказалъ еще Лабрюйеръ. Мы дошли до этого. Князь между прочимъ сказалъ, что ему въ продолженіе четырехъ часовъ случается подписывать свое имя, по дѣламъ текущимъ, малозначущимъ, по заведенному порядку. Въ такой работѣ рука устаетъ, а голова опустѣетъ. Подтвержденіе хорошихъ извѣстій изъ Пруссіи и Австріи. Вы-

ходка графа К.-Безбородко противъ дипломатическихъ выборовъ, между прочимъ, назначеніе на мѣсто умершаго въ Вашингтонѣ Бодиско, нашего министра въ Бразиліи, г-на Медема, не бывавшаго въ Россіи лѣтъ восемь, тогда какъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и по симпатіи оказанной намъ въ Соединенныхъ Штатахъ, нужно бы послать отсюда дипломата, который имѣлъ бы что нибудь сообщить обязательнаго прямо изъ устъ Государя и передать, какъ самовидецъ, порывъ народный, военныя приготовленія и отпоръ ожидающій враговъ Россіи. Очень основательно! Это напомнило мнѣ разговоръ, тому уже нѣсколько лѣтъ, съ гр. Киселевымъ, утверждавшимъ, что не люди важны, а учрежденія. Неправда. Даже въ государствахъ, гдѣ существуютъ вѣковыя учрежденія, необходимы люди для управленія ими въ духѣ истинной ихъ цѣли, когда, отдаляясь отъ нея, они обращаются въ стѣснительныя и пустыя формы; а въ Россіи, во многихъ отношеніяхъ сравнительно еще новой, занятой на всѣхъ своихъ границахъ, сверхъ того, организаціей, освоеніемъ, умиреніемъ завоеванныхъ провинцій (на Сѣверѣ Финляндіи, на Западѣ Польши, на Югѣ Бессарабіи, Крыма, Кавказа, Грузіи, Мусульманскихъ провинцій, на Востокѣ Башкиръ, Калмыковъ, Киргизовъ, Сибири), въ Россіи особенно нужны не машины исполнительныя, а мужи слова, дѣйствія, воли, разумныя орудія благонамѣренной высшей власти, а не слѣпыя и безмолвныя. А внутренняя администрація самой коренной Россіи съ своимъ жизненнымъ всегдашнимъ вопросомъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а вопросъ о созданіи сообщеній, нетерпящій отлагательства и упущеніе котораго въ настоящихъ обстоятельствахъ такъ ощутительно! А внѣшнія, политическія сношенія, неспособностію и незначительностію употребленныхъ лицъ доведшія Россію, несмотря на ея положительное могущество, до оскорбленій, несбыточныхъ при достойныхъ представителяхъ! Теперь оружіе должно заглаживать ошибки дипломатовъ, а оно также!!!

16 Марта. Во время прогулки первый поклонъ проѣзжавшаго Государя, вѣроятно слѣдствіе вчерашняго объясненія съ в. м. Что-то недоволенъ собою. Много шуму, мало дѣла. На послѣднее готовъ, но не отъ меня зависитъ; а первое совершенно отъ

меня. И безъ того отбиваюсь, сколько могу, отъ приглашеній и визитовъ и доволенъ, когда остаюсь съ семействомъ дома.

17-го Марта. Съ удовольствіемъ прочелъ въ приказѣ о награжденіи Станиславомъ 2-й степени Константина Роллы, моего шурина, директора департамента внутреннихъ дѣлъ въ Молдавіи, о которомъ ни я, ни его сестры, Полль и Михайловская, ничего не знали и, при настоящихъ обстоятельствахъ края, за него безпокоились.

18-го. Рано вчера утромъ полк. Щербачовъ. Подробности положительныя, слѣдствіями самимъ имъ произведенными открытыя и доказанныя, о разныхъ злоупотребленіяхъ и ложныхъ донесеніяхъ про небывалыя дѣла съ непріятелемъ на Кавказѣ. Важнѣйшее полк. Едлинскаго за Лабой, въ проѣздъ Государя Наслѣдника. Побочный сынъ г-ни Пот., сестры к-ни Вор.... По уличеніи въ дерзкомъ обманѣ, ему объявленъ арестъ на 28 дней, и потомъ данъ Моздокскій линейный полкъ! Начальникъ Ахметовскаго укрѣпленія, за подобное, не вовсе однако вымышленное дѣло, и теперь подъ судомъ. Г.-м. Евдокимовъ, опытный и храбрый, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ моего времени, добрый семьянинъ, тоже поддался дурнымъ примѣрамъ и заботится о своихъ выгодахъ.—Встрѣтивъ Сумарокова, ѣхавшаго отъ меня, воротился къ нему. Рѣшенное и сообщенное ему г. Н-мъ назначеніе мое—начальникомъ войскъ на самомъ угрожаемомъ въ настоящее время мѣстѣ, въ Кронштадтѣ. Poste d'honneur. Нерѣдко я предугадывалъ это. Готовъ и благодаренъ. Мнѣ еще не объявлено. Вечеръ у Сумарокова. Разсказъ о встрѣчѣ будто бы въ Черномъ морѣ нашего фрегата съ Французскимъ. Этотъ первый поднялъ Русскій флагъ; ему отвѣчали, выкинувъ Французскій. Онъ выставилъ адмиральскій, на который отвѣчали контръ-адмиральскимъ. Тогда Французскій отсалютовалъ 21-мъ выстрѣломъ; на салютъ отвѣчали такимъ же. Тогда нашъ контръ-адмиралъ (имени его не сказали мнѣ) по приглашенію отправился на Французскій фрегатъ со свитой и былъ угощенъ самымъ пріязненнымъ образомъ. Въ продолженіе бурной на Черномъ морѣ погоды, заставившей Англо-Французскій флотъ укрыться въ Босфорѣ, адмиралъ Нахимовъ снялъ наши гарнизоны на Восточномъ берегу, 6 т. человѣкъ, на корабли, затопивъ пушки. Остались Пицунда и Геленджикъ. Кромѣ очевидной опасности

быть уничтоженными отъ непріятеля, они имѣли продовольствія только до 1-го Мая. Въ Кронштадтѣ, по тѣснотѣ, не было по сіе время пороховаго погреба, а порохъ доставлялся по потребности съ Охты. Теперь спѣшатъ построить погребъ, въ который назначено помѣстить 20 т. пудовъ. Половина уже доставлена на мѣсто на дняхъ. Обратить на это важное обстоятельство особенное вниманіе. Кронштадтъ, собственно, имѣетъ всего периметра 7 верстъ, въ ширину $2^1/_2$ и 2 версты. Всего глупѣе было бы взлетѣть на воздухъ. Хорошаго адъютанта. Добрую лошадь, привыкшую къ стрѣльбѣ и суматохѣ; небольшую, но дѣльную канцелярію.

19-го Марта. Встрѣча съ сен. А. М. Безобразовымъ. Безпокойство въ части Петерб. общества по случаю принимаемыхъ мѣръ противъ ожидаемаго непріятеля. Сообщилъ старшему сыну о предстоящемъ назначеніи; быть можетъ, и отмѣнятъ. На этотъ разъ совмѣстниковъ однако вѣроятно не будетъ. Кромѣ сына, въ семействѣ никто еще не знаетъ. Странно, что Софья за прошлую ночь, когда никто кромѣ меня не зналъ объ этомъ, видѣла меня и себя въ Кронштадтѣ, подъ градомъ бомбъ, и разсказала утромъ. Въ семействѣ вовсе нѣтъ обычая говорить о снахъ, и едва ли не впервыя это случилось.

Вчера были похороны Екатерины Владимировны Апраксиной. Она умерла 84-хъ лѣтъ. Полагаю, что по этому случаю раутъ у г-ни Разумовской вѣроятно не состоялся; мы не поѣхали.

Наполеонъ—настоящій поджигатель въ настоящемъ пожарѣ стараго свѣта. Англія уступила увлеченію, противному истиннымъ ея выгодамъ и, по свойству ея народа, не замедлитъ одуматься. Германія поняла, я полагаю, наконецъ, свое положеніе и гдѣ истинный ея врагъ. Но безъ предварительнаго, близкаго уже столкновенія все это не придетъ въ порядокъ. Надъ трупомъ Турціи загорится новый пожаръ; Европейскій конгрессъ могъ бы предупредить или по крайней мѣрѣ сократить его.

*

20-го Марта. Вчера на вечерѣ у Бекетовыхъ получилъ отъ военнаго министра приглашеніе пріѣхать къ нему въ половинѣ одиннадцатаго того же вечера. Въ каретѣ Бекетовой поѣхалъ оттуда прямо и засталъ князя Долгорукова одного. Онъ сооб-

щилъ мнѣ волю Государя принять начальство надъ войсками въ Кронштадтѣ. Съ благодарностью принимаю этотъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ почетный постъ. 24 баталіона. Странное отношеніе къ адм. Литке. Не вышла бы путаница. Сегодня утромъ воен. министръ доложитъ Государю о моей готовности.

21-го Марта. Утромъ вчера въ Военное Министерство. Государь милостиво принялъ готовность принять предложенное мнѣ мѣсто. Усиленіе Кронштадтскаго гарнизона 2-мъ учебнымъ карабинернымъ полкомъ; быть можетъ, и первымъ. Имѣть дѣло съ однимъ г-нъ Деномъ. Литке адмиралъ устранится къ особому назначенію.

22-го Марта. Вчера важный въ жизни день. Государь принялъ въ кабинетѣ. Объясненіе. Трогательный пріемъ Императрицы. Екатерина Михайловна. В. К. Константинъ Николаевичъ. Гр. А. Ѳ. Орловъ. Рамзай. Въ три домой. Броневскій. Его записка объ учрежденіи кавалерійской академіи. Сумарокова объ оборонѣ С.-Пет. и береговъ Финскаго залива. Въ десятомъ ѣздилъ къ кн. В. В. Долгорукову; благородныя изъявленія и вызовы доказать свою дружбу.

23-го Марта. Утромъ вчера у Наслѣдника, Императрицы, Елены Павловны. Гр. А. Ѳ. Орловъ. Жена и дочь кн. Суворова у Императрицы. Г.-ад. Анненковъ Новороссійскій г.-губ., временный вмѣсто Ѳедорова.

Странный упрекъ И. . . . . въ тщеславіи, и упрекъ повторенный. Не ошибка ли въ словѣ? Fierté, à la bonne heure; mais vanité!

25-го Марта. Вчера переѣхалъ въ Кронштадтъ. Сынъ Михаилъ меня проводилъ и пореночевалъ у меня. Покуда еще какъ въ лѣсу. Квартира холодная. Сегодня представлялся в. г. Дену. Еще ни адъютанта, ни писаря, ни лошади. Только что навѣстили меня адмиралы Рикордъ и Литке. Контръ-адмиралъ Истоминъ, бывшій при мнѣ въ 1849 г. во время посольства въ Константинополѣ. Былъ также у меня утромъ племянникъ Андрей Петровичъ, бриг. команд. гвард. артилерійскихъ батарей, здѣсь временно находящихся. Прибыли еще изъ войскъ въ мое вѣдѣніе назначенныхъ четыре баталіона, два резервныхъ и два запасныхъ, принца Прусскаго и принца Карла Прусскаго, всего съ унтеръ-офицерами въ числѣ 1468 человѣкъ

строевыхъ. Сверхъ того 400 рекрутъ. При г-лѣ Денѣ начальникомъ штаба г.-м. Владимиръ Гавриловичъ Политковскій, братъ умершаго въ прошломъ году виновника происшествія по комитету инвалидовъ, давшаго новое направленіе судьбѣ моей. На Дунаѣ между тѣмъ послѣ переправы взяты Гирсово, Мачинъ, Исакчи, Тульча и занятъ Бабадагъ. Доброе начало! Дай Богъ такое же продолженіе на этомъ трудномъ впереди театрѣ дѣйствій.

Не дождавшись во весь день, вечеромъ записка г.-м. Политковскому о доставленіи мнѣ необходимыхъ свѣдѣній о войскахъ, имѣющихъ поступить въ мое завѣдываніе. Такъ прошелъ въ бездѣйствіи и въ неизвѣстности день, который разсчитанъ былъ иначе. Завтра, надѣюсь, многое сладится.

26-го. Вчера пріѣхалъ сынъ Михаилъ. В. К. Константинъ Николаевичъ. Явился и обѣдалъ у него. Сегодня также. Страшная буря съ мятелью и теперь продолжается и усиливается. Страшно за Михаила, который выѣхалъ въ Петербургъ, въ мое отсутствіе; безъ того удержалъ бы его, ни на что не смотря. Привели верховую лошадь отъ Анзорова. Кн. Барятинскій отъ военнаго министра по дѣлу, удовлетворительно оконченному. На фортахъ отъ внезапной прибыли воды рабочіе ушли. Съ Михаиломъ письмо домой. Явились генералы запасныхъ и резервныхъ войскъ, Швебсъ и Тихменевъ. Государь отложилъ свой пріѣздъ до Воскресенья. Приготовилъ военнаго министра чрезъ кн. Барятинскаго къ узнанію истины насчетъ неудовлетворительности дѣлаемыхъ приготовленій къ отраженію десанта.

28-го Марта. Вчера утромъ въ саняхъ на косу. Заѣхалъ къ племяннику Андрею Петровичу. Потомъ на кессель-батарею. Къ г-лу Дену. Онъ предложилъ посылать мнѣ „Сѣв. Пчелу“ и Indépendance Belge, пока устроится доставленіе ко мнѣ журналовъ. Съ комендантомъ г.-л. Бурмейстеромъ, съ див. генераломъ Швебсомъ и плацъ-маіоромъ обошелъ всѣ наружные посты въ крѣпости. Батарея или башня кн. Меншикова, монументальное сооруженіе до изящества. Слово Ламорисьера при посѣщеніи его. Взялъ молодаго офицера прап. Артюшова за адъютанта. Обѣдалъ у адмирала Литке. Сосѣдомъ былъ г-лъ Политковскій.

29-го Марта. Ожидаемъ пріѣзда Государя къ 11-ти часамъ,

вѣроятно послѣдняго до вскрытія Невы и залива. Начинаю входить въ свое дѣло. Не пріѣдетъ ли сегодня который нибудь изъ сыновей? Меня безпокоитъ неизвѣстность, какъ доѣхалъ въ страшную бурю мой Михаилъ. Каково идетъ хозяйство безъ меня у дѣтей? На другой день моего отъѣзда съ лѣстницы украденъ коверъ съ желѣзными прутьями. Хорошо, что этимъ кончилось. Это сдѣлаетъ всѣхъ осторожнѣе. Скоро ли можно мнѣ будетъ отлучиться, чтобы взглянуть на нихъ? Сѣрый день съ легкимъ морозомъ и снѣгъ, выпавшій ночью. Вчера приходилъ хозяинъ дома съ изъявленіемъ готовности доставить все что могло бы еще быть нужно. Поблагодарилъ и ничего не потребовалъ. Необходимое есть. Теперь не время нѣжиться.

Въ 12-мъ часу пріѣхалъ Государь съ Наслѣдникомъ. Сначала взглядъ и поклонъ его былъ холоденъ. При отъѣздѣ милостивъ и привѣтливъ. Наслѣдникъ былъ ласковъ, какъ всегда. Это былъ послѣдній, сказалъ Государь, пріѣздъ его до вскрытія ото льда. Адмиралъ Рикордъ привезъ мнѣ добрыя вѣсти о семействѣ, переданныя ему вдовою адмирала Лазарева для сообщенія мнѣ.

Къ вечеру прибылъ сюда изъ Стрѣльны 2-й учебный карабинерный полкъ.

Судя по нѣкоторымъ изъ позднѣйшихъ статей Indépendance Belge, можно бы заключить, что сношенія наши съ Пруссіею вовсе не такъ пріязненны и надежны, какъ я слышалъ въ Петербургѣ отъ значительныхъ лицъ; а съ Австріею и подавно. Тогда конечно дѣйствія наши на Дунаѣ подчинены важнымъ условіямъ, стѣсняющимъ ихъ. Они объясняютъ выборъ нижняго Дуная для переправы, счастливо совершенной, но выгодныхъ послѣдстій не обѣщающей.

30-го Марта. Прокламація Фуадъ-еффенди изъ Превезы къ возставшимъ христіанамъ. Дерзкій ультиматумъ Англіи и Франціи Государю, не удостоенный отвѣта. Рано открыты военныя дѣйствія на Дунаѣ, когда еще нѣтъ подножнаго корма. Кавалерія много потерпитъ; она должна подвозить сѣно изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, но тогда армія не можетъ отдалиться отъ Дуная. Чтобы дѣлать что-нибудь, вѣроятно приступятъ къ осадѣ Силистріи. Объявленіе о снятіи гарнизоновъ изъ фортовъ, между тѣмъ какъ Англо-Французы укрывались отъ

бурь въ Босфорѣ. Можно надѣяться, что эта система малыхъ фортовъ, противъ которой я столько возставалъ, и въ будущности не возобновится. Генералъ-фельдцейгмейстеръ Гессъ въ Берлинѣ. Не могу вѣрить, чтобы политика Германіи не приняла, наконецъ, рѣшительнаго оборота въ нашу пользу. Ей незачѣмъ было торопиться. Она имѣетъ выборъ. Всего болѣе желала она мира, затѣмъ неутралитета; но въ случаѣ невозможности сохранить его, она признаетъ настоящихъ своихъ враговъ и союзниковъ. Какъ дерзко поступалъ Англійскій кабинетъ съ Австріей въ разныхъ случаяхъ, особливо въ смутное время 48-го и 49-го годовъ! Какъ ненадеженъ партизанъ, императоръ Французовъ! L'empire c'est la paix! Нѣтъ, не вѣрю, чтобы ослѣпленіе было продолжительно. Здравый смыслъ возметъ верхъ даже въ Англіи и Франціи. Союзъ ихъ не проченъ. Между тѣмъ Австрія намъ уже много повредила. Маркизъ Де-ла Валетъ, который, въ званіи Французскаго посланника въ Константинополѣ, такъ опрометчиво началъ дѣло о св. мѣстахъ, мнѣ старый знакомый: въ проѣздѣ его изъ Персіи, кажется въ 1841-мъ году, онъ былъ и обѣдалъ у меня въ Ставрополѣ. Онъ оставилъ мнѣ на память хорошей отдѣлки тронблонъ со штыкомъ. При немъ былъ въ родѣ карнака нѣкто Лагранжъ, заботливо слѣдившій за его разговоромъ.

31-го Марта. Герцогъ Пармскій пораженъ кинжаломъ и чрезъ 24-е часа умеръ. Что это такое? Личное мщеніе или политическое злодѣйство? Навѣстилъ добрый адмиралъ Рикордъ. Воспользоваться здѣшнею библіотекою, о существованіи которой узналъ отъ него. Кронштадтъ, теперь имѣющій капитальныя зданія, широкія улицы, мостовую, тротуары, скверы, конечно всѣмъ этимъ обязанъ царствующему Государю. Предстателемъ у него былъ адмиралъ Сенявинъ и поддержалъ неутомимыми попеченіями объ украшеніи города Беллинсгаузенъ. Прежде это былъ грязный, безпорядочный городишка, производившій на пріѣзжавшихъ съ этой стороны въ Россію, съ перваго шага, самое невыгодное впечатлѣніе. Петръ Великій не могъ всего докончить.

1-го Апрѣля. Михаилъ былъ на возвратномъ пути отсюда въ опасности: ямщикъ, отыскивая дорогу, провалился сквозь ледъ, и Михаилъ его вытащилъ. Получилъ изъ библіотеки Ис-

торію Малороссіи Николая Маркевича, которую не случилось еще прочесть.

2-го Апрѣля. Сегодня въ 7-мь часовъ утра раздался громкій взрывъ. Взлетѣла на воздухъ лабораторія, причемъ убито 46 человѣкъ, изъ которыхъ 36-ть принадлежали двумъ грардейскимъ батареямъ, подъ моимъ начальствомъ; остальные артилеріи гарнизонной. Причина взрыва неизвѣстна и вѣроятно останется не открытою, никто изъ работавшихъ не оставшись въ живыхъ. Этимъ страшнымъ происшествіемъ начался день.

Г-лъ Политковскій провелъ у меня вчера вечеръ. Онъ президентомъ Американской Компаніи, и разговоръ его очень занимателенъ. Онъ прислалъ мнѣ на пробу чай, доставленный изъ Китая на кораблѣ компаніи. Подробная карта Кронштадта съ косою.

3-го Апрѣля. Обошелъ утромъ съ внутренней стороны вала почти всю крѣпость. Прогулка развлекла мрачное расположеніе духа. Бар. Унгернъ-Штернбергъ, Эстляндскій помѣщикъ, рекомендованный мнѣ кн. В. В. Долгоруковымъ. Онъ намѣревается представить на испытаніе камень, открытый въ его имѣніи, превосходный, по его мнѣнію, для разныхъ инженерныхъ сооруженій, и проситъ присутствовать на испытаніяхъ. Погода теплая, но сильный западный вѣтеръ. Еще нѣсколько такихъ дней, и рѣшительные дни наступятъ. Ревель уже въ тревогѣ. Вечеръ у воен. губ. вицъ-адмирала Литке вдвоемъ. Декларація нашего кабинета, отвѣтъ на объявленіе войны Англіею и Франціею.

4-го Апрѣля. Un homme d'état éminent a dit avec raison, que la constitution anglaise fonctionnait très bien tant qu'elle n'était qu'une fiction; elle ne marchera plus dès qu'on voudra en faire une réalité.

5-го Апрѣля. Вчера, въ Вербное Воскресенье, по высочайшему повелѣнію, было на Соборной площади молебствіе и потомъ парадъ по случаю объявленія Кронштадта въ осадномъ положеніи; было большое стеченіе народа. Послѣ парада я посѣтилъ военнаго г-лъ-губер. Ивана Ивановича Дена, больнаго.

Ужели, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, Австрія кончитъ явнымъ объявленіемъ себя противъ насъ? Если она дѣйствительно это сдѣлаетъ, то затруднитъ насъ чрезвычайно, но позже дорого за то заплатитъ.

Брошюра Тенгоборскаго дѣльная.

6-го Апрѣля. Вчера ѣздилъ на батарею № 1-й на косѣ. Работы идутъ успѣшно и отчетливо Управляетъ ими весьма бойкій офицеръ, котораго фамилію узнать. Ядрокалильная печь, Англійскій бѣлый кирпичъ.—И въ политикѣ, послѣ оказанныхъ услугъ, не должно дѣлать благодарность слишкомъ тягостною.

8-го Апрѣля. Narbonne disait souvent, que quelques unes des garnisons de sa jeunesse avaient été ses meilleurs semestres de travail, et qu'il n'y avait rien de si favorable à l'étude que de s'ennuyer en quartier d'hiver. J'en dirai autant, et j'y ajouterai: les époques de disgrâce et même d'exil, temporaire s'entend.

9-го Апрѣля. On peut mourir de grand coeur pour une cause; mais encore faut-il avoir un peu le consentement de coeurs auxquels on donne sa vie.

A l'étranger il y a beaucoup à apprendre, mais rien à faire; parce qu'il ne faut jamais servir que son pays.

Rien n'est plus mauvais, en fait de gouvernement, que de révolter les âmes honnêtes. Pour durer longtemps, il faut les avoir pour soi, et mettre dans son parti la conscience humaine.

Napoléon I était lui-même son ministre des affaires étrangères, simplification fâcheuse, même pour le génie et dans le cours des plus heureux succès; car elle supprime à l'intérieur toute délibération contradictoire, tout libre examen. Là on ne peut attendre du dehors que résistances ou pièges, hostilités plus ou moins irritantes ou concessions plus ou moins trompeuses; et elle livre l'homme puissant à toutes les tentations de la fortune et de son orgueil.

11-го Апрѣля. Свѣтлый праздникъ. Въ Пятницу совѣтъ у в.-г. губернатора Дена. Предложилъ и принято построить на избранномъ мною мѣстѣ на косѣ полевое укрѣпленіе. Вчера ѣздилъ туда для ближайшаго осмотра. Фл.-ад. полковникъ Исаковъ назначается ко мнѣ въ должность начальника штаба. Вчера встрѣча съ Кольчицкимъ, сослуживцемъ молодости, пріѣхавшимъ сюда по случаю кончины дочери его Опочининой. По распредѣленіи войскъ мнѣ ввѣренныхъ на форты и въ крѣпости, слишкомъ мало остается ихъ для наступательныхъ дѣйствій. Сію минуту пріѣзжалъ фельдъегерь отъ Государя поздравить меня съ праздникомъ; также отъ военнаго министра. Катенинъ назначенъ товарищемъ его. Политковскому Анна

1-й степени. Фельдъегерь переѣзжалъ уже на лодкѣ. Четверть осьмаго утромъ слышно было нѣсколько отдаленныхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Показалось много пьяныхъ солдатъ морскихъ экипажей. Въ часъ ѣздилъ съ Исаковымъ показать ему на косѣ мѣсто, избранное мною для построенія значительнаго полеваго укрѣпленія, съ изъясненіемъ причинъ выбора.—Какъ хороши Souvenirs contemporains d' histoire et de littérature par Villemain! Сколько часовъ заботливаго одиночества украшены чтеніемъ ихъ! Духъ лучшихъ древнихъ и новыхъ писателей отзывается въ нихъ, не подражаніемъ, а соревнованіемъ съ ними. Такимъ чтеніемъ полезно укрѣплять умъ и душу, готовясь къ важнымъ происшествіямъ, къ историческимъ днямъ жизни, быть можетъ къ послѣднимъ.

13-го Апрѣля. Вчера отправлены на ботахъ гарнизоны буксиромъ пароходовъ въ три форта Кроншлотъ, Петра и Александра. Я посѣтилъ и осмотрѣлъ первый изъ нихъ. Сегодня, благодаря утреннему морозу, исполнено труднѣйшее: отправленъ гарнизонъ на рисбанкъ, по льду съ версту отъ вскрытаго моря. Все окончено счастливо. Государь поручилъ г-лъ-адъютанту Философову похристосоваться за него со мною.

14-го Апрѣля. Для насъ стариковъ, къ которымъ, нечего дѣлать, и я долженъ себя наконецъ причислить, какое лучшее мы можемъ сдѣлать употребленіе изъ жалкаго остатка нашей беззубой жизни, какъ пожертвовать ею при первомъ случаѣ для пользы и чести своего Государя и отечества, увлекая своимъ примѣромъ молодыхъ, для которыхъ она дороже?

Вчера обѣдалъ въ клубѣ, въ большомъ обществѣ моряковъ, подъ предсѣдательствомъ адмирала Рикорда. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ вообще и нашемъ въ особенности, тосты за Государя и Царскій домъ, за славу Россіи, имѣли видъ истинной торжественности. Въ голосахъ были слышны и на лицахъ были видны обѣты будущихъ подвиговъ чести и самоотверженія. Остался съ ними до девяти часовъ.

Къ тремъ часамъ ожидаемъ въ Кронштадтъ прибытія Генералъ-Адмирала. Прочиталъ вторую брошюру Тенгоборскаго о политикѣ Англо-Французской. Она дополняетъ и подкрѣпляетъ первую съ замѣчательнымъ искусствомъ и силою. Всѣ возраженія благонамѣренныя и непріязненныя противъ дѣйствій на-

шего кабинета нашли отвѣты, и побужденія къ послѣднимъ раскрыты и объяснены до очевидности. Уже до того замѣчательный статистикъ, онъ этими брошюрами поставилъ себя на ряду съ извѣстнѣйшими публицистами.

Мое предложеніе къ приготовленію сильной и укрѣпленной позиціи, для принятія на ней сраженія, приводится въ исполненіе неудовлетворительно, не вникнувъ вполнѣ въ общее мое соображеніе и не предваривъ меня о приступѣ къ дѣлу. Инженерное самолюбіе! Они не разсуждаютъ, что если техническая часть принадлежитъ имъ преимущественно, то опредѣленіе цѣли и самое размѣщеніе взводимыхъ на избранной мѣстности укрѣпленій, сообразно съ нею, можетъ начальствующимъ опытнымъ въ полѣ генераломъ сдѣлано быть лучше ихъ.

17-го Апрѣля. Ѣздилъ на косу до штерншанца, построеннаго при Петрѣ Великомъ. Онъ въ такомъ положеніи, что должно или воспользоваться имъ для обороны косы, или срыть его. Предпочтительнѣе первое. Устроивъ на замѣченномъ мною мѣстѣ, почти на половинѣ разстоянія между предположеннымъ уже люнетомъ и штерншанцомъ, еще одинъ люнетъ, почти вся коса сдѣлалась бы недоступна для высадокъ. Тогда нуженъ бы еще одинъ эшелонъ войскъ съ батареей между главной позиціей и штерншанцомъ.—Опять простуда, флюсъ; больно и безобразно. Книгъ нѣтъ, общества также. Широкія двери отворены для скуки. Отражу ли ее?

19-го Апрѣля. Вчера прибылъ одинъ баталіонъ 1-го учебн. караб. полка изъ Ораніенбаума. Получилъ сочиненіе Poujoulat Histoire de Constantinople. Есть собесѣдникъ. Грустно можетъ быть, но скучно ужъ не будетъ.

20-го Апрѣля. Сегодня получено извѣстіе съ Чернаго моря, донесеніе бар. Сакена о первой попыткѣ Англо-Французскаго флота на Одессу въ Страстную Субботу 10-го Апрѣля. Она славно и съ малою потерею отражена; посмотримъ далѣе. Въ часъ былъ первый опытъ тревоги и маневръ на косѣ. Надобно повторить, боевой резервъ сколь возможно усилить. Скоро наступитъ время дѣйствій и у насъ.

21-го Апрѣля. Ѣздилъ за городъ на косу. Къ возведенію люнета еще не приступали. Срываютъ фасъ штерншанца, къ намъ обращенный. Мое мнѣніе было бы его возобновить, чтò

было бы и легче. Дессантъ былъ бы тогда почти невозможенъ. Constantinople par Poujoulat. Слишкомъ много теологіи. L'église de Sainte Sophie a la forme d'une croix grecque dont les branches sont inégales. C'est un carré plus long que large. La largeur est de deux cent quarante trois pieds; la longueur, depuis le sanctuaire, placé à l'orient, jusqu' aux neuf portes occidentales, est de 269 pieds. Le point le plus élevé du centre de la coupole présente une hauteur perpendiculaire de 180 pieds au-dessus du pavé. Le diamêtre de la coupole est de 115 pieds.

24-го Апрѣля. Сегодня по случаю годовщины шестидесятилѣтней службы адмирала Рикорда ѣздилъ поздравить его. В. К. Константинъ Николаевичъ только что прибылъ на пароходѣ изъ Петербурга съ шифромъ Государя на эполеты Рикорду и вѣроятно съ рескриптомъ. Заѣзжалъ на минуту къ г-лу Дену. Сегодня большой обѣдъ въ честь адм. Рикорда, на которомъ увижу Греча, отправившагося поутру изъ Петербурга. Прогулка съ Кольчицкимъ по западному фасу. Г-лу Арбузову возвращено званіе генералъ-адъютанта.

26-го Апрѣля. Въ Субботу былъ на большомъ обѣдѣ моряковъ въ честь Рикорда. Обѣдъ былъ очень оживленъ ободрительнымъ присутствіемъ В. К. Константина Николаевича и искреннимъ участіемъ всѣхъ присутствовавшихъ. Много старыхъ моряковъ пріѣхало изъ Петербурга. Рикордъ благодарилъ рѣчью, старикъ Бунинъ отвѣчалъ ему. Но тотчасъ послѣ обѣда Гречъ, счастливою рѣчью, видимо внушенною картиной славной морской семьи, тѣснившейся около В-го Князя и Рикорда, умилилъ и вмѣстѣ умными шутками возвысилъ еще общій духъ веселія. Моряки его подхватили и откачали. Послѣ этого очень пріятнаго обѣда мы пошли съ Рикордомъ и Гречемъ посѣтить школу будущихъ штурмановъ. Порядокъ, удобство, опрятность, здоровыя и добрыя лица дѣтей, изящество зданія и устройство во всѣхъ частяхъ принесли намъ истинное удовольствіе. Вчера въ 12-ть часовъ съ ф.-а. полк. Исаковымъ, въ прекраснѣйшую погоду, по гладкому какъ зеркало морю, мы отправились на катерѣ въ форты Павла I-го, Александра и Петра. Вечеромъ я былъ обрадованъ нечаяннымъ пріѣздомъ Павла Петровича Мельникова съ инженеромъ Журавскимъ, отличнымъ штабъ-офицеромъ и человѣкомъ. Оба у меня ночевали. Рано поутру

сегодня сдѣлали большую прогулку пѣшкомъ по главнымъ частямъ крѣпости. Скоро по возвращеніи также неожиданно вошелъ сынъ Николай; до обѣда всѣ четверо отправились, гости въ дрожкахъ, а мы съ Николаемъ верхомъ, на косу, на обѣ приморскія батареи и до срываемаго штерншанца. Надежда обѣдать вмѣстѣ не удалась: возвратясь меня ожидало уже приглашеніе къ обѣду у Великаго Князя. Съ нимъ былъ и графъ Гейденъ. Корабли флота выходятъ одинъ за другимъ изъ гавани на рейдъ. Англо-Французовъ въ морѣ еще не открываютъ. Два Американскихъ судна и Русское пришли безъ задержки, никого не встрѣтивъ. Въ журналѣ Débats статья о Кронштадтѣ, весьма любопытная, въ которой, сходно съ мыслію, на которой настаиваю, указывается, съ умными подробностями, возможность предпринять что либо противъ Кронштадта только со стороны косы, посредствомъ десанта и канонерскихъ лодокъ.

28-го Апрѣля. Сегодня съ 9-ти часовъ до 4-хъ на ногахъ. Въ 9-ть на катерѣ съ г-мъ Деномъ и другими отправились ожидать Государя въ фортѣ Павла I-го. Государь прибылъ послѣ полудня съ Наслѣдникомъ, молодыми в. к-ми Николаемъ и Михаиломъ и кронпринцемъ Виртембергскимъ. Константинъ Николаевичъ также. Осмотрѣвъ фортъ, на пароходѣ съ Государемъ возвратились въ Кронштадтъ и сейчасъ на дрожкахъ за Государемъ на батареи № 1-й и 2-й; отъѣзжая я былъ подозванъ Государемъ, сказавшимъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ. Оттуда прямо до парохода за нимъ же. Въ три часа по-полудни Государь отъѣхалъ. Въ четыре обѣдалъ у Константина Николаевича.

29-го Апрѣля. Изъ Вѣны письмо отъ графа Вальмодена. Ему теперь восемьдесятъ пять лѣтъ. Почеркъ прежній и твердый. Душа столько же возвышенная, какъ я зналъ его тому 42 года. Онъ даетъ чувствовать свое неодобреніе нынѣшней политикѣ своего правительства. Поздравляетъ съ настоящимъ назначеніемъ моимъ и проситъ увѣдомить, чѣмъ это кончится. Обѣдалъ сегодня у В. К. Константина Николаевича. Мой начальникъ штаба Исаковъ уѣхалъ съ утра въ Петербургъ. Отправилъ съ нимъ билетъ на проѣздъ въ Кронштадтъ для моего семейства. До обѣда ѣздилъ верхомъ на оконечность косы за штерншанцъ. Американецъ Котманъ былъ у меня съ рекомен-

дательнымъ письмомъ отъ кн. В. В. Долгорукова; умный человѣкъ, пріятель президента Пирса. Онъ медикъ и вступилъ къ намъ въ службу, по симпатіи, какъ говоритъ, къ Россіи, раздѣляемой вообще его соотчичами.

2-го Мая. Грустно послѣ короткаго свиданія съ семействомъ! На одинокой вечерней прогулкѣ по береговому валу крѣпости, сидя на гранитномъ парапетѣ набережной моря, въ виду Ораніенбаума, въ семи верстахъ на противоположномъ берегу залива, я нашелъ хотя не успокоеніе, то по крайней мѣрѣ какое-то забытье, подъ однозвучный шумъ взволнованнаго свѣжимъ вѣтромъ моря; катера рѣяли между великанами вышедшаго на рейдъ флота, неподвижными по своей огромности, между тѣмъ какъ тѣ, то зарывались, то показывали дно на пѣнящихся валахъ. Время незамѣтно прошло въ этомъ безсознательномъ состояніи души, въ разные періоды жизни различно ощущаемомъ; въ настоящемъ, уже почти преклонномъ, было что-то прощальное.

Вчера молніей убитъ молодой солдатъ и трое ранены, возвращаясь съ работы полеваго укрѣпленія на косѣ.

3-го Мая. Ниже слуху объ Англо-Французскомъ флотѣ. Такая осторожность послѣ шумной хвастливости указываетъ на приготовленія къ обдуманному и важному предпріятію. Для отраженія покушеній съ моря все сдѣлано, и я полагаю, что тамъ ничего не будетъ; со стороны косы покуда еще многаго недостаетъ, какъ по числу, такъ и по составу войскъ. Въ послѣднія минуты, быть можетъ, рѣшатся подкрѣпить. Теперь еще меня не послушаютъ, и потому безполезно было бы представлять.

4-го Мая. Вечеромъ вышло изъ рейда въ море девять или болѣе пароходовъ, ведя на буксирѣ гребныя лодки въ шкеры на Финляндскіе берега. Красивы эти движенія судовъ въ морѣ.

5-го Мая. Горестный день: въ десятомъ часу пріѣхалъ Николай съ извѣстіемъ о кончинѣ моей бѣдной дочери Маріи, сегодня въ 6-ть часовъ утра! Отправилъ его домой, гдѣ нужно его присутствіе для семейства. Г.-ад. Философовъ посѣщеніемъ и умнымъ разговоромъ нѣсколько развлекъ печальныя мысли. Одного просилъ и надѣялся, что въ мои лѣта не достанется пережить кого либо изъ молодаго семейства. Да будетъ воля Божія!

Оставшись одинъ, ѣздилъ на косу, вошелъ въ богадѣльню на кладбищѣ. Старухи живутъ спокойно, на косѣ, оставленной жителями дачъ, отъ опасенія войны, для отжившихъ, какъ онѣ, не страшной. Кроватей пятьдесятъ. Потомъ на оставленной штерншанцъ, гдѣ долго ходилъ подъ ропотъ волнъ, разбивающихся о камни, которыми здѣсь усѣяно море. Мое уединеніе было нарушено большой собакой, прибѣжавшей съ довѣренностію ласкаться ко мнѣ. Потомъ она долго бѣжала за дрожками.

11 (23) Мая. Дочери и Владимиръ со мною въ Кронштадтѣ. Это измѣнило пріятнымъ образомъ мой образъ жизни и развлекло грустныя впечатлѣнія семейной потери. Мы выѣзжаемъ всякой день далеко на косу, я верхомъ, дочери съ Володей въ коляскѣ; останавливаемся въ гостинницѣ на берегу моря и возвращаемся большею частію пѣшкомъ почти до крѣпости; все вмѣстѣ составляетъ порядочную прогулку. Вечеромъ ѣздимъ въ городской садъ.

Отношенія наши къ Австріи съ прибытія къ арміи фельдмаршала становятся, кажется, хуже. О дѣйствіяхъ на Дунаѣ ничего не слышно. Взятіе и сожженіе Англійскаго парохода «Тигръ», сѣвшаго на мель и сдавшагося съ 24 офицерами и 205-ю ч. экипажа: безславное для Англичанъ событіе.

У насъ здѣсь происходитъ смѣна устроенныхъ и опытныхъ двухъ гвардейскихъ батарей двумя вновь сформированными изъ запасныхъ войскъ, не сдѣлавшими еще ни одного даже холостаго выстрѣла. И это здѣсь и теперь!

13 (25). Еще непріятность: состоявшій при мнѣ начальникомъ штаба флигель-адъютантъ полковникъ Исаковъ отозванъ въ Петербургъ для новаго назначенія. Съ нимъ дѣла устроились, и онъ былъ мнѣ надежнымъ помощникомъ. Теперь остаюсь съ двумя неопытными адъютантами. И все это къ тому времени, когда наступаетъ вѣроятно необходимость дѣйствовать. Войска неразмѣщены противъ моего мнѣнія, письменно изложеннаго, несообразно съ военными правилами. Что̀ за странная судьба!

17 (29) Мая. Сегодня прибылъ флигель-адъютантъ Перовской, (*) назначенный вмѣсто Исакова ко мнѣ въ должность

(*) Младшій изъ братьевъ Перовскихъ, графъ Борисъ Алексѣевичъ. См. его некрологъ въ „Русскомъ Архивѣ 1882 года (III,475). *П. Б.*

начальника штаба. Приданы еще четыре орудія казачьей конной артиллеріи.

Государь Императоръ въ 11 ч. утра объѣзжалъ на рейдѣ флотъ, потомъ вышелъ въ Кронштадтѣ на берегъ и выѣзжалъ на косу осмотрѣть вновь возведенный люнетъ и батарею № 2-й. Государь казался доволенъ всѣмъ что̀ видѣлъ. На этотъ разъ былъ ко мнѣ благосклоннѣе.

21 Мая (2 Іюня). Вчера навѣстили Н. И. Гречъ и Ѳедоръ Глинка. Послѣдній далъ мнѣ свое послѣднее стихотвореніе Ура. Сынъ Николай также пріѣзжалъ и сегодня уѣхалъ. Всѣ эти дни ѣздили на косу, я верхомъ. Третьяго дня пріѣзжалъ и сынъ Александръ. Сегодня смотрѣли на косѣ дачу для насъ назначенную. Цвѣты, деревья, тѣнь, обширные виды съ балкона, игры для дѣтей. Близость мѣста для купанья, когда придетъ время.

27 Мая (8 Іюня). Подъ Силистріей неудача: послѣ отбитой сильной изъ крѣпости вылазки, войска увлеклись штурмовать отдѣльное укрѣпленіе, отражены съ потерею 800 чел. и своего дивизіоннаго начальника (7-я дивизія). Изъ знакомыхъ ранены молодой графъ Орловъ пулей и осколкомъ и Костанда̀. Мысль отступленія за Серетъ, здѣсь не одобренная. Жомини въ Петербургѣ и, не смотря на пристрастіе къ фельдмаршалу, отъ похвалы воздерживается.

Тайныя депеши изъ Гамбурга описываютъ Французскій флотъ во многомъ въ невыгодномъ видѣ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ
РУССКАГО АРХИВА 1889 ГОДА.
(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

Стр.

Изъ исторіи царствованія Ивана Васильевича Грознаго.—Поволжье и Ливонія. (Казанскіе мятежи.—Покореніе Астрахани.—Иноземцы-мастера.—Война съ Швеціей.—Смуты въ Ливоніи.—Наши успѣхи.—Готгардъ Кетлеръ.—Распаденіе Ливоніи.—Взятіе Полоцка). **Д. И. Иловайскаго**.......... 5

Историко-критическія замѣтки: 1) О тиранствѣ Ивана Грознаго, 2) о смерти царевича Димитрія. **Д. И. Иловайскаго**. 362

Донесеніе Рижскаго губернатора **Дальберга** Карлу XII-му (по поводу посѣщенія Риги Петромъ Великимъ въ 1697 году). Съ предисловіемъ **С. В. Арсеньева** 385

Письма къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: **Блументроста, графовъ Румянцова и Головкина, князя Долгорукова и княгини Голицыной**. Съ предисловіемъ **А. Н. Труворова**....... 392

Письмо **Екатерины Великой** къ **Н. А. Бекетову**. 765 (о торговлѣ птичьимъ пухомъ).......... 397

Къ исторіи Кавказа и Закавказья 1774. (Рескриптъ **Екатерины Великой** генералу Медему, ея граматы царямъ Карталинскому и Имеретинскому и письма къ нимъ **графа Н. И. Панина**. (Сообщены **В. С. Абакумовымъ**).......... 559

Письмо **князя А. А. Вяземскаго** о храненіи почтовой тайны. 1782....... 397

Изъ предсмертныхъ бесѣдъ **Фридриха Великаго**.......... 527

Письмо **Суворова** къ С. А. Колычову. 1799.......... 398

Стр.

Духовное завѣщаніе священника XVIII вѣка (дѣдъ митрополита Филарета).......... 523

Татьяна Васильевна Шлыкова. 1773—1863. Воспоминаніе **графа С. Д. Шереметева**.......... 506

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой** (Раннее дѣтство.—Слуга Гаврила. — Няня-Шведка. — Таинственные разсказы.—Бабушка.—Пугачевщина.—Ванька-Каинъ.—Молодой Турокъ-христіанинъ въ Москвѣ.—Рядъ дорогихъ лицъ.—Князь Н. П. Щербатовъ.—Графиня А. П. Шереметева.—Романъ князя Орлова. — Поликарповы.—Графы Каменскіе.—Императрица Елисавета Петровна.—Преобразованія Петра Великаго.—Видѣніе Анны Іоанновны.—Наша знать и дворянство).......... 39

Нѣкоторыя объясненія на послужной списокъ генералъ-маіора **Дениса Давыдова**.......... 399

Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. Персидская война. 1826 годъ. (Въ Караклисѣ.—Успѣхи Персіянъ. — Князь Севарземидзевъ.—Имеретинъ Елибаръ. — Приказъ Ермолова. — Лазутчикъ Авакъ.—Оставленіе Караклиса. — Походъ въ горахъ.—На Безобдалѣ.—Вельяминовъ.—Лагерь въ Джелалъ-оглу.—Истребленіе Нѣмецкой колоніи.—Грузинская конница.—Возвращеніе князя Меншикова изъ Персіи. — Прибытіе Паскевича и распря съ Ермоловымъ.—Невѣсты. — Стычка съ Гассанъ-ханомъ. — Давыдовъ. — Лагерь въ Гумрахъ)..........177 и 571

Стр.

Изъ Записокъ **фельдмаршала князя Паскевича** (до Августа 1826)......... 407

Письмо **Императрицы Александры Өеодоровны** къ дѣвицѣ, выходившей замужъ................................. 404

Персидское посольство въ Россіи въ 1829 году. Статья **М. Г. Розонова** по бумагамъ графа П. П. Сухтелена...... 209

Дневникъ **графа П. П. Сухтелена** 1829 года о пребываніи Хозрева-мирзы въ Россіи............................ 240

Листокъ изъ записной книжки **Великой Княжны Александры Николаевны**. 1843.......................... 405

Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ въ семьѣ и на сценѣ. Воспоминанія **А. В. Щепкиной**................. 529

Два письма **М. С. Щепкина** къ Н. В. Гоголю, о Московскихъ театрахъ и постановкѣ Гоголевскихъ комедій (1836 и 1842)........................... 555

Изъ дневника и записной книжки **графа П. Х. Граббе**. 1849, 1853 и 1854 годы. Начало Крымской войны.—Въ ожиданіи должности. — Назначеніе въ Кронштадтъ (съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ).

Двѣ службы. (Динабургъ и Варшава.) Изъ воспоминаній **Теобальда**. 425

Письма Кавказскаго героя **Н. П. Слѣпцова** къ князю А. И. Барятинскому. 1851................................ 261

Изъ записокъ сенатора **К. Н. Лебедева**. Осень 1855 года. (По сдачѣ Севастополя.—Циркуляръ дворянству министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго.—Взятіе Карса)........... 141

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія, написанная **А. Л. Зиссерманомъ**. III. (Кавказъ въ 1856 году.—Перемѣны въ военномъ управленіи.—Главныя начальствующія лица.—Сосредоточеніе управленія.—Милютинъ и Евдокимовъ.—Общій планъ дѣйствій). Въ приложеніяхъ: Переписка съ Д. А. Милютинымъ.—Переписка съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Письма А. В. Головнина.—IV. 1857—1858 годы. (Происки Англіи.—Объѣздъ Сѣвернаго Кавказа. — Стѣсненіе Шамиля.—Покореніе Авгунскаго края.—Подвиги Евдокимова.—Взятіе Веденя.—Наступленіе въ средину Кавказа.) Въ приложеніяхъ: Письма (графа) **Д. А. Милютина**, переписка съ **Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ**, съ военнымъ министромъ **Н. О. Сухозанетомъ** и княземъ **А. М. Горчаковымъ**, письма **А. В. Головнина**.—V. 1859-й годъ. Въ приложеніяхъ: Письма **В. П. Буткова, графовъ П. Е. Коцебу и Д. А. Милютина**, переписка съ **Н. О. Сухозанетомъ**, письма и предписанія барону Врангелю.—VI и VII. (Успѣхи на Восточномъ Кавказѣ.—Сношенія съ Шамилемъ.—Гунибъ и его взятіе.—Бесѣда съ Шамилемъ)....107, 274, 446 и 605

По поводу разсказа Н. Д. Ахшарумова: „Смерть Слѣпцова". Статья **А. Л. Зиссермана**.................. 153

Замѣтка **А. А. Зиссермана** (о перепискѣ князя Барятинскаго съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ)............................ 528

Къ біографіи Р. А. Фадѣева. Замѣтка **Н. А. Фадѣевой**.................. 656

Письма **М. И. Топильскаго** къ А. М. Кубареву, съ примѣчаніями **Н. П. Барсукова и И. В. Помяловскаго**....... 161

Историческое значеніе слова „кормленіе". **Д. Д. Голохвастова**........... 650

Разсказы о митрополитѣ Филаретѣ. (Сообщены протоіереемъ **Силою Архангельскимъ**) 359

Увѣковѣченіе чуда 7 Октября. Статья **В. А. Кокорева**........................ 173

Приложены: 1) Гравированный портретъ князя Паскевича. 2) Портретъ князя А. И. Барятинскаго въ среднихъ лѣтахъ, 3) Въѣздъ его въ Тифлисъ намѣстникомъ, 4) Представленіе ему плѣннаго Шамиля.

Исторія Россіи. Томъ второй. Періодъ Московско-Литовскій.

I. Москва и Тверь. Калита и его сыновья.
II. Гедиминъ, Ольгердъ и судьба Югозападной Руси.
III. Дмитрій Донской и начало освобожденія.
IV. Ягелло и начало Польско-Литовской уніи.
V. Василій Московскій и Витовтъ Литовскій.
VI. Василій Темный и Русь Восточная.
VII. Свидригелло и Казиміръ IV. Начало Крымской орды.
VIII. Вѣчевыя общины. Новгородъ и Псковъ.
IX. Русская гражданственность въ Татарскую эпоху.
X. Церковь и книжное просвѣщеніе въ ту же эпоху.
XI. Торжество объединенія и независимости при Іоаннѣ III.
XII. Литовскія отношенія и внутреннія дѣла при Іоаннѣ III.

Очерки и разсказы изъ Древней Исторіи.

1. Стовратныя Ѳивы. 2. Развалины Ниневіи, 3. Миѳы о Троянской войнѣ. 4. Ксерксово нашествіе на Грецію. 5. Артемизій, Ѳермопилы и Саламинъ. 6. Периклъ и поводы къ Полопонесской войнѣ. 7. Сократъ. 8. Херонейская битва и смерть Филиппа. 9. Первые шаги Александра Великаго. 10. Преданія о Цинциннатѣ и Децемвирахъ. 11. Борьба Пирра и Тарентинцевъ съ Римлянами. 12. Нашествіе Аннибала на Италію. 13. Юлій Цезарь и послѣдніе республиканцы. 14. Важнѣйшіе патятники императорскаго Рима. 15. Констанцій II и Юліанъ-Отступникъ. 16. Скиѳы и Эллинскіе колонисты. 17. Херсонесъ Таврическій и Боспоръ Киммерійскій.

Очерки и разсказы изъ Средней Исторіи. Вып. 1.

1. Сарматы, Готы и Гунны, 2. Ѳеодосій Великій и торжество христіанъ. 3. Славяно-Гунскій царь Атилла. 4. Св. Северинъ, Одоакръ и Теодорихъ Остготскій. 5, Ѳеодора и партіи цирка. 6. Св. Софія Константинопольская. 7. Патріархъ Фотій и начало раздѣленія. 8. Св. Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе первоучители церквей, 9. Дѣтство Генриха IV и возвышеніе папства. 10. Генрихъ IV и Григорій VII. 11. Норманны въ Англіи и Гастингская битва. 12. Императрица Евдокія и Романъ Діогенъ.

ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ" выходитъ въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива" 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей. Для Германіи—**одиннадцать** рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ **двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

За перемѣну адреса городскаго на городской и иногороднаго на иногородный по 20 к.; за перемѣну иногороднаго на городской 50 к.; городскаго на иногородный—90 к. (по взимаемой почтовымъ вѣдомствомъ платѣ).

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1881, 1884, 1886, 1887 и 1888 гг. получаются со всѣми приложеніями, по 9 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива" вышли изъ обыкновенной продажи.

*

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива" имѣется азбучный указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія Предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива". Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою **Предметная Роспись „Русскаго Архива" ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее прибавляютъ къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ" 1889 года—**ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.